

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет

Элегии и думы

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»
О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную мглу.
1844

«Когда мечты мои за гранью прошлых дней...»
Когда мечты мои за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.
Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,
По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемый то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь там звучащих страсти эхом.
1844

«Когда мечтательно я предан тишине...»
Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,
И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;
И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасное взглянуть,
И вижу ясное, – и тихо, улыбаюсь,
Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,
И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, –
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!
1847

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»
Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.
Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет – и убежит в объятия валов.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь царица чувств, властительница дум...
А там придет волна – и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!
1847, 1855

«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...»
Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые – сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни –
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю – от пробора волос
До перекладины палец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.
Жалко... да нет – хорошо, что никто не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно вещи учить его понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие – не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить – состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай нам бог вечно любить!
1847

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»
Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желанья твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно – и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен... он – ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован, – ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоров божество – сирена под водою.
Июль 1847

«Ее не знает свет, – она еще ребенок...»
Ее не знает свет, – она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви – младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что виноград

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!
1847

«Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...»
Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу! Далекие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображение.
В сияньи полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистой и туже.
Бегу! Нигде огня, – соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.
1847

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»
Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, –
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.
1847

«Тебе в молчании я простираю руку...»
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.
Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.
Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.
И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
1847

«Не говори, мой друг: Она меня забудет...»
Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемогущего полет;
Измученной души напрасный жар пройдет,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнет младая грудь; замедленных речей
Польется снова ток блистательный и сладкой;
Ланиты расцветут – и в зеркало украдкой
Неволью станет взор с вопросом забегать, –
Опять весна в груди – и счастье опять».
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
В душе мечтательной смертельна эта рана.
Видал ли ты в лесах под тению дубов
С винтовками в руках засевших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несется горячо согласных гончих стая
И, праздным юношам дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы – и в переливах дыма
Еще быстрее лань, как будто невредима,
Проклятьем вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, –
Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.
1854

«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?...»
Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы –
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.
За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?
1854

«Под небом Франции, среди столицы света...»
Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбью мечта его полна.
Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край;
Так древле дикий скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.
О боже, перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!
1856

Смерти («Когда, измучен жаждой счастья...»)
Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участия
Искать страдалец обречен, –
Не верь, суровый ангел бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.
Придет пора – пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.
Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,
Кто дышит с равным напряженьем, –
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.
Конец 1856 или начало 1857

«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...»
Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь – опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь – и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злему вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях,
В вожжи твой пояс цветной сияясь, шалун, обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкою тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадиму с румяной головки;
Толстою прядью скользая, вся развернулася коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек;
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи!
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.
1857

Одинокий дуб
Смотри, – синяя друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Всё кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?
Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?
И под изрытую корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.
Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.
Когда же, вод взломав окопы,
Весенний ветер несет в дубровы
Твои поблеклые листья,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.
1856

Италия
Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял, –
Но не такой душа тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.
В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырасть;
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.
Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.
В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный
И слушаю – и кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.
В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгий взор, надменный и унылый.
И ящериц, мелькающих кругом,
и негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира под плющом
Раскидистым увечье вековое.
между 1856 и 1858

На развалинах цезарских палат
Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется,
Над сводами глухих и темных галерей
В груди моей сильнее живое сердце бьется,
И в жилах кровь бежит быстрее.
Пускай вокруг меня, тяжелые громады,
Из праха восстают и храмы, и дворцы,
И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,
И шум на площади, и женщин вереница,
И вновь увенчанный святой алтарь горит,
И из-под новых врат золотая колесница
К холму заветному спешит.
Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной!
Пускай я не дерзну сказать: «Ты не велик»,
Но, Рим, я радуюсь, что грустный и ничтожный
Ты здесь у ног моих приник!
Безжалостный квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,
что музы прокляли тебя.
Напрасно лепетал ты эллинские звуки:
Ты смысла тайного речей не разгадал
И на учителя безжалостные руки,
Палач всемирный, подымал.
Законность измерял ты силою великой –
что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь?
Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой,
как устаревший хищный зверь.
И вот растерзаны блестящие одежды,
в тумане утреннем развалина молчит,
и трупа буйного, жестокого невежды
Слезой камня не почитит.
между 1856 и 1858

«Пойду навстречу к ним знакомую тропю...»
Пойду навстречу к ним знакомую тропю.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далеко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой...
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Иль мне послышалось? – В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья.
Нет, точно – издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.
1859

Старые письма
Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давно-давно утрачено душой.
Горя огнем стыда, опять встречаются взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.
Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.
А я доверился предательскому звуку –
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! –
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.
Зачем же с прежнею улыбкой умиленья
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.
1859?

«О нет, не стану звать утраченную радость...»
О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее безумную любовь.
Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветер мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.
Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь,
Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.
Быть может – вечно вдаль с надеждой смотрят очи! –
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещей муз.
Там наконец я всё, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.
1857

«Окна в решетках, и сумрачны лица...»
Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата;
Я признаю твои стены, темница, –
Юности пир ликовал здесь когда-то.
Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах, то цветок мой весенний, любимый!
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюдимой?
Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Нет, не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место.
1882

«Не первый год у этих мест...»
Не первый год у этих мест
я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Всё тот же золоченый крест.
Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне – мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листы.
Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.
1864

«Томительно-призывно и напрасно...»
Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.
Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.
Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой – и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я – я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.
1871

«Ты отстрадала, я еще страдаю...»
Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.
А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. –
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!
Очей тех нет – и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!
4 ноября 1878

Alter Ego
Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья, –
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?
Ты душою младенческой всё поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.
Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.
У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!
январь 1878

Смерть

«Я жить хочу! – кричит он, дерзновенный. –
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним, – бездонный океан.
Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка, –
Уже под ними торжествует смерть.
Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь – базар крикливый бога,
То только смерть – его бессмертный храм.
1878

Среди звезд

Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.
В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность – мы, ты – миг.
Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.
Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где всё темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».
22 ноября 1876

«Измучен жизнью, коварством надежды...»

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.
Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.
И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.
И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.
И всё, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, –
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.
И этих грез в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю невольню,
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.
И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.
1864?

«Когда Божественный бежал людских речей...»
Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,
Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног твоих, все царства, – он сказал, –
С их обаянием и славой.
Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный –
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной».
Но Он отвечивал: «Писанию внимай:
Пред богом господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез – и ангелы пришли
В пустыне ждать его велений.
1874

Ничтожество
Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоём рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики
Условия первые земного бытия.
Сквозь слез младенческих обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,
И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой,
Я всё ищу добра – и нахожу лишь зло.
И дни сменяются утратой и заботой
(Не всё ль равно: один иль много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
Но миг – и ты в глазах с бездонностью своей.
Что ж ты? Зачем? – Молчат и чувства и познание.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты – это ведь я сам. Ты только отрицаешь
Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.
Что ж я узнал? Пора узнать, что в мирозданьи,
Куда ни обратись, – вопрос, а не ответ;
А я дышу, живу и понял, что в незнании
Одно прискорбное, но страшного в нем нет.
А между тем, когда б в смятении великом
Срываясь, силой я хоть детской обладал,
Я встретил бы твой край тем самым резким криком,
С каким я некогда твой берег покидал.
Добро и зло
Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя.
И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдешь.
Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом –
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.
И даже в час отдохновенья.

Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.
Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты как бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.
Пари всезрящий и всеильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет.
14 сентября 1884

Смерти («я в жизни обмирал и чувство это знаю...»)
я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель,
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель.
Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.
Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу – ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.
1884

«Не тем, Господь, могуч, непостижим...»
Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем
И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы,
Всё пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.
Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильнее и ярче всей вселенной.
Меж тем как я – добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, –
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.
1879

Никогда
Проснулся я. Да, крышка гроба. – Руки
С усилием простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. – Да, это наяву! –
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину
И встал. Как яростный этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль сомневаться? –
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком, нельзя с дороги сбиться.
А как он весь успел перемениться!
Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Всё молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушён!
И руки опустились в изумленье.
Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,
Она торчит в безоблачной дали.
Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Всё понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознание
С чем связано? И в чем его призвание?
Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути!
январь 1879

«Жизнь пронеслась без явного следа...»
Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась – кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, всё буйство первых дней
С их радостью – всё тише, всё ясней
К последнему подходят новоселью.
Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановаюсь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодной постелью.
1864

«О, этот сельский день и блеск его красивый...»
О, этот сельский день и блеск его красивый
В безмолвии я чту.
Не допустить до нас мой ищет глаз ревнивый
Безумную мечту.
Лелеяла б душа в успокоеньи томном
Неведомую даль,
Но так нескромно всё в уединеньи скромном,
Что стыдно мне и жаль.
Пойдем ли по полю – мы чуждые тревоги,
И радует ходьба,
Уж кланяются нам обоим вдоль дороги
Чужие всё хлеба.
Идем ли под вечер, избегнувши селений,
Где всё стоит в пыли,
По солнцу движемся – гляжу, а наши тени
За ров и в лес ушли.
Вот ночь со всем уже, что мучило недавно,
Перерывает связь,
А звезды, с высоты глядя на нас так явно,
Мигают, не стыдясь.
1884

Ласточки
Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши всё кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечеряющим прудом.
Вот понеслась и зачертила –
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.
И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, –
Не таково ли вдохновенье

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
и человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?
1884

Осень

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и холодной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!
Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.
Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.
8 октября 1883

«Учись у них – у дуба, у березы...»
Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.
Всё злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!
Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.
31 декабря 1883

«Солнце садится, и ветер утихнул летучий...»
Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.
Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!
29 апреля 1883

«Страницы милые опять персты раскрыли...»
Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.
О, как ничтожно всё! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых –
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.
Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них всё прошлое – один жестокий бред,
Без них – один укор, без них – одно терзанье,
И нет прощенья, и примиренья нет!
29 мая 1884

«Еще одно забывчивое слово...»
Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздых –
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.
1884

Теперь
Мой прах уснет забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучащим мне, внимай!
И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил – и ты за мной уйдешь.
Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной повею жизнью оба,
И ты и я – мы встретимся – теперь!
1883

«Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...»
Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всём, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.
1884

Севастопольское братское кладбище
Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.
Они под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнитесь, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.
Счастливицы! Вышею пылали вы любовью:
Тут что ни мавзолей, ни надпись – всё боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком и отец.
Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...
4 июня 1887

«В степной глуши, над влагой молчаливой...»
В степной глуши, над влагой молчаливой,
Где круглые раскинулись листья,
Любуюсь я давно, пловец пугливый,
На яркие плавучие цветы.
Они манят и свежестью пугают.
Когда к звездам их взорами прильну,
Кто скажет мне: какую измеряют
Подводные их корни глубину?
О, не гляди так мягко и приветно!
Я так боюсь забытья как-нибудь.
Твоей души мне глубина заветна:
В свою судьбу боюсь я заглянуть.
1867

«Дул север. Плакала трава...»
Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,

Сжималось сердце молодое.
Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пеньи голосистом;
Лишь соловьихи робких чад
Хриплым подзывали свистом.
Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.
Прощай, соловушко! – И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.
1880?

«Я потрясен, когда кругом...»
Дух всюду сущий и единый...

Державин
Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.
Но просветленный и немой,
Овеян властью неземной
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.
Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.
29 августа 1885

«Прости – и всё забудь в безоблачный ты час...»
Прости – и всё забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.
Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, –
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.
26 декабря 1886

Светоч
Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы;
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.
Когда же вдруг из тучи мгlistой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней.
Горел мой факел величаво,
Тянулись тени предо мной,
Но, обежав меня лукаво,
Они смыкались за спиной.
Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит,
И тем ужасней сумрак ночи,
Чем ярче светоч мой горит.
16 августа 1885

«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»
Нет, я не изменил. До старости глубокой
я тот же преданный, я раб твоей любви,
и старый яд цепей, отрадный и жестокой,
еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, –
не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
когда ты здесь, передо мной.
мелькнет ли красота иная на мгновение,
мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
и нежности былой я слышу дуновенье,
и, содрогаясь, я пою.
2 февраля 1887

«Светил нам день, будя огонь в крови...»
Светил нам день, будя огонь в крови...
прекрасная, восторгов ты искала
и о своей несбыточной любви
младенчески мне тайны поверяла.
как мог, слепец, я не видеть тогда,
что жизни ночь над нами лишь сгустится,
твоя душа, красы твоей звезда,
передо мной, умчавшись, загорится,
и, разлучась навеки, мы пойдем,
что счастья взрыв мы промолчали оба
и что вздыхать обоим нам по нем,
хоть будем врознь стоять у двери гроба.
9 июня 1887

«Когда читала ты мучительные строки...»
Когда читала ты мучительные строки,
где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
и страсти роковой вздымаются потоки, –
не вспомнила ль о чем?
я верить не хочу! когда в степи, как диво,
в полнотной темноте безвременно горя,
вдали перед тобой прозрачно и красиво
вставала вдруг заря
и в эту красоту невольно взор тянуло,
в тот величавый блеск за темный весь предел, –
ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
там человек сгорел!
15 февраля 1887

«Всё, всё мое, что есть и прежде было...»
Всё, всё мое, что есть и прежде было,
в мечтах и снах нет времени оков;
блаженных грез душа не поделила:
нет старческих и юношеских снов.
за рубежом вседневного удела
хотя на миг отрадно и светло;
пока душа кипит в горниле тела,
она летит, куда несет крыло.
не говори о счастье, о свободе
там, где царит железная судьба.
сюда! сюда! не рабство здесь природе –
она сама здесь верная раба.
17 июля 1887

«С солнцем склоняясь за темную землю...»
С солнцем склоняясь за темную землю,
взором весь пройденный путь я объеблю:
вижу, бесследно пустынная мгла
день погасила и ночь привела.
страшным лишь что-то мерцает узором:
горе минувшее тайным укором

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
В сбивчивом ходе несбыточных грез
Там миллионы рассыпало слез.
Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Всё бы, ах, всё бы с собою унести!
22 августа 1887

«Одним толчком согнать ладью живую...»
Одним толчком согнать ладью живую
С налаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учутья ветер с цветущих берегов,
Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,
Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец –
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец
28 октября 1887

«В полуночной тиши бессонницы моей...»
В полуночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором.
И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.
Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ишу пред ними я:
Они – развенчанные боги.
Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий.
И лишь надменные, назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот презренной молитвы.
Их снова ищет взор из-под усталых вежд,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их всё еще дымится.
3 января 1888

«Прости! во мгле воспоминанья...»
Прости! во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один, –
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.
Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастья и сил.
Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твоё тепло?
Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..
22 января 1888

«Руку бы снова твою мне хотелось пожать!..»
Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидеть неизменно прекрасного друга.
В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелось устало
То, что когда-то так много блаженства скрывало.
14 августа 1888

«Устало всё кругом: устал и цвет небес...»
Устало всё кругом: устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился.
Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О ночь осенняя, как всемогуща ты
Отказом от борьбы и смертною истомой!
24 августа 1889

Угасшим звездам
Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуют, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?
Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, –
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вздоха!
6 мая 1890

Поэтам
Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова неволью,
Как и бывало, пред вами, поэты.
В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.
Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.
С торжищ житейских, бесцветных и душевных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.
5 июня 1890

«Хоть счастье судьбой даровано не мне...»
Хоть счастье судьбой даровано не мне,
Зачем об этом так напоминать небрежно?
Как будто бы нельзя в больном и сладком сне
Дозволить мне любить вас пламенно и нежно.
Хотя б признался я в безумиях своих,
Что стоит робкого вам не пугать признанья?
Что стоит шелк ресниц склонить вам в этот миг,
Чтоб не блеснул в очах огонь негодованья?
Участья не прошу – могла б и ваша грусть,
Хотя б притворная, родить во мне отвагу,
И, издали молясь, поэт-безумец пусть
Прекрасный образ ваш набросит на бумагу.
16 июня 1890

«Еще люблю, еще томлюсь...»
Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекись
От ласк, ниспосланных тобою.
Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет вняттен отовсюду.
Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.
10 декабря 1890

«На кресле отвалясь, гляжу на потолок...»
На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится призрачною тенью.
Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом..
Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки..
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!..
Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, –
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.
15 декабря 1890

«Опавший лист дрожит от нашего движенья...»
Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист – наш следующий день.
Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнувших устах!
Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастье учиться вспоминать.
15 января 1891

«Не упрекай, что я смущаюсь...»
Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.
Те грезы – жизнь их осудила –
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.
Уже мерцает свет, готовый
Всё озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.
3 февраля 1891

«Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной...»
Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь
И, заглянув в глаза, мечте моей послушной

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
О беззаветности надежды говоришь, –
Нет, чтобы счастью нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаясь до дна,
Мне нужно одному с душой своей остаться,
Молчанье нужно мне кругом и тишина.
Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про всё, чем радостной обязан я судьбе,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомним о тебе.
19 февраля 1891

«Кляните нас: нам дорога свобода...»
Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всемогущая природа,
И прославлять мы будем век любовь.
В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг – так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!
2 марта 1891

Фонтан
Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Что, струей своей колышим,
Напевает нам фонтан.
– Я, и кровь, и мысль, и тело –
Мы послушные рабы:
До известного предела
Все возносимся мы смело
Под давлением судьбы.
Мысль несется, сердце бьется.,
Мгле мерцаньем не помочь;
К сердцу кровь опять вернется,
В водоем мой луч прольется,
И заря потушит ночь.
7 июня 1891

«О, как волнуюсь я мыслию больною...»
О, как волнуюсь я мыслию больною,
Что в миг, когда закат так девственно хорош,
Здесь на балконе ты, лицом перед зарею,
Восторга моего, быть может, не поймешь.
Внизу померкший сад уснул, – лишь тополь дальний
Всё грезит в вышине, и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,
И чистым золотом и мелким серебром.
И верить хочется, что всё, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.
12 августа 1891

«Всё, что волшебю так манило...»
Всё, что волшебю так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.
Нет ни надежд, ни сил для битвы –
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.
28 февраля 1892

«Я люблю его жарко: он тигром в бою...»
Я люблю его жарко: он тигром в бою

Нападает на хищных врагов;
Я люблю в нем отраду, награду мою
И потомка великих отцов.
Кто бы ни был ты – странник простой иль купец, –
Ни овцы, ни верблюда не тронь!
От кобыл Мугаммеда его жеребец –
Что небесный огонь этот конь.
Только мирный пришлец нагибайся в шатер
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку он ловок и скор:
Он бадья при колодце пустынь.
Будто месяц над кедром, белеет чалма
У него средь широких степей.
Я люблю, и никто – ни Фатима сама –
Не любила пророка сильнее!
1847

«Не дивись, что я черна...»
Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами.
Оглянись: сошла вода,
Зимний дождь не хлещет боле;
На горах опять стада,
И оратай вышел в поле.
Розой гор меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален.
Целый мир пахнул весной,
Тайный жар владеет девой;
Я прильну к твоей десной,
Ты меня обнимешь левой.
Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись – и опочий
У меня между грудями.
1847

Соловей и роза
Небес и земли повелитель,
Творец плодотворного мира
Дал счастье, дал радость всей твари
Цветущих долин Кашемира.
И равны все звенья пред Вечным
В цепи непрерывной творенья,
И жизненным трепетом общим
Исполнены чудные звенья.
Такая дрожащая бездна
В дыханьи полудня и ночи,
Что ангелы в страхе закрыли
Крылами звездистые очи.
Но там же, в саду мирозданья,
Где радость и счастье – привычка,
Забыты, отвергнуты счастьем
Кустарник и серая птичка.
Листов, окаймленных пилами,
Побегов, скрывающих спицы,
Боятся летучие гости,
Чуждаются певчие птицы.
Безгласная серая птичка
Одна не пугается терний,
И любят друг друга, – но счастья –
Ни в утренний час, ни в вечерний.
И по небу веки проходят,
Как волны безбрежного моря;
Никто не узнает их страсти,

Никто не увидит их горя.
Однажды сияющий ангел,
Купаясь в безднах эфира,
Узрел и кустарник, и птичку
В долине ночной Кашемира.
И нежному ангелу стало
Их видеть так грустно и больно,
Что с неба слезу огневую
На них уронил он невольно.
И к утру свершилось чудо:
Краснея и млея сквозь слезы,
Склонилась к ветке упругой
Головка душистая розы.
И к ночи с безгласною птичкой
Еще перемена чудесней:
И листья и звезды трепещут
Ее упоительной песней.
Он

Рая вечного изгнанник,
Вешний гость я, певчий странник;
Мне чужие здесь цветы;
Страшны искры мне мороза.
Друг мой, роза, дева-роза,
Я б не пел, когда б не ты.
Она

Полночь – мать моя родная,
Незаметно расцвела я
На заре весны;
Для тебя ж у бедной розы
Аромат, краса и слезы,
Заревые сны.
Он

Ты так нежна, как утренние розы,
Что пред зарей несет земле восток;
Ты так светла, что поневоле слезы
Туманят мне внимательный зрачок;
Ты так чиста, что помыслы земные
Невольно мрут в груди перед тобой;
Ты так святая, что ангелы святые
Зовут тебя их смертную сестрой.
Она

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету, когда ты спишь;
Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.
Но ни грусти, ни мученья
Ты обманом не зови:
Где же песни без стремленья?
Где же юность без любви?
Он

Дева-роза, доброй ночи!
Звезды в небесах.
Две звезды горят, как очи,
В голубых лучах;
Две звезды горят приветно
Нынче, как вчера;
Сон подкрался незаметно...
Роза, спать пора!
Она

Зацелую тебя, закачаю,
Но боюсь над тобой задремать:
На заре лишь уснешь ты; я знаю,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

что всю ночь будешь петь ты опять.
Закрываются милые очи,
Голова у меня на груди.
Ветер, ветер с суровой полночи,
Не тревожь его сна, не буди.
Я сама притаила дыханье,
Только вежды закрыл ему сон,
И над спящим склоняюсь в молчаньи:
Всё боюсь, не проснулся бы он.
Ветер, ветер лукавый, поди ты,
Я умею сама целовать;
Я устами коснулся ланиты,
И мой милый проснется опять.
Просыпайся ж! Заря потухает:
Для певца золотая пора.
Дева-роза тихонько вздыхает,
Отпуская тебя до утра.
Он

Ах, опять к ночному бденью
Вышел звездный хор...
Эхо ждет завторить пенью...
Ждет лесной простор.
Веет ветер над дубровой,
Пышный лист шумит,
У меня в тени кленовой
Дева-роза спит.
Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предузнаю
И звездам, что ей приснится,
Громко пропою.
Она

Я дремлю, но слышит
Роза соловья;
Ветерок колышет
Сонную меня.
Звуки остаются
Все в моих листках;
Слышу, – а проснуться
Не могу никак.
Заревые слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою!
* * *

И во сне только любит и любит,
И от счастья плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.
Эти песни земле рассказали
Всё, что розе приснилось во сне,
И глубоко, глубоко запали
Ей в румяное сердце оне.
И в ночи под землю коренья
Влагу ночи сосут да сосут,
А у розы слезой умиленья
Бриллиантами слезы текут.
Отчего ж под навесом прохлады
Раздается так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
Без конца твои сны, без конца!
1847

Восточный мотив
С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.
1882

Аваддон
Ангел, и лев, и телец, и орел –
Все шестикрылые – держат престол,
А над престолом, над тем, кто сидит,
Радуга ярким смарагдом горит.
Молнии с громом по небу летят,
И раздаются из них: «Свят, свят, свят!»
Вот пронсящийся ангел трубит,
С треском звезда к нам на землю летит,
Землю прошибла до бездны глухой,
Вырвался дым, как из печи большой.
Медными крыльями грозно стуча,
Вышла из дыма с коня саранча.
Львиные зубы, коса как у жен,
Хвост скорпионым жалом снабжен.
Царь ее гордой сияет красой,
То Аваддон, ангел бездны земной.
Будут терзать вас и жалить – и вот
Смерть призовете, и смерть не придет;
Пусть же изведает всякая плоть,
Что испытания хочет господь!
1883

К Офелии
«Не здесь ли ты легкою тенью...»
Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...
1842

«Я болен, Офелия, милый мой друг!..»
Я болен, Офелия, милый мой друг!
Ни в сердце, ни в мысли нет силы.
О, спой мне, как носится ветер вокруг
Его одинокой могилы.
Душе раздраженной и груди больной
Понятны и слезы, и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.
1847

«Офелия гибла и пела...»
Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.
И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.
1846

«Как ангел неба безмятежный...»
Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня
Ты помолись душою нежной
И за себя и за меня.
Ты от меня любви словами

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.
1843

Весна
«Уж верба вся пушистая...»
Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.
Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена –
И над душою каждою
Проносится весна.
1844

«Еще весна, – как будто неземной...»
Еще весна, – как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, – медленно и рядом
Мой темный профиль движется со мной.
Еще аллея не сумрачен приют,
Между ветвей небесный свод синеет,
А я иду – душистый холод веет
В лицо – иду – и соловьи поют.
Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.
Придет пора – и скоро, может быть, –
Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.
1847

«На заре ты ее не буди...»
На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.
И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.
А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.
И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.
Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!
1842

«Еще весны душистой нега...»

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.
Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.
Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.
1854

Пчелы
Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.
Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.
Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.
1854

Весенние мысли
Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгаящим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.
Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.
Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?
1848

Весна на дворе
Как дышит грудь свежо и емко –
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!
В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь –
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»
1855

Первый ландыш
О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!
Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!

Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!
Так дева в первый раз вздыхает –
О чем – неясно ей самой, –
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.
1854

Еще майская ночь
Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!
Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.
Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.
Нет, никогда нежней и бестелестней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть.
1857

«Опять незримые усилья...»
Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Всё ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.
Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.
Ручьи, журча и извиваясь
И меж собой переключаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.
А там по нивам на просторе
Река раскинулась как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.
1859

Весенний дождь

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаясь, трепещет.
А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.
Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
По свежим листьям барабанит.
1857

«Глубь небес опять ясна...»
Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна,
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.
Спит во гробе ледяном
Очарованная сном, –
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.
Но крылами вешних птиц
Он свеваает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.
22 марта 1879

«Еще, еще! Ах, сердце слышит...»
Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной,
И всё, что движется и дышит,
Задышит новою весной.
Уж травка светит с кочек талых,
Плаксивый чибис прокричал,
Цепь снеговую туч отсталых
Сегодня первый гром прорвал.
1882

«Когда вослед весенних бурь...»
Когда вослед весенних бурь
Над зацветающей землей
Нежней небесная лазурь
И облаков воздушен рой,
Как той порой отрадно мне
Свергать земли томящий прах,
Тонуть в небесной глубине
И погасать в ее огнях!
О, как мне весело следить
За пышным дымом туч сквозных –
И рад я, что не может быть
Ничто вольней и легче их.
1865

«Всю ночь гремел овраг соседний...»
Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.
Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,
Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля, –
А подо мной весенней дрожью,
Ходила гулкая земля.
Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?
1872

«Пришла, – и тает всё вокруг...»
Пришла, – и тает всё вокруг,
Всё жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних выюг,
Вдруг разучилось сжиматься.

Заговорило, зацвело
Всё, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.
Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.
Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Всё, что ковало, – миновало.
Нельзя заботы мелочной
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.
20 мая 1866

«Я рад, когда с земного лона...»
Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприущ,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.
И рядом, куст родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
Зовет заботливую мать.
Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.
Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.
12 декабря 1879

Майская ночь
Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.
Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. –
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.
А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно – как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой –
И в вечность улетим!
1870

«Я ждал. Невестю-царицей...»
Я ждал. Невестю-царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещет багрянницей,
И всё ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.
Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.
1860

«С гнезд замахали крикливые цапли...»
С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.
С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?
1883

«Сад весь в цвету...»
Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!
Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.
Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!
Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты – благодатная тайна моя.
1884

Кукушка
Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: ку-ку.
Сердце! – вот утро – люби же
Всё, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое, – ку-ку.
Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздаётся трикратно
Ясно и томно: ку-ку.
17 мая 1886

«За горами, песками, морями...»
За горами, песками, морями –
Вечный край благовонных цветов,
Где, овеяны яркими снами,
Дремлют розы, не зная снегов.
Но красы истомленной молчанье
Там на всё налагает печать,
И палящего солнца лобзанье
Призывает не петь, а дышать.
Восприяв опьянения долю
Задремавших лесов и полей,
Где же вырваться птичке на волю
С затаенною песнью своей?
И сюда я, где сумрак короче,
Где заря любит зорю будить,
В холодок вашей северной ночи
Прилетаю и петь и любить.
Апрель 1891

Лето
«Как здесь свежо под липою густою...»
Как здесь свежо под липою густою –
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опухал.
А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.
За мглой ветвей синеют неба своды,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Как дымящую подернуты слегка,
И, как мечты почившей природы,
Волнистые проходят облака.
1854

Дождливое лето
Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший – бури весть,
И в дальнем колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.
Покрыты слегшими травами,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля.
Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа с косою, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.
Конец 50-х годов

«Зреет рожь над жаркой нивой...»
Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.
Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.
Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.
Конец 50 годов

Нежданный дождь
Всё тучки, тучки, а кругом
Всё сожжено, всё умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?
Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарю радуга стояла.
Смирись, мятущийся поэт, –
С небес нисходит жизнь влага,
Чего ты ждешь, того и нет,
Лишь незаслуженное – благо.
Я – ничего я не могу;
Один лишь может, кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живоносные шлет тучи.
1866

«Ты видишь, за спиной косцов...»
Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым,
И поздний пар от их котлов
Упитан ужином душистым.
Лиловым дымом даль поя,
В сияньи тонет дня светило,
И набежавших туч края
Стеклом горючим окаймил.
Уже подрезан, каждый ряд
Цветов лежит пахучей цепью.
Какая тень и аромат
Плывут над меркнувшею степью!
В душе смиренной уясни

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Дыханье ночи непорочной
И до огней зари восточной
Под звездным пологом усни!
1864

Осень
«Непогода – осень – куришь...»
Непогода – осень – куришь,
Куришь – всё как будто мало.
Хоть читал бы, – только чтение
Подвигается так вяло.
Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.
Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Всё такая чертовщина!
Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю..
1847

«Ласточки пропали...»
Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.
С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.
Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.
Выйдешь – поневоле
Тяжело – хоть плачь!
Смотришь через поле
Перекасти-поле
Прыгает как мяч
1847

«Какая холодная осень!..»
Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.
Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.
1854

Псовая охота
Последний сноп свезен с нагих полей,
По стоптанным гуляет жнивьям стадо,
И тянется станица журавлей
Над липником замолкнувшего сада.
Вчера зарей впервые у крыльца
Вечерний дождь звездами начал стынуть.
Пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

В поля! В поля! Там с зелени бугров
Охотников внимательные взоры
Натешатся на острова лесов
И пестрые лесные косогоры.
Уже давно, осыпавшись с вершин,
Осинников редеет глубь густая
Над гулками извивами долин
И ждет рогов да заливного лая.
Семьи волков притон вчера открыт,
Удастся ли сегодня травля наша?
Но вот русак сверкнул из-под копыт,
Всё сорвалось – и заварилась каша:
«Отбей собак! Скачи наперерез!»
И красный верх папахи вдаль помчался;
Но уж давно весь голосистый лес
На злобный лай стократно отозвался.
1858

«Вот и летние дни убавляются...»
Вот и летние дни убавляются.
Где же лета лучи золотые?
Только серые брови сдвигаются,
Только зыблются кудри седые.
Нынче утром, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнул я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
На мгновенье зарделось окошко.
Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло над нами, –
Знать, опять, мое солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!
19 июня 1887

Осенняя роза
Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.
Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.
Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.
18 сентября 1885

«Задрожали листья, облетая...»
Задрожали листья, облетая,
Тучи неба закрыли красу,
С поля буря ворвавшись злая
Рвет и мечет и воет в лесу.
Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна,
Светлогруда, легка, невеличка,
Не запугана бурей одна.
И грохочет громов перекличка,
И шумящая мгла так черна...
Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.
13 июля 1887

Сентябрьская роза
За вздохом утренним мороза,
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
В день быстролетней сентября!

Перед порхающей синицей
В давно безлиственных кустах
Как дерзко выступать царицей
С приветом вешним на устах.
Расцвести в надежде неуклонной –
С холодной разлучась грядой,
Прильнуть последней, опьяненной
К груди хозяйки молодой!
22 ноября 1890

«Опять осенний блеск денницы...»
Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.
И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь зануть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.
7 сентября 1891

Снега
«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...»
На пажитях немых люблю в мороз трескучий
При свете солнечном я снега блеск колючий,
Леса под шапками иль в инее седом
Да речку звонкую под темно-синим льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Заваянные рвы, навеянные горы,
Былинки сонные среди нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей,
Изваян полночью, – иль тучи вихрей дальных
На белых берегах и полыньях зеркальных.
1842, 1855

«Знаю я, что ты, малютка...»
Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снеге вижу утром
Легкий оттиск башмачка.
Правда, ночь при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты недаром, друг мой,
Покидаешь ложе сна:
Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.
Но боюсь я, друг мой милый,
Как бы в вихре дух ночной
Не завеял бы тропинку,
Проложенную тобой.
1842

«Вот утро севера – сонливое, скупое...»
Вот утро севера – сонливое, скупое –
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь – и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит – и скроется... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.
1842

«Ветер злой, ветер крутой в поле...»
Ветер злой, ветер крутой в поле
Заливается,
А сугроб на степной воле
Завивается,
При луне на версте мороз –
Огонечками.
Про живых ветер весть пронес
С позвоночками.
Под дубовым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.
1847

«Печальная береза...»
Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Как гроздь винограда,
Ветвей концы висят, –
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.
Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей
1842

«Кот поет, глаза прищуря...»
Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».
Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.
1842

«Чудная картина...»
Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.
1842

«Ночь светла, мороз сияет...»
Ночь светла, мороз сияет,
Выходи – снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.
Сядем, полость застегну я, –
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, – замолчу я,
И – пошел куда ни будь!
1847

«На двойном стекле узоры...»
На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес;
Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Всё кругом меня
Пред горящими дровами
Сядем – там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.
Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.
1847

«Скрип шагов вдоль улиц белых...»
Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.
От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.
Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.
1858?

«Еще вчера, на солнце млея...»
Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.
Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.
Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо – всё одето
Каким-то тусклым серебром.
Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.
Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.
1864?

«Какая грусть! Конец аллеи...»
Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.
На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,

Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.
И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.
А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,
Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, –
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.
Начало 1862

У окна
К окну прикинув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась – и с тобой
Помчаться по равнине снежной.
Но в блеск сокрылась ты лесов,
Под листья яркие банана,
За серебро пустынных мхов
И пыль жемчужную фонтана.
Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен.
Вдруг ты вошла – я всё узнал –
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как всё верно подсказал
Мне на стекле узор мороза!
1871

«Мама! глянь-ка из окошка...»
Мама! глянь-ка из окошка –
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело –
Видно, есть мороз.
Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней –
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.
Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»
9 декабря 1887

Гадания
«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...»
Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет – и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.
Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шею белою
Плавает, давит меня!
Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!

Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!
Ленты да радуги, ярче и жарче дня..
Дух захватило в груди..
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня – сгинь, пропади!
1842

«Полно смеяться! что это с вами?...»
«Полно смеяться! что это с вами?
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон анбар».
«Чу! не стучите! кто-то шагает
Вдоль закровов..
Сыплет да сыплет, пересыпает
Рожь из мешков.
Сыплет орехи, деньги считает,
Шубой шумит,
Всем наделяет, всё обещает,
Только сердит».
– «Ну, а тебе что?» – «Тише, сестрицы!
Что-то несут:
Так и трясутся все половицы..
Что-то поют;
Гроб забивают крышей большою,
Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! знать, надо мною
Шут подшутил».
1842

«Ночь крещенская морозна...»
Ночь крещенская морозна,
Будто зеркало – луна.
«Побегу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна».
– «Я, сестрица, за тобою
Не пойду – одна иди!»
– «Я с тобою, – за избою
Наводи да наводи!»
Ничего: пес рябый ходит,
Вот и серый у ворот..
И красавица наводит –
И никак не наведет.
«Вижу, вижу! потянулись:
Раз, два, три, четыре, пять..
Заструились, покачнулись,
Стало три опять.
Ну, захочет почудесить?
Со страстей рехнуся я..
Шесть, семь, восемь, девять, десять –
Чешуя как чешуя..
Вот одиннадцать – всё лица!
Вот собаки лай и вой..
Чур меня!..» – «Ну что, сестрица?»
– «Раскрасавец молодой!»
1842

«Помню я: старушка-няня...»
Помню я: старушка-няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,
И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчет;
Но зато я так влюбился,

Что приходится невмочь...
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.
Что, – не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.
1842

«Перекресток, где ракирка...»
Перекресток, где ракирка
И стоит и спит...
Тихо ветхая калитка
За плетнем скрипит.
Кто-то крадется сторонкой,
Санки пробегут –
И вопрос раздастся звонкой:
«Как тебя зовут?»
1842

Мелодии
«Когда я блестящий твой локон целую...»
Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, –
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?
Хоть вечер и близок, не бойся! От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну –
Луна не в тумане, а звезд хоть и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.
Хоть в сердце не веруй... хоть веруй в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми –
И жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!
1842

«Тихо ночью на степи...»
Тихо ночью на степи;
Небо ей сказало: спи!
И курганы спят;
Звезды ж крупные в лучах
Говорят на небесах:
Вечный – свят, свят, свят!
В небе чутко и светло.
Неподвижное крыло
За плечом молчит, –
Нет движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
Ангел пролетит.
1847

«Весеннее небо глядится...»
Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.
Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.
Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.

Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.
Август 1844

«Я полон дум, когда, закрывши вежды...»
Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
Я полон дум.
Я всё с тобой, когда рука неволи
Владеет мной –
И целый день, туманно ли, светло ли, –
Я всё с тобой.
Вот месяц всплыл в своем сияньи дивном
На высоты,
И водомет в лобзаньи непрерывном, –
О, где же ты?
1842

«Младенческой ласки доступен мне лепет...»
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячим приливом по сердцу стремится.
Скажу той звезде, что так ярко сияет, –
Давно не видались мы в мире широко,
Но я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначным оком:
– Ты смотришь мне в очи. Ты права: мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет,
Душа откровенно так с жизнью мирится.
1847

«Не отходи от меня...»
Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...
Ближе друг к другу, чем мы, –
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильнее
Мы не умеем любить.
Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, –
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!
1842

«Тихая, звездная ночь...»
Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.
Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.
Друг мой, я звезды люблю –
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

«Буря на небе вечернем...»
Буря на небе вечернем
Моря сердитого шум –
Буря на море и думы,
Много мучительных дум –
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум –
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.
1842

Notturmo
Ты спишь один, забыт на месте диком,
Старинный монастырь!
Твой свод упал; кругом летают с криком
Сова и нетопырь.
И стекол нет, и свищет вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющ растет, да устремляет очи
Полночная луна.
И кто-то там мелькает в свете лунном,
Блестит его убор –
И слышатся на помосте чугунном
Шаги и звуки шпор.
И грустную симфонию печали
Звучит во тьме орган...
То тихо всё, как будто вечно спали
И стены и орган.
1842

«Теплым ветром потянуло...»
Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.
В загородке улеглись
И жуют волю,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.
Только выше всё всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.
Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая
Ночь светла, как день.
1842

«Если зимнее небо звездами горит...»
Если зимнее небо звездами горит
И мечтательно светит луна,
Предо мною твой образ, твой дивный скользит,
Словно ты из лучей создана.
И светла и легка, ты несешься туда...
Я гляжу и молю хоть следов.
И светла и легка – но зато ни следа;
Только грудь обуяет любовь.
И летел бы, летел за красою твоей –
И пускай в небе звезды горят
И быстрее и светлей мириады лучей
На пылинки ночные глядят.
1843

«Полуночные образы реют...»
Полуночные образы реют,

Блещут искрами ярко впотьмах,
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.
Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут –
Но о чем это стонут оне?
Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пес;
То нахлынут, то бездну откроют,
Как волна обнажает утес.
1843

«Я долго стоял неподвижно...»
Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, –
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...
1843

«Шумела полночная вьюга...»
Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.
И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце – ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!
Березы скрипят за стеною,
Сук еле трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!
1842

«Улыбка томительной скуки...»
Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, –
Знать, вас не услышать мне дважды!
Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?
Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвеченный уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умирительно просит?
1844

Серенада («Тихо вечер догорает...»)
Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, –
Спи, мое дитя.
Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, –
Спи, мое дитя.
Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, –
Спи, мое дитя.
1844

«За кормою струйки вьются...»

За кормою струйки вьются,
Мы несемся в челноке,
И далеко раздаются
Звуки «Нормы» по реке.
Млечный Путь глядится в воду –
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу –
И луна бежит вослед.
Струйки вьются, песни льются,
Вторит эхо вдалеке,
И, дробясь, раздаются
Звуки «Нормы» вдалеке.
1844

Фантазия

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.
Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?
На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;
Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.
Листья полны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.
Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще – и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.
Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.
1847

«Недвижные очи, безумные очи...»

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы среди дня и в часы полуночи
Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами мелькнувшем,
Которого сердцу так жаль?
Не высмотреть вам, чего нет и что было,
Что сердце, тоскуя, в себе схоронило
На самое темное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой беспощадной,
Что было так щедро дано!
1846

«Как мошки зарею...»

Как мошки зарею,

Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.
Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.
Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно..
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!
11 августа 1844

«Спи – еще зарею...»
Спи – еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;
Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.
Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.
1847

«Свеж и душист твой роскошный венок...»
Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.
Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, –
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.
Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.
1847

«Давно ль под волшебные звуки...»
Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Теплы были звезды очей.
Вчера пели песнь погребенья,
Без крыши гробница была;
Закрывши глаза, без движенья,
Она под парчою спала.
Я спал... над постелью моею
Стояла луна мертвецом.
Под чудные звуки мы с нею
Носились по зале вдвоем.
1842

«Снился берег мне скалистый...»
Снился берег мне скалистый,
Море спало под луною,
Как ребенок дремлет чистый, –
И по нем скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.
Конец 1856 или начало 1857

Туманное утро

Как первый золотистый луч
Меж белых гор и сизых туч
Скользит уступами вершин
На темя башен и руин,
Когда в долинах, полных мглой,
Туман недвижим голубой, –
Пусть твой восторг во мглу сердец
Такой кидает свет, певец!
И как у розы молодой,
Рожденной раннею зарей,
Когда еще палящих крыл
Полудня ветер не раскрыл
И влажный вздох туман ночной
Меж небом делит и землей,
Росинка катится с листа, –
Пусть будет песнь твоя чиста.
Конец 1856 или начало 1857

Римский праздник
Не напевай тоскливой муки
И слезный трепет утиши,
Воздушный голос! – Эти звуки
Смущают кроткий мир души.
Вокруг светло. На праздник Рима
Взглянули ярко небеса –
И высоко-неизмерима
Их светло-синяя краса.
Толпа ликует как ребенок,
На перекрестках шум и гул,
В кистях пунцовых, бодр и звонок,
По мостовой ступает мул.
В дыханьи чары мимолетной
Уже ласкались вокруг меня
И радость жизни беззаботной
И свет безоблачного дня.
Но ты запел – и злые звуки
Смущают кроткий мир души...
О, не зови тоскливой муки
И слезный трепет утиши!
Конец 1856 или начало 1857

Цветы
С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.
Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.
Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.
1858

«Вчера я шел по зале освещенной...»
Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.
И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различил едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.
Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы –
И кажется, летя под звук любимый,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Ты прошептала кротко: «Что же ты?»
И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую – пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.
1858

«Всё вокруг и пестро так и шумно...»
Всё вокруг и пестро так и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.
Только изредка, поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,
Нежный лик твой встает предо мною,
И ему улыбаюсь я.
1856

Певице
Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.
О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом..
Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, –
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.
Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.
1857

Бал
Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.
И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.
О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!
Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнью дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?
1857

Anruf An Die Geliebte Бетховена
Пойми хоть раз тоскливое признание,
Хоть раз услышь души молящей стон!
Я пред тобой, прекрасное созданье,
Безвестных сил дыханьем окрылен.
Я образ твой ловлю перед разлукой,
Я, полон им, и млею, и дрожу,
И, без тебя томясь предсмертной мукой,
Своей тоской, как счастьем, дорожу.
Ее пою, во прах упасть готовой.
Ты предо мной стоишь как божество –
И я блажен; я в каждой муке новой

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Твоей красы предвижу торжество.
1857

«Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...»
Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.
Я и думать забыл про холодную ночь, –
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалось прочь,
Будто искры в дыму улетело.
Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупю, лениво.
И лениво и скупю мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.
Но нахмурится ночь – разгорится костер,
И, вясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.
1859

«Свеча нагорела. Портреты в тени...»
Свеча нагорела. Портреты в тени.
Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушке зевнулось. По окнам огни
Прошли в те дальние комнаты.
Никак комара не прогонишь ты прочь, –
Поет и к свету всё просится.
Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь,
Куда душа переносится.
Подкрался, быть может, и смотрит в окно?
Увидит мать – догадается;
Нет, верно, у старого клена давно
Стоит в тени, дожидается.
1862

«Нет, не жди ты песни страстной...»
Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки – бред неясный,
Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
Ласковые сны.
Звонким роем налетели,
Налетели и запели
В светлой вышине.
Как ребенок им внимаю,
Что сказалось в них – не знаю,
И не нужно мне.
Поздним летом в окна спальни
Тихо шепчет лист печальный,
Шепчет не слова;
Но под легкий шум березы
К изголовью, в царство грезы
Никнет голова.
1858

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»
Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.
Ты пела до зари, в слезах изнемогая,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звуки не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.
И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.
Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!
2 августа 1877

«Что ты, голубчик, задумчив сидишь...»
Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь – не слышишь, глядишь – не глядишь?
Утро давно, а в глазах у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.
– Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чудную песню я слышал во сне,
Несколько слов до яву мне прожгло.
Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах, верно сказала б ты мне,
В чем этот голос меня укорял.
Начало 1875

«В дымке-невидимке...»
В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?
Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольню.
И тебе не томно?
И тебе не больно?
Апрель 1873

«Одна звезда меж всеми дышит...»
Одна звезда меж всеми дышит
И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
И говорит:
Не суждено с тобой нам дружно
Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
Ни клятв, ни слов.
Не нам восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
Кто ты, кто я.
Чем мы горим, светить готово
Во тьме ночей;
И счастья ищем мы земного
Не у людей.
1882

«Истрепались сосен мохнатые ветви от бури...»
Истрепались сосен мохнатые ветви от бури,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Всё сорвать хочет ветер, всё смыть хочет ливень ручьями.
Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?
О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю!
Конец 60-х гг.?

«Солнце ниже лучами в отвес...»
Солнце ниже лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!
Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!
Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес!
1863

«Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...»
Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.
В этой ночи, как в желаньях, всё беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.
Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.
1863

«Забудь меня, безумец исступленный...»
Забудь меня, безумец исступленный,
Покоя не губи.
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты призрак не люби!
О, верь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стеля,
Чем ближе ты к мечте своей воздушной,
Тем дальше от меня.
Так над водой младенец, восхищенный
Луной, подымлет крик;
Он бросился – и с влаги возмущенной
Исчез серебристый лик.
Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам.
Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там.
1855

«Прежние звуки, с былым обаяньем...»
Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Всё, что сказалося в жизни страданьем,
Пламенем жгучим пахнуло в крови!
Старые песни, знакомые звуки,
Сон, безотвязно больной!
Точно из сумрака бледные руки
Призраков нежных манят за собой.
Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой! –
Доброю няней, прильнув к изголовью,
Старая песня, звучи надо мной!
Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцветет!
Может быть, сердце утихнет больное
И, как дитя в колыбели, уснет.
Конец 1862

«Как ясность безоблачной ночи...»
Как ясность безоблачной ночи,
Как юно-нетленные звезды,
Твои загораются очи
Всесильным, таинственным счастьем.
И всё, что лучом их случайным
Далеко или близко объято,
Блаженством овеяно тайным –
И люди, и звери, и скалы.
Лишь мне, молодая царица,
Ни счастья нет, ни покоя,
И в сердце, как пленная птица,
Томится бескрылая песня.
1862

«Сны и тени...»
Сны и тени
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,
Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.
Только минем
Сумрак свода, –
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.
1859

Шопену
Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки –
Ты еще со мной!
Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, –
И не нужно мне надежды:
Этот час – он мой!
Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепенулось;
Не туда, в то горе злое,

я несусь в мое былое, –
я на всё, на всё иное
Отпылал, потух!
Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки –
Разорвется вдруг!
1882

Романс («Злая песнь! Как больно возмутила...»)
Злая песнь! Как больно возмутила
Ты дыханьем душу мне до дна!
До зари в груди дрожала, ныла
Эта песня – эта песнь одна.
И поючим отдаваться мукам
Было слаще обаянья сна;
Умереть хотелось с каждым звуком,
Сердцу грудь казалась тесна.
Но с зарей потухнул жар напевный
И душа затихнула до дна.
В озаренной глубине душевной
Лишь улыбка уст твоих видна.
1882

«Я видел твой млечный, младенческий волос...»
я видел твой млечный, младенческий волос,
я слышал твой сладко вздыхающий голос –
и первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.
я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастьем не будет конца.
1884

«Только в мире и есть, что тенистый...»
Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.
3 апреля 1883

В лунном сиянии
Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!
Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.
Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!
27 декабря 1885

На рассвете

Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жметя под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.
1 апреля 1886

«Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть...»
Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, –
То кулик простонал или сич.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.
Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, –
И не нужно речей, ни огней, ни очей –
Мне дыхание скажет, где ты.
10 апреля 1887

«Я тебе ничего не скажу...»
Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.
2 сентября 1885

«Всё, как бывало, веселый, счастливый...»
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому;
Пусть ты летишь, отдаваясь другому.
Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое всё по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
Сердце по-прежнему любит и верит.
Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки, –
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.
24 июля 1887

«Моего тот безумства желал, кто смежал...»
Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блески, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.
Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.
И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мед благовонный – он мой, для меня,
Пусть другим он останется топким лишь воском!
25 апреля 1887

«Сплю я. Тучки дружные...»

Сплю я. Тучки дружные,
Вешние, жемчужные
Мчатся надо мной;
Смутные, узорные,
Тени их проворные –
По полям грядой.
Подбежали к чистому
Пруду серебристому,
И – вдвойне светло.
Уж не тени мрачные, –
Облака прозрачные
Смотрятся в стекло.
Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты;
Вдруг сама, заветная,
Кроткая, приветная,
Улыбнулась ты.
19 сентября 1887

«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...»

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участия,
Оставь и дозвожь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв всё на свете, дышать!
Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, –
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.
Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи, – светила дневного
Боится крылатый певец? –
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, –
И счастью и песне конец.
4 ноября 1887

«Гаснет заря в забытии, в полусне...»

Гаснет заря в забытии, в полусне.
Что-то неясное шепчешь ты мне;
Ласки твои я расслушать хочу, –
«Знаю, ах, знаю», – тебе я шепчу.
В блеске, в румяном разливе огня,
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя, –
Летняя вслед за тобою заря.
Сладко сегодня тобой мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свет не допустит меня за тобой.
29 декабря 1888

«Чужая внушенная другими ответ...»

Чужая внушенная другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.
30 января 1890

Во сне
Как вешний день, твой лик приснился снова, –
Знакомую приветствую красу,
И по волнам ласкающего слова
Я образ твой прелестный понесу.
Сомнений нет, неясной нет печали,
Всё высказать во сне умею я,
И мчит да мчит всё далее и дале
С тобою нас воздушная ладья.
Перед тобой с коленопреклоненьем
Стою, пленен волшебною игрой,
А за тобой – колеблемый движеньем,
Неясных звуков отстающий рой.
26 апреля 1890

«Запретили тебе выходить...»
Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.
Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней –
Это песня с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.
7 июля 1890

«Я не знаю, не скажу я...»
Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я всё пою,
И задорное веселье
Ты, как легкое похмелье,
Проливаешь в песнь мою,
Иль – еще того чудесней –
За моей дрожащей песней
Тает дум невольных мгла,
И за то ли, оттого ли
До томления, до боли
Ты приветливо светла?
11 декабря 1890

«Только месяц взошел...»
Только месяц взошел
После жаркого дня, –
Распустился, расцвел
Цвет в груди у меня.
Что за счастье – любя,
Этот цвет охранять!
Как я рад, что тебя
Никому не видать!
Погляди, как спешу
Я в померкнувший сад –
И повсюду ношу
Я цветка аромат.
11 февраля 1891

«Мы встретились вновь после долгой разлуки...»
Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжелой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.
Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!
Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, – мы сидели под ивой плакучей

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
и плакали, плакали мы!
30 марта 1891

«Люби меня! Как только твой покорный...»
Люби меня! Как только твой покорный
я встречу взор,
У ног твоих раскину я узорный
Живой ковер.
Окрылены неведомым стремленьем,
Над всем земным
В каком огне, с каким самозабвением
Мы полетим!
И, просияв в лазури сновиденья,
Предстанешь ты
Царить навек в дыханьи песнопенья
И красоты.
13 апреля 1891

Вечера и ночи
«Долго еще прогорит Веспера скромная лампа...»
Долго еще прогорит Веспера скромная лампа,
Но уже светит с небес девы изменчивый лик.
Тонкие змейки сребра блещут на влаге уснувшей.
Звездное небо во мгле дальнего облака ждет.
Вот потянулось оно, легкому ветру послушно,
Скрыло богиню, и мрак сладостный землю покрыв.
1842

«Что за вечер! А ручей...»
Что за вечер! А ручей
Так и рвется.
Как зарей-то соловей
Раздается!
Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.
Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, –
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.
Так-то всё весной живет!
В роще, в поле
Всё трепещет и поет
Поневоле.
Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, –
Придут с песнью на устах
Наши дети;
А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.
1847

«Право, от полной души я благодарен соседу...»
Право, от полной души я благодарен соседу:
Славная вещь – под окном в клетке держать соловья
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы:
Только прощальным огнем озлатятся кресты на церквах
И в расцветавший сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна, –
Тени ночные в певце пробудят желание воли,
И под окном соловей громко засвищет любовь.
Что за головка у ней, за белые плечи и руки!
Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!
Стан – загляденье! притом какая лукавая ножка!
Будто бы дразнит мелькая... Но вечер давно уж настал...

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Что ж не поет соловей или что ж не выходит соседка?...
Может, сегодня мы все трое друг друга пойдем.
1842

«Я люблю многое, близкое сердцу...»
я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...
Чаще всего мне приятно скользнуть по заливу
Так – забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, –
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весной
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаха
На тихие воды.
Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и поздней ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Всё громче и громче.
Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это – жизнь или сон?
Счастлив я или только обманут?
Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И на небе ясном высоко сверкает зарница.
1842

«Вдали огонек за рекою...»
Вдали огонек за рекою,
Вся в блесках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.
Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же весло, шевелись!
А берег во мраке пропал.
Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?..
1842

«Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...»
Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник на всём чует прекрасного след.

«Я жду... Соловьиное эхо...»
Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.
Я жду... Темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.
Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, прости!
1842

Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!
Робко, свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я всё вижу...
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнет, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.
1842

«Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всесильны...»
Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи всесильны...
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, –
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурой уст, с вольным размером любви.
1842

«Ночью как-то вольнее дышать мне...»
Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плывет прохладительный воздух.
А небо? А месяц?
О, этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрыты зеркальным стеклом,
Шпили и кресты – бриллианты;
А там, за луной, небосклон
Чем дальше – светлей и прозрачней.
Смотришь – и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленных часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колеса
Или пение вестника утра.
Вместе с зарею и сон налетает на вежды,
Светел, как призрак.
Голову клонит, – а жаль от окна оторваться!
1842

«Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...»
Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле,
Лист зеленеет на ветке и воздух становится чище;

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Зелени запах одну за одной из ульев многошумных
Пчел вызывает. Но что для меня еще лучше,
Это – когда он ее на дороге ко мне орошает!
Мокрые волосы, гладко к челу прилегая,
Так и сияют у ней, – а губки и бледные ручки
Так холодны, что нельзя не согреть их своими устами
Но нестерпим ты мне ночью бессонною, Плувий Юпитер!
Лучше согласен я крыс и мышей в моей комнате слушать,
Лучше колеса пускай гремят непрестанно у окон,
Чем этот шум и удары глупых, бессмысленных капель;
Точно как будто бы птиц проклятое стадо
Сотнями ног и носов терзают железную кровлю.
Юпитер Плувий, помилуй! Расти сколько хочешь цветов ты
Для прекрасной и лавров юных на кудри поэта,
Только помилуй – не бей по ночам мне в железную кровлю!
1842

«Слышишь ли ты, как шумитверху угловатое стадо?...»
Слышишь ли ты, как шумитверху угловатое стадо?
С криком летят через дом к теплым полям журавли,
Желтые листья шумят, в березнике свищет синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны...
Друг мой! могу ль при тебе дожидаться блаженства в грядущем?
Разве зимой у тебя меньше ланиты цветут?..
В зеркале часто себя ты видишь, с детской улыбкой
Свой поправляя венки; так разреши мне сама,
Где у тебя на лице более жизни и страсти:
Вешним ли утром в саду, в полном сиянии зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
С треском прыгнув, не сожгла ножки-малютки твоей?
1842

«Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...»
Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый
Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле;
Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,
Книгу держу я в руках, сам пробегаю в уме
Всё невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоеет – и тихонько
В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне.
Сердце в них находило всегда какую-то влагу
Точно как будто росой ночи омыты они.
Звук всё тот же поет, но с каждым порывом иначе:
То в нем меди тугой более, то серебра.
Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая, слышит;
В мыслях иное совсем, думы – волна за волной...
А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет
Лампу, и звуки, и ночь, и сочетавши в одно.
Так между влажно-махровых цветов снотворного маку
Полночь роняет порой тайные сны наяву.
1843

«Летний вечер тих и ясен...»
Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.
1847

«Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках...»
Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках,
Если луна с высоты прямо глядит на меня
И, проникая стекло, нарисует квадраты лучами

По полу, комнату всю дымом прозрачным поя,
А за окошком в саду, между листьев сирени и липы,
Черные группы деля, зыбким проходит лучом
Между ветвями – и вниз ее золоченые стрелы
Ярким стремятся дождем, иль одинокий листок
Лунному свету мешает рассыпаться по земли, сам же,
Светом осыпанный весь, черен дрожит на тени.
Я восклицаю: блажен, трижды блажен, о Диана,
Кто всемогущей судьбой в тайны твои посвящен!
1847

«Шепот, робкое дыханье...»
Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..
1850

«На стоге сена ночью южной...»
На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.
Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.
Я ль неся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.
И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.
1857

«Заря прощается с землею...»
Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.
Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!
И всё таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!
Как будто, чужая жизнь двойную
И ей овеваны вдвойне, –
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне.
1858

Колокольчик
Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный

Колокольчик прозвенел.
Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегаёт
На ночную тишину?
Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?
1859

«Молятся звезды, мерцают и рдеют...»
Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С темной земли к ним притягивать бури.
Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре –
Всё же безмолвно горят их молитвы.
1883

«Благовонная ночь, благодатная ночь...»
Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздраженье недужной души!
Всё бы слушал тебя – и молчать мне невмочь
В говорящей так ясно тиши.
Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горят;
Эти звезды кругом точно все собрались,
Не мигая, смотреть в этот сад.
А уж месяц, что всплыл над зубцами аллеи
И в лицо прямо смотрит, – он жгуч;
В недалекой тени непроглядных ветвей
И сверкает, и плещется ключ.
И меняется звуков отдельный удар;
Так ласкательно шепчут струи,
Словно робкие струны воркуют гитар,
Напевая призывы любви.
Словно всё и горит и звенит заодно,
Чтоб мечте невозможной помочь;
Словно, дрогнув слегка, распахнется окно
Поглядеть в серебристую ночь.
28 апреля 1887

«Сегодня все звезды так пышно...»
Сегодня все звезды так пышно
Огнем голубым разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.
Зачем же так сердце нестройно
И робко в груди застучало?
Зачем под прохладой так знойно
В лицо мне заря задышала?
Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что светит и мощно и нежно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.
27 октября 1888

«От огней, от толпы беспощадной...»
От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.
Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Но от звезд ничего не сокрыть.
И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.
7 февраля 1889

Степь вечером
Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.
Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни – и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.
За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел, и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.
Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.
Уж сумраком пыливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит млечный Путь.
1854

Вечер
Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немой,
Засветилось на том берегу.
Далеко, в полумраке, луками
Убегают на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.
На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, –
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.
1855

Баллады
Змей
Чуть вечерней росой
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.
И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.
И шумит всё ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенной крышей
Рассыпается огнем.
И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.
1847

Лихорадка
«Няня, что-то всё не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Всё как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».
– «Ах, родимый, бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко – знаешь сам».
– «Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»
– «Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.
Вишь, нелегкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдет тебя трепать».
– «Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы –
Лихорадка ли она?»
1847

Видение

Не ночью, не лживо
Во сне пролетело виденье:
Свершилось диво –
Земле подобает смиренье!
Прозрачные тучи
Над дикой Печерской горою
Сплывались в кучи
Под зыбью небес голубою,
И юноши в белом
Летали от края до края,
Прославленным телом
Очам умиленным сияя.
На тучах, высоко,
Всё выше, в сиянии славы,
Заметно для ока
Вставали Печерские главы.
1843

Геро и Леандр
Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всём просторе
Только море – только в море
Волн кочующих родник.
Тихо. Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передает.
Что ж там в море – чья победа?
Иль в зыбях, вторая леда,
Лебедь-бог к тебе плывет?
Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюбленный
Проложил отважный путь,
И, полна огнем желаний,
Волны взмахом крепкой длани
Молодая режет грудь.
Меркнет день; из крайней тучи
Вдоль пучины ветр летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой

Страшный вал белоголовый
С ревом прыгает на брег.
Где ж он, Геро? С бездной споря
Удушающего моря,
На свиданье он спешит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.
Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всём просторе
Только море – только в море
Волн кочующий родник.
1847

Тайна
Почти ребенком я была,
Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.
Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.
Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок;
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.
Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.
И, помню, стало мне вокруг
При нем всё так светло,
И стало мутно в голове
И на сердце тепло.
Летели дни... промчался год...
Настал последний час –
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.
И долго-долго мне пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялась о нем
Кого-нибудь спросить.
Однажды вижу: милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».
И с этих пор – он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других.
Все говорят, что яркий свет
Ланит моих – больной.
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой!
1842

Ворот
«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса, –
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.
Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спеши же класть поклоны,
„Богородицу“ читать!

Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятя уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».
– «Отчего же, няня, надо?»
– «Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.
Твой хранитель, ангел божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.
Коль твою он видит душу,
Ворот вскрыт – и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;
А закрыта душка, спрячет
Душку ворот – мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.
Над тобой господня сила!
Дай, я ворот распушу.
Уж подушку я крестила –
И тебя перекрещу».
1847

«На дворе не слышно вьюги...»
На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар.
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.
Няня старая не видит
И не слышит – всё прядет:
Мочку левую пощиплет,
Правой нитку отведет.
А ребенок всё играет.
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.
Вот задумалась няня,
Со свечи нагар сняла
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.
«Дай-ка ручки! – Няня хочет
Посмотреть на их черты. –
Что, на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»
Няня смотрит... Вот вздохнула...
«Ничего, дитя мое!»
Вот заплакала – и плачет
Мальчик, глядя на нее.
1842

Легенда
Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровый,
Всё кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.
«Разгуляйся в поле», – сыну
Говорил старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.
С золотыми стремянами
Княжий аргамак;

Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак.
Но, печален в поле чистом,
Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.
Полюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.
Едет он в раздумье шагом
На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
Старец находил,
И к пустынному жилищу
Князь поворотил.
Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился –
И махнул рукой.
1843

Антологические стихи

Греция
Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унижена росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,
Где храм оставленный подъял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, –
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.
Вотще... В полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.
Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, – ставши в тесный круг, красавицы шептали...
«Эллада!» – слышалось мне часто в тишине.
1840

Вакханка

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Вращались медленно, желанья полны.
1843

Диана

Богини девственной округлые черты,
Во всём величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело, –
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник, –
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, – она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.
1847

«Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...»
Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил
Быстрых коней, Фаэтонову гибель, за розовой Эос;
Круто напрягши бразды, он кругом озирался, и тотчас
Бойкие взоры его устремились на берег пустынный.
Там воскурялся туман благовонною жертвою; море
Тихо у желтых песков почивало; разбитая лодка,
Дном опрокинута вверх, половиной в воде, половиной
В утреннем воздухе, темной смолою чернела – и тут же,
Влево разбросаны были обломки еловые весел,
Кожаный щит и шлом опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда порассеялись волны тумана седого,
Он увидел на траве, под зеленым навесом каштана
(Трижды его обежавши, лоза окружала кистями), –
Юношу он на траве увидал: белоснежные члены
Были раскинуты, правой рукою как будто теснил он
Грудь, и на ней – то прекрасное тело недвижно лежало,
Левая навзничь упала, и белые формы на темной
Зелени трав благовонных во всей полноте рисовались;
Весь был разодран хитон, округлые бедра белели,
Будто бы мрамор, приявший изгибы из рук Праксителя,
Ноги казали свои покровенные прахом подошвы,
Светлые кудри чела упали на грудь, осеняя
Мертвую силу лица и глубоко-смертельную язву.
1847

Кусок мрамора

Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой мрамор начатый,
Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить:
Что одевает кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик,
Змей примирителя – жезл, крылья и стан быстроногий,
Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?
1847

К юноше

Друзья, как он хорош за чашею вина!
Как молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лет, его живые взоры,
Ланиты нежные, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодование, гнев –
Всё обещает в нем любимца зорких дев.
1847

«С корзиной, полною цветов, на голове...»
С корзиной, полною цветов, на голове

Из сумрака аллея она на свет ступила, –
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила;
Но и под тению узнаешь ты как раз
Приметы южного созданья без ошибки –
По светлому зрачку неотразимых глаз,
По откровенности младенческой улыбки.
1847

«В златом сиянии лампы полусонной...»
В златом сиянии лампы полусонной
И отворя окно в мой садик благовонный,
То прохлаждаемый, то в сладостном жару,
Следил я легкую кудрей ее игру:
Дыханьем полночи их тихо волновало
И с милого чела красиво отдувало...
1843

«Питомец радости, покорный наслажденью...»
Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля приглашенью,
Ты наш вечерний пир вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
В беседку, где кругом, не заслоня сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей,
И явства сочные с их паром благовонным,
Отрадно-лакомым гулякам утонченным,
И – отчих кладовых старинное добро –
Широкодонных чаш литое серебро.
А ветерок ночной, по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И ученица муз Неэра молодая,
Как Сафо, страстная, пугливая, как лань...
О друг! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной...
Я наливал вчера рукою беспощадной, –
Но вспоминал тебя, и, знаю, вполпьяна
Мешал в заздравиях я ваши имена.
1847

«Уснуло озеро; безмолвен лес...»
Уснуло озеро; безмолвен лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.
Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают, –
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...
1847

К красавцу
Природы бловень, как счастлив ты судьбой!
Всем нравятся твой рост, и гордый облик твой,
И кудри пышные, беспечною завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный ряд зубов,
И огненный зрачок, и бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Толкует твой ответ и выраженье взора,
И после каждая, вздохнув наедине,
Промолвит: «Да, он мой – его отдайте мне!»
Как сон младенчества, как первые лобзанья
С отравой сладкою безумного желанья,
Ты полон прелести в их памяти живешь,
Улыбкам учишь их и к зеркалу зовешь;
Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.
1841

Сон и Пазифая
Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью
□□Девы хариты младой – ризы вязала концы,
Свежий венок прилегал к высоко подвязанным косам,
□□Серьги с подвеской тройной с блеском качались в ушах,
Сзади вились по плечам, умащенные сладкою амброй,
□□Запах далеко лия, волны кудрей золотых.
Тихо ступала нога круглобедрая. Так Пазифаю
□□Юноша Сон увидал, полон желанья любви.
Крепкой обвита рукой, покраснела харита младая,
□□Но возрастающий жар вежды прекрасной сомкнул,
И в упоении любви на цветы опускается, дева,
□□Члены раскинув, с кудрей свой уронила венок.
1842

Амимона
«Это у вас, на севере, всё нипочем! Посмотри-ка,
□□Чей там, в дали голубой, парус, как чайка, блеснул?
Ты только белую точку завидел, – а я различила
□□Снасти и пестрый наш флаг. Это отцовский корабль!
Знать, старику надоела в Наксосе жена молодая...
□□Мать говорила, что он скоро вернется домой,
В Наполи-ди-Романию. Полно вечерней порою
□□В рощу лавровую мне тайно к тебе приходиться!
Ах, любовь только губит нас, девушек!» – «Милая, полно!
□□В этих словах две вины: город родной назвала
Ты Наполи-ди-Романьей: это название – чужое.
□□Можно ли в вашей стране девам пенять на любовь?
Здесь она города созидала; по храмам и рощам
□□Сладостный жар не остыл в гнездах ее голубей.
Знаешь ты, как основался ваш город? гонимый Египтом,
□□С целой толпою детей в Грецию прибыл Данай.
В Арголиде, томясь жестокою жаждой, изгнанник
□□Всех пятьдесят дочерей ключ отыскать разослал.
Долго блуждали они, одинокие. Вдруг Амимона
□□Неосторожной стопой будит Сатира в лесу.
Нет пощады! – Сатир догоняет пугливую, обнял...
□□Но над беглянкою бог верным трезубцем взмахнул.
Быстро, как горный олень, умчался Сатир козлоногий –
□□Мимо его просвистав, в землю трезубец впился.
„Амимона! – сказал Нептун, – подай мне трезубец!“
□□Дева, горя от стыда, дернула ловкой рукой.
Чудо! вслед за зубцами железными почва сухая
□□Чистых, как горный кристалл, три извергает ключа.
Навлипя сына Нептуну затем понесла Амимона –
□□Город ваш Навплию он, смелый пловец, заложил».
1855

Диана, Эндимион и Сатир
(Картина Брюллова)
У звучного ключа как сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети.
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откинутый колчан лежит на стороне;

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Собаки верные встревожены – оне
Не видят смертного и чуют приближение.
Ты ль, непорочная, познала вожделенье?
Счастливец! ты его узрела с высоты,
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар объемлет.
Диана, берегись! старик сатир не дремлет.
Я слышу стук копыт. Рога прикрыв венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом,
Обезображенным порывом страсти зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся дерзкой.
О, как вздрогнула ты, как обернулась вдруг!
В лице божественном и гордость и испуг.
А баловень Эрот, доволен шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый.
1855

Золотой век
Auch ich war in Arkadien geboren.

Schiller
Я посещал тот край обетованный,
Где золотой блистал когда-то век,
Где, розами и миртами венчанный,
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.
Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;
Еще досель в прозрачный час заката
Глядит скала, сиянием объята,
На пену волн эгейских с высоты.
Под пихтою душистой и красивой
Под шум ручьев, разбитых об утес,
Отрадно верить, что Сатурн ревнивый
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.
И чудится: за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,
Дыханьем дня распалена горячим,
Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.
Но что за шум? За девой смуглолицей
Вослед толпа. Всё празднично кругом.
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,
Неслышные, в ярме пред колесницей,
Идут, махая весело хвостом.
А вот и он, красавец ненаглядный,
Среди толпы ликующих – Лией,
Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной –
Бессмертною избранницей своей.
У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один приподнял пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.
Вино из рога бог с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,
И, хохоча в смятеньи полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи приподняла тимпан.
1856

Даки
Вблизи семи холмов, где так невыразимо
Воздушен на заре вечерний очерк Рима
И светел Апеннин белеющий туман,
У сонного Петра почиет Ватикан.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Там боги и цари толпою обнаженной,
Создания руки, резцом вооруженной,
Готовы на пиры, на негу иль на брань,
Из цезарских палат, из храмов и из бань
Стеклись безмолвные, торжественные лики,
На древние ступя, как прежде, мозаики,
В которых на конях Нептуновых Тритон
Чернеет, ликами Химеры окружен.
Там я в одной из зал, на мраморах, у входа,
Знакомые черты могучего народа
Приветствовал не раз. Нельзя их не узнать:
Всё та же на челе безмолвия печать,
И брови грозные, сокрытых сил примета,
И на устах вопрос, – и нет ему ответа.
То даки пленные; их странная судьба –
Одна безмолвная и грозная борьба.
Вперя на мрамор взор, исполненный вниманья,
Я в сердце повторял родимые названья
И мрамору шептал: «Суровый славянин,
Среди тебе чужих зачем ты здесь один?
Поверь, ни женщина, ни раб, ни император
Не пощадят того, кто пал как гладиатор.
По мненью суетных, безжалостных гуляк,
Бойцом потешным быть родится дикий дак,
И, чуждые для них поддерживая троны,
Славяне составлять лишь годны легионы.
Пускай в развалинах умолкнет Колизей,
Чрез длинный ряд веков, в глазах иных судей,
Куда бы в бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать – вот доля славянина.
Когда потомок твой, весь в ранах и в крови,
К тому, кого он спас, могучие свои
Протянет руки вновь, прося рукопожатья,
Опять со всех сторон подымутся проклятья
И с подлым хохотом гетера закричит:
„Кончай, кончай его!“ – он дышит, он хрипит;
Довольно сила рук, безмолвие страданий
Невольных вызвали у нас рукоплесканий!
(Как эти варвары умеют умирать!)
Пойдемте! кончено! Придется долго ждать
Борьбы таких бойцов иль ярой львиной драки.
Пойдемте! Что смотреть, как цепенеют даки!»
1 декабря 1856

Телемак у Каллипсы
Солнце низко. Легкой мглою
Вечер доли напояет.
Вход в пещеру раззолочен.
С наклоненной головою
Старый Ментор засыпает.
Сын Улисса озабочен.
Смолкли нимфы. Тихо дышит
Море, пар подъяв туманный.
Все безмолвствуют упорно.
Нимфа Эхо ясно слышит,
Как смолы благоуханной
На жаровне прыщут зерна.
Полны сладкого Лиея,
Ждут раскрытые амфоры;
Но забыл густую влагу
Сын прекрасный Одиссея;
Он поднять не смеет взоры,
Он ступить не смеет шагу.
На душе и стыд, и горе:
Как осмелиться богине
Рассказать свою кручину?
«Неужели, злое море,
Завтра я в твоей пустыне

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Всё забуду, что покину?»
Разгораясь в блеске алом
Отлетающей Авроры,
Но безмолвна, как рабыня,
Грудь прикрыла опахалом
И, склоня к любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.
О Зевес! Зачем же лира
Так бессильна – дар, любимый
Златовласым Аполлоном?
Иль зачем, владыка мира,
Взгляд такой невыразимый
Ты даешь влюбленным женам?
1857

Венера Милосская
И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.
Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!
Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.
1856

Нимфа и молодой сатир
(группа Ставассера)
Постой хотя на миг! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень;
Еще невинная, бежа от вакханалий,
Готова уронить одну ты из сандалий.
Но вот, косматые колени преклоня,
Он у ноги твоей поймал конец ремня.
Затянется теперь не скоро узел прочный:
Сатир, и молодой – не отрок непорочный!
Смотри, как, голову откинувши назад,
Глядит он на тебя и пьет твой аромат,
Как дышат негою его уста и взоры!
Быть может, нехотя ты ищешь в нем опоры,
А стройное твое бедро так горячо
Теперь легло к нему на крепкое плечо.
Нет! Мысль твоя чиста и воля неизменна;
Улыбка у тебя насмешливо-надменна.
Но отчего, скажи, – в сознаньи ль красоты
Иль в утомлении так неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочет око,
И молодая грудь волнуется высоко.
Иль страсть, горящая в сатире молодом,
Пахнула и в тебя томительным огнем?
1859

Сон и смерть
Богом света покинута, дочь Громовержца немая,
□□Ночь Гелиосу вослед водит возлюбленных чад.
Оба и в мать и в отца зародились бессмертные боги,
□□Только несходны во всём между собой близнецы:
Смуглоликий, как мать, творец, как всезрящий родитель,
□□Сон и во мраке никак дня не умеет забыть;
Но просветленная дочь лучезарного феба, дыханьем
□□Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увенчавши свое чело неподвижной звездой,
□□Не узнает ни отца, ни безутешную мать.
1858 или 1859

«Когда петух...»
Когда петух,
Ударив три раза
Крылом своим золотистым,
Протяжную песню
Встречает зарю
И ты, человек,
Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на заре,
Тогда поэт...
Нет! Спи, утомленный
Заботами дня,
Земной страдалец!
Ты не поймешь,
Зачем я бодрствую
В таинственном храме
Прохладной ночи.
Чу! Слышу, вздох
Ко мне несется
С мягкого ложа,
Где при серебряной
Луне белеют
Младые ланиты,
Покрытые первым
Шелковым пухом,
И где в беспорядке
Рассыпаны кудри.
А! слышу, слышу, –
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!
Послушай, что ныне
Я слышал ночью
От чад Сатурна:
Они мне велели
В земных страданиях
Искать исцеленья
У Вакха. Наполним
Стаканы – и оба
Заснем поутру,
Когда другие
Пойдут трудиться.
1840

Нептуну Лаверрье
Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбой дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, – ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
Кверху и нет пределов
Книзу.
Здравствуй!
На половинном пути
К вечности, здравствуй, Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый надгрудными сизыми перьями? Здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Ты промчался, пронесся, мелькнул и сокрылся,
А я!

Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? – Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!
Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!
1847

Море

«Ночь весенней негой дышит...»
Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит, как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилась даль.
Долго будет утомленный
Спать с фетидой Феб влюбленный,
Но Аврора уж не спит
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.
1854

«Жди ясного на завтра дня...»
Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.
В заливе дремлют корабли, –
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли –
И к ним морская даль ушла.
Так робко набегают тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.
1854

Морской залив

Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом
Конь мой по звонкой дороге пускается шагом.
Третью уж ночь, миновав эту старую иву,
Сам я невольно лицом обращаюсь к заливу.
Только вдали, потухая за дымкою сизой,
Весь в ширину он серебряной светится ризой.
Спит он так тихо, что ухо, исполняясь вниманья,
Даже среди камней его не уловит дыханья.
В блеск этот душу уносит волшебная сила...
Что за слова мне она в эту ночь говорила!
Сколько в веселых речах прозвучало привета!
Сколько в них сердце почуяло неги и света!
Ах, что за ночь! Тише, конь мой! Куда торопиться?
Рад и сегодня я сном до зари не забыться!
1855?

Вечер у взморья

Засверкал огонь зарницы,
На гнезде умолкли птицы,

Тишина леса объемлет,
Не качаясь, колос дремлет;
День бледнеет понемногу,
Вышла жаба на дорогу.
Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет;
Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки, сидя рядом,
Там, на взморье плоскодонном,
Спят на камне озаренном.
1854

«Как хорош чуть мерцающим утром...»
Как хорош чуть мерцающим утром,
Амфитрита, твой влажный венчик!
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток!
Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив,
Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.
Остров вырос над тенью зеленой;
Ни движенья, ни звука в тиши,
И, погнувшись над влагой соленой,
В крупных каплях стоят камыши.
1857?

«Морская даль во мгле туманной...»
Морская даль во мгле туманной;
Там парус тонет, как в дыму,
А волны в злобе постоянной
Бегут к побережью моему.
Из них одной, избранной мною,
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутою
До камня влажного слежу.
К ней чайка плавная спустилась, –
Не дрогнет острое крыло.
Но вот громада докатилась,
Тяжеловесна, как стекло;
Плеснула в каменную стену,
Вот звонко грянет на плиту –
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.
1857?

Прибой
Утесы. зной и сон в пустыне,
Песок да звонкий хрящ кругом,
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.
На той черте уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-медный
Сверкает Средиземный вал;
И, забывая век свой бурный,
По пестрой отмели бежит
И преломленный и лазурный;
Но вот преграда – он кипит,
Жемчужной пеною украшен,
Встает на битву со скалой
И, умирающий, всё страшен
Всей перейденной глубиной.
1856 или 1857

На корабле
Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.

Под непривычную стопю
Вскипая белую грядю,
Стихия чуждая дрожит.
Дрожит и сердце, грудь заныла;
Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Когда невидимая сила
Ее неволей унесла.
Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.
1856 или 1857

Буря
Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит –
То прянет, то отхлынет прочь.
Всё раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.
Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»
1854

После бури
Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури.
Только дышит зыбь морская,
Не опомнится от бури.
Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
Складки паруса обвисли.
Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. –
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.
1870

«Вчера расстались мы с тобой...»
Вчера расстались мы с тобой.
Я был растерзан. – Подо мной
Морская бездна бушевала.
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
Разбившись в брызги, убегала.
И новые росли во мгле,
Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком;
Размыть уступы острых плит
и вечный раздробить гранит
Казалось вечным их уроком.
А ныне – как моя душа,
Волна светла, – и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена
И задрожал весь хор небесный.
1864

Море и звезды
На море ночное мы оба глядели.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Под нами скала обрывалась бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
И ночь красотой одевалась звездной.
Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
Целебную силою веяло в душу.
Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилось горе,
Как будто бы звезды тебя победили.
1859

«Качаяся, звезды мигали лучами...»
Качаяся, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчались под нами, с небесными споря.
В каком-то забвеньи, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваясь неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге.
И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна.
17 февраля 1891

«Барашков буря шлет своих...»
Барашков буря шлет своих,
□□Барашков белых в море,
Рядами ветер гонит их
□□И хлещет на просторе.
Малютка, хоть твоя б одна
□□Ладья спастись успела,
Пока всей хляби глубина,
□□Чернея, не вскипела!
Как жаль тебя! Но об одном
□□Подумать так обидно,
Что вот за мглюю и дождем
□□Тебя не станет видно.
26 августа 1892

Разные стихотворения
«Владычица Сиона, пред тобою...»
Владычица Сиона, пред тобою
Во мгле моя лампада зажжена.
Всё спит кругом, – душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.
Ты мне близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она –
С другим ли избранным, одна, или со мною.
О нет! Прости влиянию недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.
Так дай же сил, простри святые руки,
Чтоб ярче мог в полночный час разлуки
Я пред тобой лампаду возжигать!
1842

Мадонна
Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И сердцу голос слышится надежды
С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиранные и легкие одежды,
И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.
О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой бог с пречистою Мадонной!
1842

Ave Maria
Ave Maria – лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:
Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.
Неба царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!
Ave Maria – лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.
1842

«Я знал ее малюткою кудрявой...»
Я знал ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой девочкой; она
Казалась вся из резвости лукавой
И скромности румяной сложена.
И в те лета какой-то круг влеченья
Был у нее и звал ее ласкать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.
Я знал ее красавицей; горели
Ее глаза священной тишиной, –
Как светлый день, как ясный звук свирели,
Она неслась над грешною землей.
Я знал его – и как она любила,
Как искренно пред ним она цвела,
Как много слез она ему дарила,
Как много счастья в душу пролила!
Я видел час ее благословенья –
Детей в слезах покинувшую мать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.
1844

«Не ворчи, мой кот-мурлыка...»
Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;
Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...
1843

Венеция ночью
Лунный свет сверкает ярко,
Осыпая мрамор плит;
Дремлет лев святого Марка,
И царица моя спит.
По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы,
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы.
Звезд сияют мириады,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Чутко в воздухе ночном;
Осребренные громады
Вековым уснули сном.
1847

«Полно спать: тебе две розы...»
Полно спать: тебе две розы
Я принес с рассветом дня.
Сквозь серебряные слезы
Ярче нега их огня.
Вешних дней минутны грозы,
Воздух чист, свежей листы...
И роняют тихо слезы
Ароматные цветы.
1847

Колыбельная песня сердцу
Сердце – ты малютка!
Угомон возьми...
Хоть на миг рассудка
Голосу вонми.
Рад принять душою
Всю болезнь твою!
Спи, господь с тобою,
Баюшки-баю!
Не касайся к ране –
Станет подживать;
Не тоскуй по няне,
Что ушла гулять;
Это только шутка –
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!
А не то другая
Нянюшка придет,
Сядет, молодая,
Песни запоет:
«Посмотри, родное,
На красу мою,
Да усни в покое...
Баюшки-баю!»
Что ж ты повернулось?
Прежней няни жаль?
Знать, опять проснулась
Старая печаль?
Знать, пуста скамейка,
Даром что пою?
Что ж она, злодейка?
Баюшки-баю!
Подожди, вот к лету
Станешь подрастать, –
Колыбельку эту
Надо променять.
Я кровать большую
Дам тебе свою
И свечу задую.
Баюшки-баю!
И долга кроватка,
И без няни в ней
Спится сладко-сладко
До скончанья дней.
Перестанешь биться –
И навек в раю, –
Только будет сниться:
Баюшки-баю!
1843

«О, не зови! Страстей твоих так звонок...»

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?
Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И распростерт заносчивый возница
Лежит в пыли.
Я это знал – с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.
Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
И не зови – но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу –
И за тобой!
1847

«Облаком волнистым...»
Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший –
Не видать в пыли!
Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!
1843

«Я пришел к тебе с приветом...»
Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;
Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;
Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, – но только песня зреет.
1843

Деревня
Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой,
Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга

Не раз долитой самовар.
Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злочки;
На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;
И милой, застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;
Прощанье смолкающих пташек,
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек,
И речи замедленный ход;
И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою!
1842

«Ах, дитя, к тебе привязан...»
Ах, дитя, к тебе привязан
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мне в короне звездной.
Что за искры эти звезды!
Что за кроткое сиянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за светлое созданье!
1843

Узник
Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;
Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.
Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.
1843

«Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...»
Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат – слышит только соловей...
Да и тот не слышит, – песнь его громка;
Разве слышат только сердце и рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...
1853

«Растут, растут причудливые тени...»
Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.
Что звало жить, что силы горячило –
Далеко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землей.
И на тебя как на воспоминанье
Я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;
Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно всё окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.
1853

На Днепре в половодье
А.Я. П-вой

Светало. Ветер гнул упругое стекло
Днепра, еще в волнах не пробуждая звука.
Старик отчаливал, опершись на весло,
А между тем ворчал на внука.
От весел к берегу кудрявый след бежал;
Струи под лодкой закипели;
Наш парус, медленно надувшись, задрожал,
И мы как птица полетели.
И ярким золотом и чистым серебром
Змеились облаков прозрачных очертанья;
Над разыгравшимся, казалось, Днепром
Струилися от волн и трав благоуханья.
За нами мельница едва-едва видна
И берег посинел зеленый...
И вот под лодкою вздрогнувшей быстрине
Сверкает сталью вороненой...
А там затопленный навстречу лес летел...
В него зеркальные врывались заливы;
Над сонной влагою там тополь зеленел,
Белели яблони и трепетали ивы.
И под лобзания немолкнувшей струи
Певцы, которым лес да волны лишь внимали,
С какой-то негой задорной соловьи
Пустынный воздух раздражали.
Вот изумрудный луг, вот желтые пески
Горят в сиянии золотистом;
Вон утка крадется в тростник, вон кулики
Беспечно бегают со свистом...
Остался б здесь дышать, смотреть и слушать век...
1853

«Над озером лебедь в тростник протянул...»
Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.
И воздухом чистым усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечерние тени. – Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.
А мы – мы на лодке сидели вдвоем,
Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулем,
Нас в лодке как в люльке несло.
И детская челн направляла рука
Туда, где, блестя чешуей,

Вдоль сонного озера быстро река
Бежала как змей золотой.
Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашепывал флаг,
Куда нас потоком несло!
1854

Сосны
Средь кленов девственных и плачущих берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грез,
И трезвый вид мне их несносен.
В кругу воскреснувших соседей лишь оне
Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.
Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья, –
Они останутся холодною красой
Пугать иные поколенья.
1854

Больной
Его томил недуг. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздох оспаривал у груди.
Его томил напев бессмысленных речей,
Ему противны стали люди.
На стены он кругом смотрел как на тюрьму,
Он обращал к окну горящие зеницы,
И света божьего хотелось ему –
Хотелось воздуха, которым дышат птицы.
А там, за стеклами, как чуткий сон легки,
С востока яркого всё шире дни летели,
И солнце теплое, морозам вопреки,
Вдоль крыш развесило капли.
Просиживая дни, он думал всё одно:
«Я знаю, небеса весны меня излечат...»
И ждал он: скоро ли весна пахнет в окно
И там две ласточки, прижавшись, защебечут?
1855

В саду
Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда дышало детство.
Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно,
Хватает за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что там, в лесу, мне будет грустно.
Как будто с трепетом здесь каждого листа.
Моя пробудится и затрепещет совесть,
И станут лепетать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть.
И скажут: «Помним мы, как ты играл и рос,
Мы помним, как потом, в последний час разлуки,
Венком из молодых и благовонных роз
Тебя здесь нежные благословляли руки.
Скажи: где розы те, которые такой
Веселой радостью и свежестью дышали?»
Одни я раздарил с безумством и тоской,
Другие растерял – и все они увяли.
А вы – вы молоды и пышны до конца.
Я рад – и радости вполне вкусить не смею;
Стою как блудный сын перед лицом отца,
И плакать бы хотел – и плакать не умею!
1854

«В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...»
В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты,
Чудные душу порой посещают минуты.
Дух окрылен, никакая не мучит утрата,
В дальней звезде отгадал бы отбывшего брата!
Близкой души предо мной все ясны изгибы:
Видишь, как были, – и видишь, как быть мы могли бы!
О, если ночь унесет тебя в мир этот странный,
Мощному духу отдайся, о друг мой желанный!
Я отзовусь – но, внемля бестелесному звуку,
Вспомни меня, как невольную помнят разлуку!
1851

«Не спрашивай, над чем задумываюсь я...»
Не спрашивай, над чем задумываюсь я:
Мне сознаваться в том и тягостно и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И в глубь минувших лет уносится невольно.
Сиянье прелести тогда в свой круг влекло:
Взглянул – и пылкое навстречу сердце рвется!
Так, голубь, бурю застигнутый, в стекло,
Как очарованный, крылом лазурным бьется.
А ныне пред лицом сияющей красы
Нет этой слепоты и страсти безответной,
Но сердце глупое, как ветхие часы,
Коли забьет порой, так всё свой час заветный.
Я помню, отроком я был еще; пора
Была туманная, сирень в слезах дрожала;
В тот день лежала мать больна, и со двора
Подруга игр моих надолго уезжала.
Не мчались ласточки, звеня, перед окном,
И мошек не толклись блестящих вереницы,
Сидели голуби нахохлившись, рядком,
И в липник прятались умолкнувшие птицы.
А над колодезем, на вздернутом шесте,
Где старая бадья болталась, как подвеска,
Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте, –
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко.
Тот плач давно умолк, – кругом и смех и шум;
Но сердце вечно, зная, пугаться не отвыкнет;
Гляжу в твои глаза, люблю их нежный ум...
И трепещу – вот-вот зловещий ворон крикнет.
1854

Первая борозда
Со степи зелено-серой
Подымается туман,
И торчит еще Церерой
Невидимый бурьян.
Ржавый плуг опять светлеет;
Где волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернеет
Глыба врезанной земли.
Чем-то блещут свежим, нежным
Солнца вешние лучи,
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.
Ветерок благоухает
Сочной почвы глубиной, –
И Юпитера встречает
Лоно Геи молодой.
1854

«Ты расточительна на милые слова...»
Ты расточительна на милые слова,
А в сердце мне не шлешь отрадного привета
И втайне думаешь: причудлива, черства

Душа суровая поэта.

Я тоже жду; я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подметить миг участия,
Чтобы в твоих глазах, загадочных, как ночь,
Затрепетали звезды счастья.
Я жду, я жажду их; мечтателю в ночи
Сиянья не встречать пышнее и прелестней,
И знаю – низойдут их яркие лучи
Ко мне и трепетом, и песней.
1854

Лес

Куда ни обращаю взор,
Кругом синеет мрачный бор
И день права свои утратил.
В глухой дали стучит топор,
Вблизи стучит вертлявый дятел.
У ног гниет столетний лом,
Гранит чернеет, и за пнем
Прижался заяц серебристый,
А на сосне, поросшей мхом,
Мелькает белки хвост пушистый.
И путь заглох и одичал,
Позеленелый мост упал
И лег, скосясь, во рву размытом,
И конь давно не выступал
По нем подкованным копытом.
1854

«Какое счастье: и ночь, и мы одни!..»
Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река – как зеркало и вся блещит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!
О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!
Я болен, я влюблен; но, мучась и любя –
О слушай! о пойми! – я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя –
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!
1854

«Что за ночь! Прозрачный воздух скован...»
Что за ночь! Прозрачный воздух скован;
Над землей клубится аромат.
О, теперь я счастлив, я взволнован,
О, теперь я высказаться рад!
Помнишь час последнего свиданья!
Безотраден сумрак ночи был;
Ты ждала, ты жаждала признанья –
Я молчал: тебя я не любил.
Холодела кровь, и сердце ныло:
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было,
И сказать мне правду было жаль.
Но теперь, когда дрожу и млею
И, как раб, твой каждый взор ловлю,
Я не лгу, назвав тебя своею
И клянюсь, что я тебя люблю!
1854

Старый парк

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листья,
Горошек отцветал, и осыпалась роза.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.
Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречаются.
Полузатертые чужие имена,
Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают.
Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Виясь как желтый змей, бежит на дно долины.
И солнце вырвалось из тучи, и лучи,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.
Один. Ничьих шагов не слышу за собой.
В душе уныние, усилие во взоре.
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.
Как чайка, парус там белеет в высоте.
Я жду, потонет он, но он не утопает
И, медленно скользя по выгнутой черте,
Как волокнистый след пропавшей тучки тает.
1853?

Муза («Не в сумрачный чертог наяды говорливой...»)
Не в сумрачный чертог наяды говорливой
Пришла она пленять мой слух самолюбивый
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованных и сломанных мечах.
Скрывая низкий лоб под ветвию лавровой,
С цитарой золотой иль из кости слоновой,
Ни разу на моем не прилегла плече
Богиня гордая в расшитой епанче.
Мне слуха не ласкал язык ее могучий,
И гибкий, и простой, и звучный без созвучий.
По воле пиерид с достоинством певца
Я не мечтал стяжать широкого венца.
О нет! Под дымкою ревнивой покрывала
Мне музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волос
Головку дивную узлом тяжелых кос;
Цветы последние в руке ее дрожали;
Отрывистая речь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал, как слова встречались поцелуем,
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна.
1854

«Теплый ветер тихо веет...»
Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.
И далеко меж курганов
Темно-серою змеей
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.
К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.
1845

«Последний звук умолк в лесу глухом...»
Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою..
О, скоро ли в безмолвии ночном,
Прекрасный друг, увижусь я с тобою?
О, скоро ли младенческая речь
В испуг мое изменит ожиданье?
О, скоро ли к груди моей прилечь
Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?
Скользит туман прозрачный над рекой,
Как твой покров, свиваясь и белея..
Час фей настал! Увижусь ли с тобой
Я в царстве фей, мечтательная фея?
Иль заодно с тобой и ночь, и мгла
Меня томят и нежат в заблужденьи?
Иль это страсть больная солгала
И жар ночной потухнет в песнопеньи?
1855

«В пору любви, мечты, свободы...»
В пору любви, мечты, свободы,
В мерцаньи розового дня
Язык душевной непогоды
Был непонятен для меня.
Я забавлялся над словами,
Что будто по душе иной
Проходит злоба полосами,
Как тень от тучи громовой.
Настало время отрезвляться,
И долг велел – в немой борьбе
Навстречу людям улыбаться,
А горе подавлять в себе.
Я побеждал. В душе сокрыта,
Беда спала... Но знал ли я,
Как живуща, как ядовита
Эдема старая змея!
Находят дни, – с самим собою
Бороться сердцу тяжело,
И духа злобы над душою
Я слышу тяжкое крыло.
1855

Ива
Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!
Ветви сочные дугую
Перегнулись над водою
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.
В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты..
Мягче взор твой горделивый..
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.
1854

«О друг, не мучь меня жестоким приговором!..»
О друг, не мучь меня жестоким приговором!
Я оскорбить тебя минувшим не хочу.
Оно пленительным промчалось метеором..
С твоим я встретиться робел и жаждал взором

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И приходил молчать. Я и теперь молчу.
Добра и красоты в чертах твоих слиянье
По-прежнему еще мой подкупает ум.
Я вижу – вот оно, то нежное созданье,
К которому я нес весь пыл, всё упование
Безумных, радостных, невысказанных дум.
Но помнишь ли? – весной гремела песнь лесная
И кликал соловей серебряные сны;
Теперь душистей лес, пышнее тень ночная,
И хочет соловей запеть, как утром мая...
Но робко так не пел он в первый день весны.
1855

Приметы
И тихо и светло – до сумерек далеко;
Как в дымке голубой и небо и вода, –
Лишь облаков густых с заката до востока
Лениво тянется лиловая гряда.
Да, тихо и светло; но ухом напряженным
Смятенья и тоски ты крики разгадал:
То чайки скликались над морем усыпленным
И, в воздухе кружась, летят к навесам скал.
Ночь будет страшная, и буря будет злая,
Сольются в мрак и гул и небо и земля...
А завтра, может быть, вот здесь волна седая
На берег выбросит обломки корабля.
Середина 50-х годов

«Какие-то носятся звуки...»
Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.
Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...
И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.
1853

Ревель
(после представления Фрейшица)
Театр во мгле затих. Агата
В объятьях нежного стрелка
Еще напевами объята,
Душа светла – и жизнь легка.
Всё спит. Над тесным переулком,
Как речка, блещут небеса,
Умолк на перекрестке гулком
Далекий грохот колеса.
И с каждым шагом город душный
Передо мной стесняет даль;
Лишь там, на высоте воздушной,
Блестит балкон, поет рояль...
И с переливом серебристым,
С лучом, просящимся во тьму,
Летит твой голос к звездам чистым
И вторит сердцу моему.
1855?

Пароход
Злой дельфин, ты просишь ходу,
Ноздри пышут, пар валит,
Сердце мощное кипит,
Лапы с шумом роют воду.

Не лишай родной земли
Этой девы, этой розы;
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенные продли!
Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей –
Только пляшут вереницей
Нереиды за тобой.
1854

Знакомке с юга
На север грустный с пламенного юга,
Прекрасных дней прекрасная подруга,
Ты мне привет отрадный принесла.
Но холодом полночным всё убило,
Что сердце там так искренне любило
И чем душа так радостно цвела.
О, как бы я на милый зов ответил
Там, где луны встающей диск так светел,
Где солнца блеск живителен и жгуч,
Где дышит ночь невыразимой тайной
И теплятся над спящею Украиной
В лучах лазурных звезды из-за туч,
И грезит пруд, и дремлет тополь сонный,
Вдоль туч скользя вершиной заостренной,
Где воздух, свет и думы – заодно,
И грудь дрожит от страсти неминучей,
И веткою всё просится пахучей
Акация в раскрытое окно!
1854

«Вчера, увенчана душистыми цветами...»
Вчера, увенчана душистыми цветами,
Смотрела долго ты в зеркальное окно
На небо синее, горевшее звездами,
В аллею тополей с дрожащими листьями, –
В аллею, где вдали так страшно и темно.
Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей и нежные слова...
Когда помчался вальс и струны рокотали, –
Я видел – вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова.
Не думала ли ты: «Вон там, в беседке дальней,
На мраморной скамье теперь он ждет меня
Под сумраком дерев, ревнивый и печальный;
Он взоры утомил, смотря на вихорь бальный,
И ловит тень мою в сиянии огня».
1855

«В темноте, на треножнике ярком...»
В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.
Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.
Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонились прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.
1856

Ивы и березы
Березы севера мне милы, –
Их грустный, опущенный вид,
Как речь безмолвная могилы,

Горячку сердца холодит.
Но ива, длинными листьями
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет.
Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром севера одним.
Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.
1843, 1856

У камина
Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.
Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.
Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.
1856

Сестра
Милой меня называл он вчера –
В зеркале точно себя я не вижу?!
Боже, зачем хороша так сестра,
Что перед ней я себя ненавижу!
Голос его, прерываясь, дрожал;
Даже в сердцах я его проводила, –
Образ сестры предо мною стоял..
Так я всю ночь по аллее ходила.
В спальню вошла я; она уж спала.
Месяц ей кудри осыпал лучами.
Я не могла устоять – подошла
И, наклоняясь, к ней прильнула устами.
Как хороша, как светла и добра!
Нет, и сравненьем ее не обижу!
Милой меня называл он вчера –
В зеркале точно себя я не вижу?!
1857

Горное ущелье
За лесом лес и за горами горы,
За темными лилово-голубые,
И если долго к ним приникнут взоры,
За бледным рядом выступают другие.
Здесь темный дуб и ясень изумрудный,
А там лазури тающая нежность..
Как будто из действительности чудной
Уносишься в волшебную безбрежность.
И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.
Октябрь 1856

Музе («Надолго ли опять мой угол посетила...»)
Надолго ли опять мой угол посетила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этот раз собою воплотила?

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
чьей речью ласковой сумела подкупить?
Дай руку. Сядь. Зажги свой факел вдохновенный.
Пой, добрая. В тиши признаю голос твой
и стану, трепетный, коленопреклоненный,
запоминать стихи, пропетые тобой.
Как сладко, позабыв житейское волненье,
от чистых помыслов пылать и потухать,
могучее твое учуя дуновенье,
и вечно девственным словам твоим внимать.
Пошли, небесная, ночам моим бессонным
еще блаженных снов и славы и любви,
и нежным именем, едва произнесенным,
мой труд задумчивый опять благослови.
1857

Рыбка
Тепло на солнышке. Весна
берет свои права;
в реке местами глубь ясна,
на дне видна трава.
Чиста холодная струя,
слежу за поплавком, –
шалунья рыбка, вижу я,
играет с червяком.
Голубоватая спина,
сама как серебро,
глаза – бурмитских два зерна,
багряное перо.
Идет, не дрогнет под водой,
пора – червяк во рту!
увы, блестящей полосой
юркнула в темноту.
но вот опять лукавый глаз
сверкнул невдалеке.
постой, авось на этот раз
повиснешь на крючке!
1858

«Был чудный майский день в Москве...»
Был чудный майский день в Москве;
кресты церковей сверкали,
вились касатки под окном
и звонко щебетали.
я под окном сидел, влюблен,
душой и юн и болен.
как пчелы, звуки вдалеке
жужжали с колоколен.
вдруг звуки стройно, как орган,
запели в отдаленьи;
невольно дрогнула душа
при этом стройном пеньи.
и шел и рос поющий хор, –
и непонятной силой
в душе сливался лик небес
с безмолвною могилой.
и шел и рос поющий хор, –
и черною грядюю
тянулся набожно народ
с открытой головою.
и миновал поющий хор,
его я миновал взором,
и гробик розовый прошел
за громогласным хором.
струился теплый ветерок,
покровы колыхая,
и мне казалось, что душа
парила молодая.
весенний блеск, весенний шум,

Молитвы стройной звуки –
Всё тихим веяло крылом
Над грустию разлуки.
За гробом шла, шатаюсь, мать.
Надгробное рыданье! –
Но мне казалось, что легко
И самое страданье.
1857

«В леса безлюдной стороны...»
В леса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносят сны
В твою приветливую келью.
В благоуханьи простоты,
Цветок – дитя дубравной сени,
Опять встречать выходишь ты
Меня на шаткие ступени.
Вечерний воздух влажно чист,
Вся покраснев, ты жмешь мне руки,
И, сонных лип тревожа лист,
Порхают гаснущие звуки.
1856?

На лодке
Ты скажешь, брося взор по голубой равнине:
«И небо, и вода».
Здесь остановим челн, по самой середине
Широкого пруда.
Буграми с колеса волненье не клокочет, –
Чуть-чуть блестя струи.
Так тихо, будто ночь сама подслушать хочет
Рыдания любви.
До слуха чуткого мечтаньями ночными
Доходит плеск ручья.
Осыпана кругом звездами золотыми,
Покоится ладья.
Гляжу в твое лицо, в сияющие очи,
О добрый гений мой!
Лицо твое – как день, ты вся при свете ночи –
Как призрак неземной!
Теперь, волшебница, иной могучей власти
У неба не проси.
Всю эту ночь, весь блеск, весь пыл безумной страсти
Возьми – и погаси!
1856

«Только станет смеркаться немножко...»
Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечеров.
Потушу перед зеркалом свечи, –
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.
Стану слушать те детские грезы,
Для которых – всё блеск впереди;
Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди.
До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.
1856?

«Расстались мы, ты странствуешь далече...»
Расстались мы, ты странствуешь далече,

Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга понимать.
Когда в толпе живой и своевольной,
Поникнув головой,
Смолкаешь ты с улыбкою невольной, –
Я говорю с тобой.
И вечером, когда в аллее темной
Ты пьешь немую ночь,
Знай, тополи и звезды негой томной
Мне вызвались помочь.
Когда ты спишь, и полог твой кисейный
Раздвинется в лучах,
И сон тебя прозрачный, тиховейный
Уносит на крылах,
А ты, летя в эфир неизмеримый,
Лепечешь: «Я люблю», –
Я – этот сон, – и я рукой незримой
Твой полог шевелю.
1857

«Я был опять в саду твоём...»
Я был опять в саду твоём,
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоем
Бродили, говорить не смея.
Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени, –
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.
Теперь и тень в саду темна
И трав сильнее благоуханье;
Зато какая тишина,
Какое томное молчанье!
Один зарю соловей,
Таясь во мраке, робко свищет,
И под навесами ветвей
Напрасно взор кого-то ищет.
Июнь 1857

Грезы
Мне снился сон, что сплю я беспробудно,
Что умер я и в грезы погружен;
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.
Я счастья жду, какого – сам не знаю.
Вдруг колокол – и всё уяснено;
И, просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках. – Вот оно!
И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостней всех голосов земли;
И чувствую – на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.
В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И, на волне ликующего звука
Умчаться вдаль, во мраке потонуть.
1859

Мотылек мальчику
Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой;
Зачем же ты один преследуешь меня
Своею шелковою сеткой?
Дитя кудрявое, любимый нежно сын
Неувядающего мая,
Позволь мне жизнь упить день один,
На солнце радостном играя.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Постой, оно уйдет, и блеск его лучей
Замрет на западе далеко,
И в час таинственный я упаду в ручей,
И унесет меня потоком.
1860

«Молчали листья, звезды рдели...»
Молчали листья, звезды рдели,
И в этот час
С тобой на звезды мы глядели,
Они – на нас.
Когда всё небо так глядится
В живую грудь,
Как в этой груди затаится
Хоть что-нибудь?
Всё, что хранит и будит силу
Во всём живом,
Всё, что уносится в могилу
От всех тайком,
Что чище звезд, пугливей ночи,
Страшнее тьмы,
Тогда, взглянув друг другу в очи,
Сказали мы.
14 ноября 1859

На железной дороге
Мороз и ночь над далью снежной,
А здесь уютно и тепло,
И предо мной твой облик нежный
И детски чистое чело.
Полны смущенья и отваги,
С тобою, кроткий серафим,
Мы через дебри и овраги
На змее огненном летим.
Он сыплет искры золотые
На озаренные снега,
И снятся нам места иные,
Иные снятся берега.
В мерцаньи одинокой свечки,
Ночным путем утомлена,
Твоя старушка против печки
В глубокий сон погружена.
Но ты красую ненаглядной
Еще томиться мне позволь;
С какой заботою отрадной
Лелеет сердце эту боль!
И, серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят.
И, как цветы волшебной сказки,
Полны сердечного огня,
Твои агатовые глазки
С улыбкой радости и ласки
Порою смотрят на меня.
Конец 1859 или начало 1860

«Кричат перепела, трещат коростели...»
Кричат перепела, трещат коростели,
Ночные бабочки взлетели,
И поздних соловьев над речкою вдали
Звучат порывистые трели.
В напевах вечера тревожною душой
Ищу былого наслажденья –
Увы, как прежде, в грудь живительной струей
Они не вносят откровенья!
Но тем мучительней, как близкая беда,
Меня томит вопрос лукавый:

Ужели подошли к устам моим года
С такою горькою отравой?
Иль век смолкающий в наследство передал
Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
Из рук переходивший в руки?
Проходят юноши с улыбкой предо мной,
И слышу я их шепот внятный:
Чего он ищет здесь средь жизни молодой
С своей тоскою непонятной?
Спешите, юноши, и верить и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора – и скоро, может быть,
Мое наступит возрожденье.
Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески едином,
И мира юного, покоен, примирен
Я стану вечным гражданином.
1859

Георгины
Вчера – уж солнце рдело низко –
Средь георгин я шел твоих,
И как живая одалиска
Стояла каждая из них.
Как много пылких или томных,
с наклоном бархатных ресниц,
Веселых, грустных и нескромных
Отвсюду улыбалось лиц!
Казалось, нет конца их грезам
На мягком лоне тишины, –
А нынче утренним морозом
Они стоят опалены.
Но прежним тайным обаяньем
От них повеяло опять,
И над безмолвным увяданьем
Мне как-то совестно роптать.
1859

«Если ты любишь, как я, бесконечно...»
Если ты любишь, как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь, –
Руку на грудь положи мне беспечно:
Сердца биенья под нею услышишь.
О, не считай их! в них, силой волшебной,
Каждый порыв переполнен тобою;
Так в роднике за струею целебной
Прядает влага горячей струею.
Пей, отдавайся минутам счастливым, –
Трепет блаженства всю душу обнимет;
Пей – и не спрашивай взором пытливым,
Скоро ли сердце иссякнет, остынет.
1859

«Еще акация одна...»
Еще акация одна
С цветами ветви опускала
И над беседкою весна
Душистых сводов не скругляла.
Дышал горячий ветерок,
В тени сидели мы друг с другом,
И перед нами на песок
День золотым ложился кругом.
Жужжал пчелами каждый куст,
Над сердцем счастье тяготело,
Я трепетал, чтоб с робких уст
Твое признание не слетело.
Вдали сливалось пенье птиц,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Весна над степью пронеслась,
И на концах твоих ресниц
Слеза нескромная светилась.
Я говорить хотел – и вдруг,
Нежданным шорохом пугая,
К твоим ногам, на ясный круг,
Спорхнула птичка полевая.
С какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мне, глаза твои
Не улетать ее молили.
Сказать «прости» чему ни будь
Душе казалось утратой...
И, собираясь упорхнуть,
Глядел на нас наш гость крылатый.
1859

«Тихонько движется мой конь...»
Тихонько движется мой конь
По вешним заводям лугов,
И в этих заводях огонь
Весенних светит облаков.
И освежительный туман
Встает с оттаявших полей.
Заря, и счастье, и обман –
Как сладки вы душе моей!
Как нежно содрогнулась грудь
Над этой тенью золотой!
Как к этим призракам прильнуть
Хочу мгновенною душой!
1862?

«Чем тоске, и не знаю, помочь...»
Чем тоске, и не знаю, помочь;
Грудь прохлады свежительной ищет,
Окна настезь, уснуть мне невмочь,
А в саду над ручьем во всю ночь
Соловей разливаётся-свищет.
Стройный тополь стоит под окном,
Листья в воздухе все онемели.
Точно думы всё те же и в нем,
Точно судит меня он с певцом, –
Не проронит ни вздоха, ни трели.
На заре только клонит ко сну,
Но лишь яркий багрянец замечу –
Разгорюсь – и опять не усну.
Знать, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу.
1862

Romanzero

«Знаю, зачем ты, ребенок больной...»
Знаю, зачем ты, ребенок больной,
Так неотступно всё смотришь за мной,
Знаю, с чего на большие глаза
Из-под ресниц наплывает слеза.
Там у вас душно, там жаркая грудь
Разу не может прохладой дохнуть,
Да, нагоняя на слабого страх,
Плавает коршун на темных кругах.
Только вот здесь, среди заветных цветов,
Тень распростерла таинственный кров,
Только в сердечке поникнувших роз
Капли застыли младенческих слез.
22 июля 1882

«Встречу ль яркую в небе зарю...»
Встречу ль яркую в небе зарю,

Ей про тайну мою говорю,
Подойду ли к лесному ключу,
И ему я про тайну шепчу.
А как звезды в ночи задрожат,
Я всю ночь им рассказывать рад;
Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что ничего не скажу.
3 июля 1882

«В страданьи блаженства стою пред тобою...»
В страданьи блаженства стою пред тобою,
И смотрит мне в очи душа молодая.
Стою я, овеянный жизнью иною,
Я с жизнью нездешней, я с вестью из рая.
Слетел этот миг, не земной, не случайный,
Над ним так бессильны житейские грозы,
Но вечной уснет он сердечною тайной,
Как вижу тебя я сквозь яркие слезы.
И в трепете сердце, и трепетны руки,
В восторге склоняюсь пред чуждою властью,
И мукой блаженства исполнены звуки,
В которых сказаться так хочется счастьем.
2 августа 1882

«Вчерашний вечер помню живо:...»
Вчерашний вечер помню живо:
Синели глубио небеса,
Лист трепетал, красноречиво
Глядели звезды нам в глаза.
Светились зори издалека,
Фонтан сверкал так горячо,
И Млечный Путь бежал широко
И звал: смотри! еще! еще!
Сегодня всё вокруг заснуло,
Как дымкой твердь заволокло,
И в полумраке затонуло
Воды игривое стекло.
Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давит мрак лесной, –
Я слышу плеск живой фонтана
И чую звезды над собой.
5 августа 1882

Горячий ключ
Помнишь тот горячий ключ,
Как он чист был и бегуч,
Как дрожал в нем солнца луч
И качался,
Как пестрел соседний бор,
Как белели выси гор,
Как тепло в нем звездный хор
Повторялся.
Обмелел он и остыл,
Словно в землю уходил,
Оставляя следом ил
Бледно-красный.
Долго-долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
Но напрасной.
Вдруг в горах промчался гром,
Потряслась земля кругом,
Я бежал, покинув дом,
Мне грозящий, –
Оглянулся – чудный вид:
Старый ключ прошиб гранит
И над бездною висит,
Весь кипящий!

«Отчего со всеми я любезна...»
Отчего со всеми я любезна,
Только с ним нас разделяет бездна?
Отчего с ним, хоть его бегу я,
Не встречаться всюду не могу я?
Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свет возненавижу?
Отчего, как с ним должна остаться,
Так и рвусь над ним же издеваться?
Отчего – кто разрешит задачу? –
До зари потом всю ночь проплачу?
1882

Осенью
Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,
Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.
1870?

«В душе, измученной годами...»
В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где всё нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам.
Для мира путь к нему заглохнет, –
Но в этот девственный тайник,
Хотя б и мог, скорей иссохнет,
Чем путь укажет мой язык.
Скажи же – как, при первой встрече,
Успокоительно светла,
Вчера – о, как оно далече! –
Живая ты в него вошла?
И вот отныне поневоле
В блаженной памяти моей
Одной улыбкой нежной боле,
Одной звездой любви светлей.
1867

Ключ
Меж селеньем и рощей нагорной
Вьется светлую лентой река,
А на храме над озимью черной
Яркий крест поднялся в облака.
И толпой голосистой и жадной
Всё к заре набежит со степей,
Точно весть над волною прохладной
Пронеслась: освежись и испей!
Но в шумящей толпе ни единый
Не присмотрится к кущам дерев,
И не слышен им зов соловьиный
В реве стад и плесканьи вальков.
Лишь один в час вечерний, заветный,
Я к журчащему сладко ключу
По тропинке лесной, незаметной,
Путь обычный во мраке сыщу.
Дорожа соловьиным покоем,
Я ночного певца не спугну
И устами, спаленными зноем,
К освежительной влаге прильну.
1870

«Чем безнадежнее и строже...»

Чем безнадежнее и строже
Года разъединяют нас,
Тем сердцу моему дороже,
Дитя, с тобой крылатый час.
Я лет не чувствую суровых,
Когда в глаза ко мне порой
Из-под ресниц твоих шелковых
Заглянет ангел голубой.
Не в силах ревности мятежность
Я победить и скрыть печаль, –
Мне эту девственную нежность
В глазах толпы оставить жаль!
Я знаю, жизнь не даст ответа
Твоим несбыточным мечтам,
И лишь одна душа поэта –
Их вечно празднующий храм.
1861?

Сонет («Когда от хмелю преступлений»)

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена, –
Мои сгибаются колени
И голова преклонена;
Зову властительные тени
И их читаю письма.
В тени таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
Словам наставников внимать
И, забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
Могучим вздохом их дышать.
1866

«Толпа теснилася. Рука твоя дрожала...»

Толпа теснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая складками бегущий с плеч атлас.
Я знаю: «завтра» ты невнятно прошептала;
Потом ты вспыхнула и скрылася из глаз.
А он? С усилием сложил он накрест руки,
Стараясь подавить восторг в груди своей,
И часа позднего пророческие звуки
Смешались с топотом помчавшихся коней.
Казались без конца тебе часы ночные;
Ты не смежила вежд горячих на покой,
И сильфы резвые и феи молодые
Всё «завтра» до зари шептали над тобой.
1860

«Встает мой день, как труженик убогой...»

Встает мой день, как труженик убогой,
И светит мне без силы и огня,
И я бреду с заботой и тревогой.
Мы думой врозь, – тебе не до меня.
Но вот луна прокралася из саду,
И гасит ночь в руке дрожащей дня
Своим дыханьем яркую лампаду.
Таинственным окружена огнем,
Сама идешь ты мне принести отраду.
Забыто всё, что угнетало днем,
И, полные слезами умиленья,
Мы об руку, блаженные, идем,
И тени нет тяжелого сомненья.
1865?

«Как нежишь ты, серебряная ночь...»

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли – и дай мне превозмочь
Весь этот тлен бездушный и унылый!
Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля – и теплится, как море.
Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.
1865?

«Блеском вечерним овеяны горы...»
Блеском вечерним овеяны горы.
Сырость и мгла набегают в долину.
С тайной мольбою подьему я взоры:
«Скоро ли холод и сумрак покину?»
Вижу на том я уступе румяном
Сдвинуты кровель уютные гнезды;
Вон засветились над старым каштаном
Милые окна, как верные звезды.
Кто ж меня втайне пугает обманом:
«Сердцем как прежде ты чист ли и молод?
Что, если там, в этом мире румяном,
Снова охватит и сумрак и холод?»
1866

«Кому венец: богине ль красоты...»
Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.
Не я, мой друг, а божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.
1865

«Напрасно!..»
Напрасно!
Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязан всечасно;
Тебе улыбаюсь, а внутренне горько я плачу,
Напрасно.
Разлука!
Душа человека какие выносит мученья!
А часто на них намекнуть лишь достаточно звука.
Стою как безумный, еще не постиг выраженья:
Разлука.
Свиданье!
Разбей этот кубок: в нем капля надежды таится.
Она-то продлит и она-то усилит страданье,
И в жизни туманной всё будет обманчиво сниться
Свиданье.
Не нами
Бессильно изведено слов к выраженью желаний.
Безмолвные муки сказались людям веками,
Но очередь наша, и кончится ряд испытаний
Не нами.
Но больно,
Что жребии жизни святым побужденьям враждебны;
В груди человека до них бы добраться довольно..
Нет! вырвать и бросить; те язвы, быть может, целебны, –
Но больно.
1852

Купальщица

Игривый плеск в реке меня остановил.
Сквозь ветви темные узнал я над водою
Ее веселый лик – он двигался, он плыл, –
Я голову признал с тяжелою косою.
Узнал я и наряд, взглянув на белый хрящ,
И превратился весь в смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвав кристальный плащ,
Вдавила в гладь песка младенческую ногу.
Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой.
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листы у лилии стыдливой.
1865

«Напрасно ты восходишь надо мной...»
Напрасно ты восходишь надо мной
Посланицей волшебных сновидений
И, юностью сияя заревой,
Ждешь от меня похвал и песнопений.
Как ярко ты и нежно ни гори
Над каменным угаснувшим Мемноном, –
На яркие приветствия зари
Он отвечать способен только стоном.
1865

Роза

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенели,
Что весна опять пришла.
Гнется в зелени береза,
И тебе, царица роза,
Брачный гимн поет пчела.
Вижу, вижу! счастья сила
Яркий свиток твой раскрыла
И увлажила росой.
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Мир любви передо мной.
Если б движущий громами
Повелел между цветами
Цвезть нежнейшей из богинь,
Чтоб безмолвною красою
Звать к любви, когда весною
Темен лес и воздух синь, –
Ни Киприда и ни Геба,
Спрятав в сердце тайны неба
И с безмолвьем на челе,
В час блаженный расцветанья
Больше страстного признанья
Не поведали б земле.
1864?

Тополь

Сады молчат. Унылыми глазами
С унынием в душе гляжу вокруг;
Последний лист разметан под ногами,
Последний лучезарный день потух.
Лишь ты один над мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный твой недуг
И, трепеща по-прежнему листьями,
О вешних днях лепечешь мне как друг.
Пускай мрачней, мрачнее дни за днями
И осени тлетворной веет дух;
С подъятыми ты к небесам ветвями
Стоишь один и помнишь теплый юг.
1859

«Только встречу улыбку твою...»
Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадней, –
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.
Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленную трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.
Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.
1873?

Псевдопоэту
Молчи, поникни головою,
Как бы представ на страшный суд,
Когда случайно пред тобою
Любимца муз упомянут!
На рынок! Там кричит желудок,
Там для стоокого слепца
Ценней грошовый твой рассудок
Безумной прихоти певца.
Там сбыт малеванному хламу,
На этой затхлой площади, –
Но к музам, к чистому их храму,
Продажный раб, не подходи!
Влача по прихоти народа
В грязи низкопоклонный стих,
Ты слова гордого свобода
Ни разу сердцем не постиг.
Не возносился богомольно
Ты в ту свежую мглу,
Где беззаветно лишь привольно
Свободной песне да орлу.
1866

«С какой я негою желанья...»
С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи!
Как я любил ее мерцанье,
Ее алмазные лучи!
Хоть на заре, хотя мгновенно
Средь набежавших туч видна,
Она так явно, так нетленно
На небе теплилась одна.
Любовь, участие, забота
Моим очам дрожали в ней
В степи, с речного поворота,
С ночного зеркала морей.
Но столько думы молчаливой
Не шлет мне луч ее нигде,
Как у корней плакучей ивы,
В твоём саду, в твоём пруде.
1863

«Я уезжаю. Замирает...»
Я уезжаю. Замирает
В устах обычное «прости».
Куда судьба меня кидает?
Куда мне грусть мою нести?
Молчу. Ко мне всегда жестокой
Была ты много, много лет, –
Но, может быть, в стране далекой
Я вдруг услышу твой привет.
В долине иногда, прощаясь,
Крутой минувши поворот,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Напрасно странник, озираясь,
Другого голосом зовет.
Но смерклось, – над стеною черной
Горят извивы облаков, –
И там, внизу, с тропы нагорной
Ему прощальный слышен зов.
Середина 50-х гг.

«Не избегай; я не молю...»
Не избегай; я не молю
Ни слез, ни сердца тайной боли,
Своей тоске хочу я воли
И повторять тебе: «люблю».
Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны по равнине водной,
Поцеловать гранит холодный,
Поцеловать – и умереть!
1862?

«В благословенный день, когда стремлюсь душою...»
В благословенный день, когда стремлюсь душою
В блаженный мир любви, добра и красоты,
Воспоминание выносит предо мною
Нерукотворные черты.
Пред тенью милою коленопреклоненный,
В слезах молитвенных я сердцем оживу
И вновь затрепещу, тобою просветленный, –
Но всё тебя не назову.
И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда ж окончится земное бытие,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
На имя нежное твое.
1857

Зевс
Шум и гам, – хохочут девы,
В медь колотят музыканты,
Под визгливые напевы
Скачут, пляшут корибанты.
В кипарисной роще Крита
Вновь заплакал мальчик Реи,
Потянул к себе сердито
Он сосцы у Амальтеи.
Юный бог уж ненавидит,
Эти крики мстью дышат, –
Но земля его не видит,
Небеса его не слышат.
15 ноября 1859

К Сикстинской Мадонне
Вот сын ее, – он – тайна Иеговы –
Лелеем девы чистыми руками.
У ног ее земля под облаками,
На воздухе нетленные покровы.
И, преклонясь, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы.
Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева, не смущенных:
Здесь угасает пред тобой тревога.
Такой тебе, Рафаэль, вестник бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен – царицею небесной!
1864?

Музе («Пришла и села. Счастлив и тревожен...»)
Пришла и села. Счастлив и тревожен,

Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других
Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.
Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.
1882

«Не смейся, не дивися мне...»
Не смейся, не дивися мне,
В недоуменьи детски грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
Я вновь стою по старине.
Не много листьев на челе
Больного старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
И жмутся горлинки в дупле.
1884

«День проснется – и речи людские...»
День проснется – и речи людские
Закипят раздраженной волной,
И помчит, разливаясь, стихия
Всё, что вызвано алчной нуждой.
И мои зажурчат песнопенья, –
Но в зыбучих струях ты найдешь
Разве ласковой думы волненья,
Разве сердца напрасную дрожь.
1884

«Ты был для нас всегда вон той скалою...»
– Ты был для нас всегда вон той скалою,
Взлетевшей к небесам, –
Под бурями, под ливнем и грозой
Невозмутимый сам.
Защищены от севера тобою,
Над зеркалом наяд
Росли мы здесь веселою семьею –
Цветущий вертоград.
И вдруг вчера – тебя я не узнала:
Ты был как божий гром...
Умолкла я, – я вся затрепетала
Перед твоим лицом.
– О да, скала молчит; но неужели
Ты думаешь: ничуть
Все бури ей, все ливни и метели
Не надрывают грудь?
Откуда же – ты помнишь – это было:
Вдруг землю потрясло,
И что-то в ночь весь сад пробороzdило,
И следом всё легло?
И никому не рассказало море,
Что кануло ко дну, –
А то скала свое бывшее горе
Швырнула в глубину.
2 июня 1863

Бабочка
Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем –
Лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда появилась?

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Куда спешу?

Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот – дышу.
Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.
1884

«С бородою седою верховный я жрец...»
С бородою седою верховный я жрец,
На тебя возложу я душистый венец,
И нетленную солью горячих речей
Я осыплю невинную роскошь кудрей.
Эту детскую грудь рассеку я потом
Вдохновенного слова звенящим мечом,
И раскроет потомку минувшего мгла,
Что на свете всех чище ты сердцем была.
1884

«Ты так любишь гулять...»
Ты так любишь гулять;
Отчего ты опять
Робко жмешься?
Зори – нет их нежней,
И таких уж ночей
Не дождешься.
– Милый мой, мне невмочь,
Истомилась, всю ночь
Тосковала.
Я бежала к прудам,
А тебя я и там
Не сыскала.
Но уж дальше к пруду
Ни за что не пойду,
Хоть брани ты.
Там над самой водой
Странный, черный, кривой
Пень ракиты.
И не вижу я пня,
И хватает меня
Страх напрасный, –
Так и кажется мне,
Что стоит при луне
Тот ужасный!
1883

«Говорили в древнем Риме...»
Говорили в древнем Риме,
Что в горах, в пещере темной,
Богоравная Сивилла
Вечно-юная живет,
Что ей всё открыли боги,
Что в груди чужой сокрыто,
Что таит небесный свод.
Только избранным доступно,
Хоть не самую богиню,
А священное жилище
Чародейки созерцать.
В ясном зеркале ты можешь,
Взор в глаза свои вперяя,
Ту богиню увидеть.
Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима
На пороге черной двери –
На нее тогда смотри!
Но когда заслышишь песню,
Вдохновенную тобою, –

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Эту дверь мне отопри.
3 апреля 1883

Вольный сокол
Не воскормлен ты пищей нежной,
Не унесен к зиме в тепло,
И каждый час рукой прилежной
Твое не холено крыло.
Там, над скалой, вблизи лазури,
На умирающем дубу,
Ты с первых дней изведаль бури
И с ураганами борьбу.
Дразнили молодую силу
И зной, и голод, и гроза,
И восходящему светилу
Глядел ты за море в глаза.
Зато, когда пора приспела,
С гнезда ты крылья распустил
И, взмахам их доверяясь смело,
Ширясь, по небу поплыл.
1884

«Не вижу ни красоты души твоей нетленной...»
Не вижу ни красоты души твоей нетленной,
Ни пышных локонов, ни ласковых очей,
Помимо я гляжу на жребий отдаленный
И слышу приговор безжалостных людей.
И только чувствую, что ты вот тут – со мною,
Со мной! – и молодость, и суетную честь,
И всё, чем я дышал, – блаженною мечтою
Лечу к твоим ногам младенческим принести.
1884

«Ныне первый мы слышали гром...»
Ныне первый мы слышали гром,
Вот повеяло сразу теплом,
И пришло мне на память сейчас,
Как вчера ты измучила нас.
Целый день, холодна и бледна,
Ты сидела безмолвно одна;
Вдруг ты встала, ко мне подошла,
И сказала, что всё поняла:
Что напрасно жалеть о былом,
Что нам тесно и тяжело вдвоем,
Что любви затерялась стезя,
Что любить, что дышать так нельзя,
Что ты хочешь – решилась – и вдруг
Разразился весенний недуг,
И, забывши о грозных словах,
Ты растаяла в жарких слезах.
1883

Муза («Ты хочешь проклинать, рыдая и стена...»)
Мы рождены для вдохновенья,

Для звуков сладких и молитв.

Пушкин
Ты хочешь проклинать, рыдая и стена,
Бичей подыскивать к закону.
Поэт, остановись! не призывай меня, –
Зови из бездны Тизифону.
Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.
Когда, бесчинствами обиженный опять,
В груди заслышишь зов к рыданью, –

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Я ради мук твоих не стану изменять
Свободы вечному призванью.
Страдать! – Страдают все – страдает темный зверь,
Без упования, без сознанья, –
Но перед ним туда навек закрыта дверь,
Где радость теплится страданья.
Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома.
Зачем же лиру бьешь ребяческой рукой,
Что не труба она погрома?
К чему противиться природе и судьбе? –
На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки.
8 мая 1887

«Жду я, тревогой объят...»
Жду я, тревогой объят,
Жду тут на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.
Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.
Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.
Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах, как пахнуло весной!..
Это наверно ты!
13 декабря 1886

«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...»
Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, –
Ничего ты на всё не ответила мне.
Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, –
Ничего ты на всё не ответила мне.
Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, –
Мне и тут ничего не ответила ты.
С опочившей я глаз был не в силах отвести, –
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? –
Ничего, ничего не ответила ты!
1885

«Как беден наш язык! – Хочу и не могу...»
Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.
11 июня 1887

«Ты помнишь, что было тогда...»
Ты помнишь, что было тогда,
Как всюду ручьи бушевали
И птиц косяками стада
На север, свистя, пролетали,
И видели мы средь ветвей,
Еще не укрытых листьями,
Как, глазки закрыв, соловей
Блаженствовал в песне над нами.
К себе зазывала любовь
И блеском и страстью пахучей,
Не только весельем дубов,
Но счастьем и ивы плакучей.
Взгляни же вокруг ты теперь:
Всё грустно молчит, умирая,
И настезь раскинута дверь
Из прежнего светлого рая.
И новых приветливых звезд
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнезд,
Взалкали усталые птицы.
Не может ничто устоять
Пред этой тоской неизбежной,
И скоро пустынную гладь
Оденет покров белоснежный.
6 сентября 1885

«Если радуется утро тебя...»
Если радуется утро тебя,
Если в пышную веришь приметку, –
Хоть на время, на миг полюбя,
Подари эту розу поэту.
Хоть полюбишь кого, хоть снесешь
Не одну ты житейскую грозу, –
Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечно душистую розу.
10 января 1887

Ребенку
Я слышу звон твоих речей,
Куда резвиться ни беги ты.
Я вижу детский блеск очей
И запыхавшие ланиты.
Постой, – шалить не долгий срок:
Май остудить тебя сумеет,
И розы пурпурный шипок,
Вдруг раскрываясь, побледнеет.
18 апреля 1886

«Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник...»
Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник, –
У дыханья цветов есть понятный язык:
Если ночь унесла много грез, много слез,
Окружусь я тогда горькой сладостью роз!
Если тихо у нас и не веет грозой,
Я безмолвно о том намекну резедой;
Если нежно ко мне приласкалась мать,
Я с утра уже буду фиалкой дышать;
Если ж скажет отец «не грусти, – я готов», –
С благовоньем войду апельсинных цветов.
3 августа 1887

Горная высь
Превыше туч, покинув горы
И наступя на темный лес,
Ты за собою смертных взоры
Зовешь на синеву небес.

Снегов серебряных порфира
Не хочет праха прикрывать;
Твоя судьба – на гранях мира
Не снисходить, а возвышать.
Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска;
У ног твоих, как дым кадильный,
Вияся, тают облака.
Июль 1886

«Как богат я в безумных стихах!..»
Как богат я в безумных стихах!
Этот блеск мне отраден и нужен:
Все алмазы мои в небесах,
Все росинки под ними жемчужин.
Выходи, красота, не робей!
Звуки есть, дорогие есть краски:
Это всё я, поэт-чародей,
Расточу за мгновение ласки.
Но когда ты приколешь цветок,
Шаловливо иль с думой лукавой,
И, как в дымке, твой кроткий зрачок
Загорится сердечной отравой,
И налет молодого стыда
Чуть ланиты овеет зарею, –
О, как беден, как жалок тогда,
Как беспомощен я пред тобою!
1 февраля 1887

«Долго снились мне вопли рыданий твоих...»
Долго снились мне вопли рыданий твоих, –
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я – несчастный палач.
Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, – и пришлось уходить:
Уносило меня в неизвестную даль.
Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
я в бессонные ночи навек перенес.
2 апреля 1886

«Из дебрей туманы несмело...»
Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.
Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.
9 июня 1886

«Есть ночи зимней блеск и сила...»
Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.
Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.
Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

«Через тесную улицу здесь, в высоте...»
Через тесную улицу здесь, в высоте,
Отворяя порою окошко,
Я не раз, отдаваясь лукавой мечте,
Узнаю тебя, милая крошка.
Всё мне кажется, детски застенчивый взор
Загорается вдруг не напрасно,
И ко мне наклоненный твой пышный пробор
Я уж вижу не слишком ли ясно?
Вот и думаю: встретиться нам на земле
Далеко так, пожалуй, и низко,
А вот здесь-то, у крыш, в набегающей мгле,
Так привольно, так радостно-близко!
6 июня 1887

«В вечер такой золотистый и ясный...»
В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханьи весны всепобедной
Не поминай мне, о друг мой прекрасный,
Ты о любви нашей робкой и бедной.
Дышит земля всем своим ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;
Самое небо с нетленным закатом
В тихом заливе себя повторяет.
Что же тут мы или счастье наше?
Как и помыслить о нем не стыдиться?
В блеске, какого нет шире и краше,
Нужно безумствовать – или смириться!
Январь 1886

«Ты вся в огнях. Твоих зарниц...»
Ты вся в огнях. Твоих зарниц
И я сверканьями украшен;
Под сенью ласковых ресниц
Огонь небесный мне не страшен.
Но я боюсь таких высот,
Где устоять я не умею.
Как сохранить мне образ тот,
Что придан мне душой твоею?
Боюсь – на бледный облик мой
Падет твой взор неблагосклонный,
И я очнусь перед тобой
Угасший вдруг и опаленный.
3 августа 1886

«Вечный хмель мне не отрада...»
Вечный хмель мне не отрада –
Не ему моя любовь,
Не тяну я винограда
Одуряющую кровь.
Но порой резво и пылко
Обновляя жизнь мою,
Для меня несет бутылка
Золотистую струю.
Рвутся нити, пробка рвется,
Напряженная давно,
И в стакан шумящий льется
Искрометное вино.
29 июля 1887

«Сегодня день твой просветленья...»
Сегодня день твой просветленья,
И на вершине красоты
Живую тайну вдохновенья
Всем существом вещаешь ты.
Мечты несбыточной подруга,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Царишь с поэтом ты вдвоем, –
А завтра, верно, мы друг друга
И не найдем и не поймем.
Так, невозможно–несомненно,
Огнем пронизан золотым,
С закатом солнечным мгновенно
Чертогов ярких тает дым.
19 июня 1887

Оброчник
Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду – и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.
Пою – и помыслам неведом детский страх:
Пускай на пенье мне ответят воем звери, –
С святыней над челом и песнью на устах,
С трудом, но я дойду до вожденной двери.
17 сентября 1889

«Полуразрушенный, полужилец могилы...»
Полуразрушенный, полужилец могилы,
О таинствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?
– Томлюся и пою. Ты слушаешь и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух живет.
Так в хоре молодом: Ах, слышишь, разумеешь! –
Цыганка старая одна еще поет.
4 января 1888

«Только что спрячется солнце...»
Только что спрячется солнце,
Неба затеплив красу,
Тихо к тебе под оконце
Песню свою понесу.
Чистой и вольной душою,
Ясной и свежей, как ночь,
Смейся над песнью больною,
Прочь отгоняй ее, прочь!
Как бы за легким вниманьем
В вольное сердце дотоль
Вслед за живым состраданьем
Та же не вкралась боль!
14 января 1888

Quasi Una Fantasia
Сновиденье,
Пробужденье,
Тает мгла.
Как весною,
Надо мною
Высь светла.
Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,
Без усилий
С плеском крылий
Залетать
В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чуя,
Не хочу я
Ваших битв.
31 декабря 1889

Ракета

Горел напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся пред тобой
Стезью шумной и проворной.
Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел – лелеять грезы
И там со вздохом в высоте
Рассыпать огненные слезы.
24 января 1888

«Упреком, жалостью внушенным...»
Упреком, жалостью внушенным,
Не растравляй души больной;
Позволь коленопреклоненным
Мне оставаться пред тобой!
Горя над суетной землею,
Ты милосердно разреши
Мне упиваться чистотою
И красотой твоей души.
Глядеть, каким прозрачным светом
Окружена ты на земле,
Как божий мир при свете этом
В голубоватой тонет мгле.
О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
Горячий сдерживать прилив.
31 января 1888

Алмаз
Не украшать лицо царицы,
Не резать твердое стекло,
Те разноцветные зарницы
Ты рассыпаешь так светло.
Нет! В переменах жизни тленной
Среди явлений пестрых – ты
Всё лучезарный, неизменный
Хранитель вечной чистоты.
9 февраля 1888

«Как трудно повторять живую красоту...»
Как трудно повторять живую красоту
Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
Средь непрестанных колебаний?
Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
Где я возьму небесной краски?
В усердных поисках всё кажется: вот-вот
Приемлет тайна лик знакомый, –
Но сердца бедного кончается полет
Одной бессильною истомой.
26 февраля 1888

Зной
Что за зной! Даже тут, под ветвями,
Тень слаба и открыто кругом.
Как сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейке вдвоем?
Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить – невпопад;
За тяжелой косою головка
Словно хочет склониться назад.
И как будто истомою жадной
Нас весна на припеке прожгла,
Только в той вон аллее прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...

«Теснее и ближе сюда!..»
Теснее и ближе сюда!
Раскрой ненаглядное око!
Ты в сердце с румянцем стыда.
Я – луч твой, летящий далеко.
На горы во мраке ночном,
На серую тучку заката,
Как кистью, я этим лучом
Наброшу румянца и злата.
Напрасно холодная мгла,
Чернея, всё виснет над нами, –
Пускай и безбрежность сама
От нас загорится огнями.
4 сентября 1888

«Роями поднялись крылатые мечты...»
Роями поднялись крылатые мечты
В весне кругом себя искать душистой пищи,
Но на закате дня к себе, царица, ты
Их соберешь ко сну в таинственном жилище.
А завтра на заре вновь крылья зажужжат,
Чтобы к незримому, к неизвестному стремиться:
Где за ночь расцвело, где первый аромат –
Туда перенестись и в пышной неге скрыться.
17 февраля 1889

Она
Две незабудки, два сапфира –
Ее очей приветный взгляд,
И тайны горнего эфира
В живой лазури их сквозят.
Ее кудрей руно золотое
В таком свете, какой один,
Изображая неземное,
Сводил на землю Перуджин.
20 марта 1889

На качелях
И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.
И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.
Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем –
Это счастье, моя дорогая!
26 марта 1890

К ней
Кто постигнет улыбку твою
И лазурных очей выраженье,
Тот поймет и молитву мою
И восторженных уст песнопенье.
День смолкает над жаркой землей,
И, нетленной пылая порфирой,
Вот он сам, Аполлон молодой,
Вдаль уходит с колчаном и лирой.
Пусть ты отблеск, пленяющий нас,
Пусть за ним ты несешься мечтою,
Но тебе – наш молитвенный час,
Что слетает к нам в душу с зарею.
21 апреля 1890

«Была пора, и лед потока...»
Была пора, и лед потока
Лежал под снежной пеленой,
Недосыгаемо для ока
Таился речки бег живой.
Пришла весна, ее дыханье
Над снежным пронеслось ковром,
И стали видны содроганья
Струи, бегущей подо льдом.
И близки дни, когда все блага
К нам низведет пора любви
И мне зарей раскроет влага
Объятья чистые свои.
1 апреля 1890

«Давно ль на шуточки вызывала...»
Давно ль на шуточки вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вот сурово замолчала,
Тепло участия пропало,
И на душе ее зима.
– Друг, не зови ее суровой.
Что снегом ты холодным счел –
Лишь пробужденье жизни новой,
Сплошной душистый цвет садовый,
Весенний вздох и счастье пчел.
22 апреля 1890

«Людские так грубы слова...»
Людские так грубы слова,
Их даже нашептывать стыдно!
На цвет, проглянувший едва,
Смотреть при тебе мне завидно.
Вот роза раскрыла уста, –
В них дышит моленье немое,
Чтоб ты пребывала чиста,
Как сердце ее молодое.
Вот, нежа дыханье и взор,
От счастья роза увяла
И свой благовонный убор
К твоим же ногам разроняла.
Начало октября 1889

«Из тонких линий идеала...»
Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но всё ты вдруг приобрела.
Твой взор открытей и бесстрашней,
Хотя душа твоя тиха;
Но в нем сияет рай вчерашний
И соучастница греха.
11 ноября 1890

«Если бы в сердце тебя я не грел, не ласкал...»
Если бы в сердце тебя я не грел, не ласкал,
Ни за что б я тебе этих слов не сказал;
Я боялся б тебя возмутить, оскорбить
И последнюю искру в тебе погасить.
Или воли не хватит смотреть и страдать?
Я бы мог еще долго и долго молчать, –
Но, начав говорить о другом, – я солгу,
А глядеть на тебя я и лгать – не могу.
18 января 1891

«Весь вешний день среди стремленья...»
Весь вешний день среди стремленья

Ты безотрадно провела
И след улыбки утомленья
В затишье ночи принесла.
Но, верить и любить готова,
Душа к стопам твоим летит,
И всё мне кажется, что снова
Живее цвет твоих ланит.
Кто, сердцеведец, разгадает –
Что в этом кроется огне?
Былая скорбь, что угасает,
Или заря навстречу мне?
21 января 1891

«Безобидней всех и проще...»
Безобидней всех и проще
В общем хоре голосистом
Вольной птицей в вешней роще
Раздражал я воздух свистом.
Всё замолкло пред зимою,
Нет и птиц на голой ветке,
Но, счастливец, – я тобою
В золотой задержан клетке.
Дай мне ручку, дорогая, –
К ней прильнуть трепещут крылья!
Пусть умру я, распевая,
От восторгов и усилья.
22 января 1891

«Завтра – я не различаю...»
Завтра – я не различаю;
Жизнь – запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!
Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный?
Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня – стыдно,
А безумствовать – разумно!
25 января 1891

«Я слышу – и судьбе я покоряюсь грозной...»
Я слышу – и судьбе я покоряюсь грозной,
Давно я сам себе сказал: не прекословь;
Но перед жертвою покорною и слезной
Зачем же замолчать совсем должна любовь?
Пусть радость хоть на миг не слышит порицанья,
Пусть завтра – строгий чин, всё тот же, как вчера, –
Но ныне страсть в глазах, и долгие лобзанья,
И пламенных надежд отважная игра!
27 февраля 1891

«Роящимся мечтам лететь дав волю...»
Роящимся мечтам лететь дав волю
К твоим стопам,
Тебя никак смущать я не дозволю
Любви словам.
Я знаю, мы из разных поколений
С тобой пришли,
Несходных слов и розных откровений
Мы принесли.
Перед тобой во храмине сердечной
Я затворюсь
И юности ласкающей и вечной
В ней помолюсь.
14 мая 1891

«Я говорю, что я люблю с тобою встречи...»
Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих на плечи,
За свет, что в глубине очей твоих горит.
О, это всё – цветы, букашки и каменья,
Каких ребенок рад набрать со всех сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
Когда ей заглянуть в глаза так счастлив он.
29 мая 1891

«Давно в любви отрады мало:...»
Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохи, без радости слезы;
Что было сладко – горько стало,
Осыпались розы, рассеялись грезы.
Оставь меня, смешай с толпою!
Но ты отвернулась, а сетуешь, видно,
И всё еще больна ты мною..
О, как же мне тяжело и как мне обидно!
Месяц и роза
Он

Встал я рано над горой,
Чтоб расцвет увидеть твой,
И гляжу с мольбой всю ночь.
Ты молчишь, не гонишь прочь,
Но навстречу мне твой куст
Не вскрывает алых уст.
Она

Не сравнится вздох ничей
С чистотой твоих лучей,
Но не им будить меня:
Жду лобзаний жарких дня,
Жду венчанного царя;
Для него таит заря
Благовонные красы
Под алмазами росы.
25 сентября 1891

«Ель рукавом мне тропинку завесила...»
Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, –
Я ничего не пойму.
Ветер. Кругом всё гудет и колыхнется,
Листья кружатся у ног,
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.
Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листья!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.
4 ноября 1891

Почему?
Почему, как сидишь озаренной,
Над работой пробор наклоня,
Мне сдается, что круг благовонный
Всё к тебе приближает меня?
Почему светлой речи значенья
Я с таким затрудненьем ищу?
Почему и простые реченья
Словно томную тайну шепчу?
Почему как горячее жало
Чуть заметно впивается в грудь?

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Почему мне так воздуха мало,
что хотел бы глубоко вздохнуть?
3 декабря 1891

«Не отнеси к холодному бесстрастью...»
Не отнеси к холодному бесстрастью,
что на тебя безмолвно я гляжу;
Ступенями к томительному счастью
Не меньше я, чем счастьем, дорожу.
С тобой самим мне сладко лицемерить,
Хоть я давно забыл о всём ином,
И верится, и не хочу я верить,
что нет преград, что мы одни вдвоем.
Мой поцелуй, и пламенный и чистый,
Не вдруг спешит к устам или щеке;
Жужжанье пчел над яблонью душистой
Отрадней мне замолкнувших в цветке.
15 февраля 1892

«Не могу я слышать этой птички...»
Не могу я слышать этой птички,
чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
как войдешь, – хоть молча не вздохнуть.
Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно видеть мне, как ты умеешь
Не видать и не слышать меня.
Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
на заре без туч нельзя такую
Молодой и лучезарной быть!
16 февраля 1892

«Рассыпаясь смехом ребенка...»
Рассыпаясь смехом ребенка,
явно в душу мою влюблены,
пролетают прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.
И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голос знакомый
И победный призыв узнаю.
И когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
что я всё без речей понимаю
И к чему призывает – могу!
13 марта 1892

«Когда смущенный умолкаю...»
Когда смущенный умолкаю,
Твоей суровостью томим,
я всё в душе не доверяю
Холодным колкостям твоим.
Я знаю, иногда в апреле
Зима нежданно набежит
И дуновение метели
Колючим снегом закружит.
Но миг один – и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.
26 марта 1892

«Она ему – образ мгновенный...»
Она ему – образ мгновенный,
Чарующим ликом своим,
Он – помысл ее сокровенный;

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Да кто это знает, да кто это выскажет им?
И, словно велением рока,
Их юные крылья несут...
Так теплится счастье далеко,
Так холоден ближний, родимый приют!
Пред ним – сновидение рая,
Всевластный над ней серафим;
Сгорает их жизнь молодая...
Да кто это знает, да кто это выскажет им?
3 апреля 1892

«Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...»
Ночь лазурная смотрит на скошенный луг.
Запах роз под балконом и сена вокруг;
Но зато ль, что отрады не жду впереди, –
Благодарности нет в истомленной груди.
Всё далекий, давнишний мне чудится сад, –
Там и звезды крупней, и сильнее аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истомы полна.
Точно в нежном дыханьи травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.
12 июня 1892

Послания, посвящения и стихотворения на случай
Королеве эллинов Ольге Константиновне
Всю жизнь душа моя алкала,
Всю жизнь, среди пустынь и скал,
Святого храма идеала,
Усталый путник, я искал.
И вот за дальними морями
Провижу этот чистый храм,
И окрыленными мечтами
Несусь припасть к твоим стопам.
Но замирают звуки лиры
В руках дряхлеющих певца:
Его смущает вид порфиры
И ослепляет блеск венца.
Воздвигни ж хоры песнопений,
Младые окрыли мечты,
Царица светлых вдохновений
И королева красоты!
26 декабря 1886

Королеве эллинов Ольге Константиновне при получении ее портрета
Звезда сияла на востоке,
И из степных далеких стран
Седые понесли пророки
В дань злато, смиру и ливан.
Изумлены ее красою,
Волхвы маститые пошли
За путеводною звездю
И пали до лица земли.
И предо мной, в степи безвестной,
Взошла звезда твоих щедрот:
Она свой луч в красе небесной
На поздний вечер мой прольет.
Но у меня для приношенья
Ни злата, ни ливана нет, –
Лишь с фимиамом песнопенья
Падет к стопам твоим поэт.
1 апреля 1887

Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891 года
Когда-то Ольга душу живую
У греков в вере обрела

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И райский кедр, и божью ниву
На север с юга привлекла.
И вот прошло тысячелетье –
И над полуночной страной
Склонилось древа жизни ветье
Неувядающей весной.
Среди духовного посева,
В веках созревшего опять,
Несет нам Ольга-королева
Красу и божью благодать.
Полней семья ее родная,
И снова восхищает взор
И Ольга, царственно благая,
И вестник счастья – Христофор.
4 июля 1891

Великому князю Константину Константиновичу
Сплывают ледяные своды.
Твое явилось через воды
Письмо с короной золотой.
Ко мне, простившись со столицей,
Примчались звучной вереницей
Стихи, пропетые тобой.
Ужели жизнь опять приветна?
Ужель затихли безответно
И буря, и недуга злость?
Какая весть благоволенья!
Какая свежесть вдохновенья!
Какой в глуши высокий гость!
Весной нежданной сладко веет,
В груди теплей, в глазах светлеет,
Я робко за тобой пою,
И сердце благодарно снова
За жар живительного слова,
За юность светлую твою.
25 марта 1887

Великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елисавете
Маврикиевне
Давно познав, как ранят больно
Иные тернии венков,
Нередко с грустью невольной
Гляжу на юношей-певцов.
Но пред высокою четою
В душе моей всегда светло:
За вдохновенной головою
Белеет ангела крыло.
Оно поэту в миг сомнений,
В минуту затаенных слез
Навеет горних сновидений
И аромата райских роз.
30 января 1889

Великому князю Константину Константиновичу
Когда, колеблем треволнением,
Лавровый обронив венец,
Ты загрустил, что вдохновеньем
Покинут, молодой певец, –
Я знал, что сила музыки пленной
Тебе на счастье растет,
Что чад рассеется мгновенный,
И снова, светлый, вдохновенный,
Мне милый голос запоеет.
И вот из северной столицы,
Восторгов вешних не тая,
С зеленой веткой голубицы
Ко мне примчалась песнь твоя.
8 мая 1890

Великому князю Константину Константиновичу
Не сетуй, будто бы увяла
Мечта, встречавшая зарю.
И что давно не призывала
Тебя богиня к алтарю.
И сам ты – храм любвеобильный,
И усладительной волной
В него влетает зов всеильный,
Колебля свод его живой.
Пускай чредой неутомимой
Теснятся трудовые дни,
Но помним мы, что там незримый
Орган безмолвствует в тени.
Когда затихнут на мгновенье
И блеск и шум, – тогда лови
И мир души и вдохновенье,
И нам запой слова любви!
24 августа 1891

Великому князю Константину Константиновичу при книге «Мои воспоминания»
Пред вами правда несомненно
О всём, что было и прошло;
Тут признается откровенно
В пережитом добро и зло.
Но средь заносчивой огласки
Не говорят уста мои,
Какие старец встретил ласки
Великокняжеской семьи.
Сказать, как жизнь мне озарило
Сиянье царственных светил,
У сельской музыки не хватило
Ни дерзновения, ни сил.
13 марта 1890

Великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елисавете
Маврикиевне при взгляде на их портреты
Сердце желанием встречи томимо,
Тайные слезы стыдятся улики;
Смотрят вослед проходящему мимо
Ваши прелестные, кроткие лики.
Эти два снимка начерчены фебом,
Горе при них исчезает мгновенно;
Как суждено расцвести ей под небом,
Юная их красота неизменна.
Вижу сиянье и вижу участие,
Нежные помыслов светлых владыки!
В душу вселяют и радость, и счастье
Ваши высокие кроткие лики.
4 июня 1889

Великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елисавете
Маврикиевне
Когда дыханье множит муки
И было б сладко не дышать,
Как вновь любви расслышать звуки
И как на зов тот отвечать?
Привет ваш райскою струною
Обитель смерти пробудил,
На миг вскипевшею слезою
Он взор страдальца остудил.
И на земле, где всё так бренно,
Лишь слез подобных ясен путь:
Их сохранит навек нетленно
Пред вами старческая грудь.
23 октября 1892

На бракосочетание великого князя Павла Александровича и великой княгини
Страница 119

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Александры Георгиевны
Не воспевай, не славословь
Великокняжеской порфиры, –
Поведай первую любовь
И возвести струнами лиры:
Кто сердце девы молодой
Впервые трепетать заставил?
Не ты ли, витязь удалой,
Красавец, царский конник, Павел?
Созданий сказочных мечту
Твоя избранница затмила,
Трех поколений красоту
Дочь королевы совместила.
Суля чете блаженства дни,
Пред ней уста немеют наши:
Цветов, влюбленных, как они,
Двух в мире не найдется краше.
9 мая 1889

На погребение великой княгини Александры Георгиевны 18 сентября 1891 года
Там, где на красные ступени,
У гроба, где стоите вы,
Склонялись царские колени
И венценосные главы,
Немеет скорбь, сгорают слезы,
Когда, как жертва убрана,
Нежней и чище вешней розы,
Сама безмолвствует она.
Лишь миг цвела она меж нами
С улыбкой счастья в тиши,
Чтоб восприяли мы сердцами
Весь аромат ее души.
Нам не поведал ангел света,
Зачем, когда переновил
К нам райский цвет он в час расцвета,
Его он в бездну уронил.
Иль полным благодатной силы
Цветку расцвести в руке творца,
Чтобы скорбящих у могилы
Родные врачевать сердца?
Сентябрь 1891

Памяти Д.Л. Крюкова
Когда светильником пред нашими очами
Ко храму римских муз ты озарял ступень
И чудилось нам невольно, что над нами
Горация витает тень, –
Впервые тихие и радостные слезы
Исторгнул дышащий из уст твоих певец:
Пленили нас его неблекнущие розы
И зеленеющий венец.
В замолкнувший чертог к Минерве и к Зевесу
Вслед за тобой толпа ликующая шла, –
И тихо древнюю ты раздвигал завесу
С громодержащего орла.
Но светоч твой угас. Надежного союза
Судьба не обрекла меж нами и тобой –
И, лиру уронив, поникла молча муза
В слезах над урной гробовой.
1855

На смерть А.В. Дружинина 19 января 1864 года
Умолк твой голос навсегда
И сердце жаркое остыло,
Лампаду честного труда
Дыханье смерти погасило.
На мир усопшего лица
Кладу последнее лобзанье.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Не изменили до конца
Тебе ни дружба, ни призванье.
Изнемогающий больной,
Души ты не утратил силу,
И жизни мутною волной
Ты чистым унесен в могилу.
Спи! Вечность правды настает,
Вокруг стихает гул суровый,
И муза строгая кладет
Тебе на гроб венок лавровый.
19 января 1864

Памяти В.П. Боткина 16 октября 1869 года
Прости! Разверстая могила
Тебя отдаст родной земле;
Скажи: что смерть изобразила
На этом вдумчивом челе?
Ужель, добра поклонник страстный,
Ты буйству века уступил
И обозвал мечтой напрасной,
Чему всю жизнь не изменил?
Ужель сказал: «За вами поле,
Вы правы, тщетен наш союз!
Я ухожу, – нет в мире боле
Ни светлых дум, ни вещей муз».
Нет! покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращал
И тихо лепту трудовую
Трем старшим музам завещал.
октябрь 1869

Памяти Н.Я. Данилевского
Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! –
Отдаваясь мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.
Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградой скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.
3–5 июля 1886

На смерть Бражникова
Взвод, вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!
Словно ясная тучка зарей,
Ты погаснул, собрат молодой!
Как печаль нам утешить свою,
Что ты с нами не будешь в строю?
Гребень каски на гробе ведь наш,
Где с ножнами скрестился палаш.
Лишь тебя нам с пути не вернуть!
Не вздохнет молодецкая грудь,
И рука, цепенея как лед,
На прощенье ничьей не пожмет.
Но, безмолвный красавец, в гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,
И тебе и в земле не забыть,
Как тебя мы привыкли любить.
Взвод, вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!
июль 1845

На смерть Мити Боткина
Тебя любили мы за резвость молодую,
За нежность милых слов...
Друг Митя, ты унес нежданно в жизнь иную
Надежды стариков!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Уже слетел недуг, наваян злым роком,
Твой пышный цвет сорвать;
Дитя, ты нам предстал тогда живым уроком,
Как жить и умирать!
Когда, теряясь, все сдерживали слезы
Над мальчиком больным,
Блаженные свои и золотые грезы
Передавал ты им.
И перед смертью живой исполнен ласки,
Ты взор обвел кругом
И тихо сам закрыл младенческие глазки,
Уснув последним сном..
15 декабря 1886

Памяти С.С. Боткиной
Ужель на вопль и зов молебный
Ты безучастно промолчишь?
Ужель улыбкой задушевной
Семьи опять не озаришь?
Забыв и радости земные
И милосердия дела,
Ты, покидая нас впервые,
За сыном-отроком ушла.
Разлуки нет. Твой образ милый
Чрез жизнь мы в сердце пронесем,
И там, за рубежом могилы,
Навек обнять тебя придем.
Между 7 и 10 марта 1889

Ответ Тургеневу
Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?
Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождалась наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнувшие ночи,
И зеленей ее венец.
Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье –
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?
Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.
Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали, –
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.
Заныла грудь моя – но в думах окрыленных
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных,
Лелеять сладострастный юг!
1856

Е.П. Ковалевскому
Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой,
И, тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты с язвительной улыбкой
На благородный подвиг свой.
Судьба тебя тоской несправедливой истерзала,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
В измученной груди волшебный голос жив;
В нем слышен жар любви, в нем жажда идеала
И сердца смелого порыв.
Так, навсегда простясь с родимую скалою,
Затерянный в песках рассыпчатых степей,
Встречает путников, томящихся от зною,
Из камня брызнувший ручей.
1856

Тургеневу («Прошла зима, затихла вьюга...»)
Прошла зима, затихла вьюга, –
Давно тебе, любовник юга,
Готовим тучного тельца;
В снегу, в колючих искрах пыли
В тебе мы друга не забыли
И заждались обнять певца.
Ты наш. Напрасно утром рано
Ты будишь стражей Ватикана,
Вот за решетку ты шагнул,
Вот улыбнулись антики,
И долго слышат мозаики
Твоих шагов бегущий гул.
Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.
Там всё тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленой,
И, верно, чуя, что просторней, –
Смелей, и слаще, и задорней
Весенний свищет соловей.
Начало 1858

Бржевским при получении цветов и нот
Откуда вдруг в смиренный угол мой
Двоякой роскоши избыток,
Прекрасный дар, неожиданный и двойной, –
Цветы и песни дивный свиток?
Мой жадный взор к чертам его приник,
Внемлю живительному звуку,
И узнаю под бархатом гвоздик
Благоухающую руку.
Начало сентября 1847

А.Ф. Бржевскому
Из смертных, жизнью пресыщенных,
Кто без отравы чашу пил?
От всех подонков возмущенных
Язык мой горечь сохранил.
И та, чей нежный зов участья
С земли мечты мои вознес,
Мне подавая кубок счастья,
В него роняла капли слез.
К чему по прихоти мгновенной
Тревожить мертвых сон святой!
До дна тот кубок вдохновенный
Скупой отравлен был судьбой.
Лишь ты один, ты не скупился,
По сердцу брат мой, Алексей!
Коль чашей счастья ты делился, –
Делился чистой, полной, всей.
Вот почему, за юность нашу
Хваля харит, я не грешу
И дружбы общую нам чашу
К устам с восторгом подношу.

А.Л. Бржевской

Далекий друг, пойми мои рыдания,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.
Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?
Где ж это всё? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки – и замрут опять.
Лишь ты одна! Высокое волненье
Издаেকে мне голос твой принес.
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье. –
Прочь этот сон, – в нем слишком много слез!
Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.
28 января 1879

А.Л. Бржевской

Опять весна! опять дрожат листы
С концов берез и на макушке ивы.
Опять весна! опять твои черты,
Опять мои воспоминанья живы.
Весна! весна! о, как она крепит,
Как жизненной нас учит верить силе!
Пускай наш добрый, лучший друг наш спит
В своей цветами убранной могиле, –
Он говорит: «Приободрись и ты:
Нельзя больной лелеять два недуга».
Когда к нему ты понесешь цветы,
Снеси ему сочувствие от друга.
Минувшего нельзя нам воротить,
Грядущему нельзя не доверяться,
Хоть смерть в виду, а всё же нужно жить;
А слово: жить – ведь значит: покоряться.
1879

А.Л. Бржевской

Нет, лучше голосом ласкательно обычным
Безумца вечного, поэта, не буди;
Оставь его в толпе ненужным и безличным
За шумною волной безмолвному идти.
Зачем уснувшего будить в тоске бессильной?
К чему шептать про свет, когда кругом темно,
И дружеской рукой срывать покров могильный
С того, что спать навек в груди обречено?
Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыдания!
Ведь это тернии колючего венца!
1 апреля 1886

С.П. Хитрово

Я опоздал – и как жалею!
Уж солнце скрылось в ночи.
Я не видал, когда в аллею
Оно кидало нам лучи.
Но силу летнего сиянья
Не всю умчал минувший день,
Его отрадного прощанья
Не погасила ночи тень.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Еще пред дымкою туманной
Как очарованный стою,
Еще в заре благоуханной
Дыханье неба узнаю.
1882?

Графине С.А. Толстой
Где средь иного поколенья
Нам мир так пуст,
Ловлю усмешку утомленья
Я ваших уст.
Мне всё сдается: миновали
Восторги роз,
Цветы последние увяли:
Побил мороз.
И безуханна, бесприветна
Тропа и там,
Где что-то бледное заметно
По бороздам.
Но знаю, в воздухе нагретом,
Вот здесь со мной,
Цветы задышат прежним летом
И резедой.
24 декабря 1889

Графине С.А. Толстой
Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальные мечты.
И вот, исполнен обаянья
Перед тобою, здесь, в глуши,
Я понял, светлое созданье,
Всю чистоту твоей души.
Пускай терниста жизни проза,
Я просветлеть готов опять
И за тебя, звезда и роза,
Закат любви благословлять.
Хоть меркнет жизнь моя бесследно,
Но образ твой со мной везде;
Так светят звезды всепобедно
На темном небе и в воде.
1866

К портрету графини С.А. Толстой
И вот портрет! И схоже и несхоже.
В чем сходство тут, несходство в чем найти?
Не мне решать; но можно ли, о боже,
Сердечнее, отраднее цвести?
Где красота, там споры не у места:
Звезда горит – как знать, каким огнем?
Пусть говорят: «Тут девочка-невеста,
Богини мы своей не узнаем».
Но все толпой коленопреклоненной
Мы здесь упасть у ваших ног должны,
Как в прелести и скромной и нетленной
Вы смотрите на наши седины.
27 апреля 1885

Графине С.А. Толстой
Я не у вас, я обделен!
Как тяжело изнеможенье;
У вас – порывы, блеск, движенье,
А у меня – не бред, а сон.
Какое счастье хоть на миг
Залюбоваться жизни далью,
Призыв слышать над роялью, –
Я всё признал бы и постиг.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
я б снова трепет ощутил,
Целебной силой с прежним схожий;
Я б верил вновь, что ангел божий
Пришел и воду возмутит.
28 мая 1886

Графине С.А. Толстой во время моего 50-летнего юбилея
Пора! по влаге кругосветной
Я в новый мир перехожу
И с грустью нежной и заветной
На милый север свой гляжу.
Жесточкой уносим волною,
С звездой полярною в очах,
Я знаю, ты горюшь за мною
В твоей красе, в твоих лучах.
19 февраля 1889

В альбом П.А. Козлову
Тому, что было, не бывать –
Иные сны, иное племя;
Зачем же рифмы призывать,
Как будто прежнее то время?
Волшебных грез рассеян рой,
А в грусти стыдно признаваться;
Ужель остывшею слезой
Еще последней расписаться?
Декабрь 1879

Графу А.В. Олсуфьеву
Второй бригады из-за фронта
Перед тобою мой Пегас,
Хоть сбросил он Беллерофонта,
Всё ж на смотрю – не ровен час.
Ты сам заметишь поначалу:
Каким он был, ему не быть,
И как служил он Ювеналу,
Улану ныне не служить.
Но в шенкелях его исправно
Перед тобой провесть хочу,
И лишь твое услышу: «Славно!» –
Я «Рад стараться!» прокричу
4 октября 1886

Графине А.А. Олсуфьевой при получении от нее гиацинтов
В смущеньи ум, не свяжешь взглядом,
И нем язык:
Вы с гиацинтами – и рядом
Больной старик.
Но безразлично, беззаветно
Власть вам дана:
Где вы царите так приветно –
Всегда весна.
2 января 1887

Е.С. Хомутовой при получении от нее пышного букета цветной капусты
Соизмеряя дар с приветом,
Дерзаю высказать в ответ,
Что в мире никаким букетам
Не уступает ваш букет.
Его значенье многосложно
И в силах вдохновить певца;
Его принять с поклоном можно,
И можно скушать до конца.
5 мая 1888

Е.С. Хомутовой приславшей мне цветы
Цветы и песни с давних лет
В благоухающем союзе;

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
и благовонный ваш привет
Вручил я пристыженной музе.
Но ей до вас так далеко,
что состязанье безрассудно:
Ее украсить вам легко,
Ей заслужить венок так трудно!
7 августа 1885

Графине Н.М. Сологуб
Вам песнь моя. В степи мирской,
Среди толпы бесцветно-бледной,
Лишь вы поэта за собой
Красой влечете всепобедной.
Прелестны матовым челом,
Могучи пышными кудрями,
Вы обаятельны умом,
Очаровательны очами.
Что смертных трогает сердца,
Внушите вы послушной лире,
И слово на устах певца
При вас цветет пышней и шире.
16 февраля 1888

Графине Н.М. Сологуб
Тобой привычный восхищаться,
Я втайне верить был готов,
Что можно лире приближаться
К твоей красе красою строф.
Но вижу в состязаньи струнном,
Двойным восторгом трепеща,
Что на челе золоторунном
Непобедим венок плюща.
24 января 1891

Графине Н.М. Сологуб
О Береника! Сердцем чую
Заочный блеск и власть красы,
И помню россыпь золотую
Твоей божественной косы.
Не нам, с волненьями земными,
К ее разливу припадать!
Ей место – с песнями твоими
Между созвездьями сиять.
Ну что за добрая догадка –
Вдруг «отче» молвить мне шутя!
Так по головке умной сладко
Погладить дивное дитя!
28 января 1892

Л.И. Офросимовой при посылке портрета
Гляжу с обычным умилением
На ваши кроткие черты,
И сердце светлым вдохновеньем
Наполнил образ красоты.
Какой обмен несправедливый!
Вдруг получить издалека
Вам, юной, свежей и красивой,
Печальный образ старика!
8 февраля 1888

И.Ф. Офросимову на юбилей конского его завода в селе Березовце
Да, я не Пиндар: мне страшней
Всего торжественная ода, –
Березовец и юбилей
Рожденья конского завода.
Когда б слова в стихах моих
Ложились выпуклы и ковки,
Вставали разом бы из них

Копыта, шейки и головки.
Следя за каждую чертой,
Знаток не проходил бы мимо,
Не восхитившись красотой
Любимца или Ибрагима.
Я, лавры оглася твои
И все стяжанные награды,
В заводе конском Илии
Нашел бы звуки Илиады.
Но этих звуков-то и нет,
И я, греметь бессильный оду,
Лишь пожелаю много лет
Тебе и твоему заводу!
17 июня 1888

На бракосочетание Е.Д. и К.Г. Дункер
В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговя,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименея.
Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцветенный кажет путь
И жениху и новобрачной.
И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастье молодым
Моя стареющая лира.
На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! и я хвалю любовь
И пышный факел Гименея!
30 апреля 1889

Е.Д. Дункер
Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука, –
Муза раскроет и сердце и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспредельно люблю, –
Муза поведаст, что я за муки терплю.
17 января 1888

На серебряную свадьбу Е.П. Щукиной 4 февраля 1874 года
Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный,
День торжества и праздничных одежд!
Тебе тот путь не страшен неизвестный,
Где столько гибнет радужных надежд.
Все взоры к ней, когда, стыдом пылая,
Под дымкою, в цветах и под венком,
Стоит она, невеста молодая,
Пред алтарем с избранным женихом.
Стоит она и радостна и сира.
Но он клялся, – он сердцем увлечен!
Поймет ли мир всё скрытое от мира –
Весь подвиг долга и любви? А он?
Он понял всё, чем сердце человека
Гордится втайне – дайте мне фиал!
Воочию промчалась четверть века,
И свадьбы день серебряной настал.
И близкий здесь, и тот перед родною,
Кого судьба умчала далеко;
У всех в глазах признательной слезою
Родимое сказалося молоко.
Судьба всего послала полной чашей.
Чего желать? Чего искать душой?

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Дай бог с четой серебряною нашей
Нам праздновать день свадьбы золотой!
4 февраля 1874

М.Н. Коншиной
Явись, явись ко мне, больному!
Вот исцеленье! Кто скорей
Развеет грустную истому
Души тоскующей моей?
Кто неподкупных муз привета
Достойней прелести лица?
Кто красотой из рук поэта
Достойней вечного венца?
13 февраля 1890

М.Ф. Ванлярской при получении визитной карточки с летящими ласточками
Мечтам покорствуя отважным,
Несусь душой навстречу к ним,
И вашим ласточкам бумажным
Не меньше рад я, чем живым.
Они безмолвны, не мелькают,
Крылом проворным, но оне,
Подобно вам, напоминают
Красой воздушной о весне.
23 апреля 1891

П.И. Чайковскому
Тому не лестны наши оды,
Наш стих родной,
Кому гремели антиподы
Такой хвалой.
Но, потрясенный весь струнами,
Его цевниц,
Восторг не может и меж нами
Терпеть границ.
Так пусть надолго музы наши
Хранят певца
И он кипит, как пена в чаше
И в нас сердца!
18 августа 1891

Графу А.К. Толстому в деревне Пустыньке
В твоей Пустыньке подгородной,
У хлебосольства за столом,
Поклонник музы благородный,
Камен мы русских помянем.
Почтим святое их наследство
И не забудем до конца,
Как на призыв их с малолетства
Дрожали счастьем в нас сердца.
Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонит площадная
Царицу мысли и труда;
Да не смутит души поэта
Гоненье на стыдливых муз,
И пусть в тени, вдали от света,
Свободней зреет их союз!
1882

Графу Л.Н. Толстому
Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаясь настрелянною птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом – и, оглядев
Живую пищу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджигает перья

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И вдруг нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо, –
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. – Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!
Конец октября или начало ноября 1875

Графу Л.Н. Толстому при появлении романа «Война и мир»
Была пора – своей игрою,
Своею ризою стальнойю
Морской простор меня пленял;
Я дорожил и в тишь и в бури
То негой тающей лазури,
То пеной у прибрежных скал.
Но вот, о море, властью тайной
Не всё мне мил твой блеск случайный
И в душу просится мою;
Дивясь красе жестоковойной,
Я перед мощию стихийной
В священном трепете стою.
23 апреля 1877

А.Н. Майкову на сочувственный отзыв о переводе Горация
Кто сам так пышно в тогу эту
Привычен лики облачать, –
Кому ж, как не тебе, поэту,
И тень Горация встречать?
На Геликон ступя несмело,
От вас я блеска позайму,
Гордясь, что сам, хоть неумело,
Но вам обоим руку жму.
14 октября 1884

На юбилей А.Н. Майкова 30 апреля 1888 года
Пятьдесят лебедей пронесли
С юга вешние крики в полесье,
И мы слышали, дети земли,
Как звучала их песнь с поднебесья.
Майков медь этих звуков для нас
Отчеканил стихом-чародеем,
И за это в торжественный час
Мы встречаем певца юбилеем.
Кто же выступит с гимном похвал
Перед тем, кто, поднявшись над нами,
Полстолетия Русь осыпал
Драгоценных стихов жемчугами?
Хоть восторг не дает нам молчать,
Но восторженных скоро забудут,
А певца по поднебесью мчат
Лебединые крылья всё будут!
11 марта 1888

Полонскому
Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мне опять напомнил дни,
Когда, не зная мысли пленной,
Ты вынес, отрок дерзновенный,
Свои алмазные огни.
А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленапреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажег вечерние огни.

Я.П. Полонскому
В минувшем жизнь твоя богата,
Звенел залог бесценный в нем:
Сам рассказал ты, что когда-то
Любил и пел ты соловьем.
Кто ж не пленен влюбленной птицей,
Весной поющей по ночам?
Но как поэт – ты мил сторицей
Тебе внимающим друзьям.
26 августа 1890

В альбом Н.Я. Полонской
Стихи мои в ряду других
Прочтут ли бархатные глазки?
Но появиться рад мой стих
Там, где кругом цветы и краски.
Желать вам счастья я готов,
Но в чем придет оно, не знаю;
Ни юных роз, ни мотыльков,
Хоть им дивлюсь, не поучаю.
20 июня 1890

Ф.И. Тютчеву
Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.
Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
Твое чело, твой облик милый.
Твоей камене – повторять
Прося стихи – я докучаю,
А всё заветную тетрадь
Из жадных рук не выпускаю.
Поклонник вечной красоты,
Давно смиренный пред судьбою,
Я одного прошу – чтоб ты
Во всех был видах предо мною.
Вот почему спешу, поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.
1862

Ф.И. Тютчеву
Прошла весна – темнеет лес,
Скудней ручьи, грустнее ивы,
И солнце с высоты небес
Томит безветренные нивы.
На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный;
Опять сухую грудь земли
Врезает конь и вол покорный.
Но в свежем тайнике куста
Один певец проснулся вешний,
И так же песнь его чиста
И дышит полночью нездешней.
Как сладко труженик смущен,
Весны заслыша зов единый!
Как улыбнулся он сквозь сон
Под яркий посвист соловьиный!
1866

На книжке стихотворений Тютчева
Вот наш патент на благородство, –

Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.
В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.
Но муза, правду соблюдая,
Глядит – а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.
Декабрь 1888

К памятнику Пушкина 26 мая 1880 года
Исполнилось твое пророческое слово;
Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик,
И легче дышится, и мы дерзаем снова
Всемирно возгласить: ты гений! ты велик!
Но, зритель ангелов, глас чистого, святого,
Свободы и любви живительный родник,
Заслыша нашу речь, наш вавилонский крик,
Что в них нашел бы ты заветного, родного?
На этом торжище, где гам и теснота,
Где здравый русский смысл примолк, как сирота, –
Всех громогласней тать, убийца и безбожник,
Кому печной горшок всех помыслов предел,
Кто плюет на алтарь, где твой огонь горел,
Толкать дерзая твой незыблемый треножник!
Май 1880

1 марта 1881 года
День искупительного чуда,
Час освящения креста:
Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.
Но сердцеведец безмятежный
Давно, смиряясь, постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.
Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелась любовь.
Она сияет правдой новой, –
Благословив ее зарю,
Он крест и свой венец терновый
Земному передал царю.
Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства –
Святыней вековечной нам.
1881

15 мая 1883 года
Как солнце вешнее сияя,
В лучах недаром ты взошел
Во дни живительного мая
На прародительский престол.
Горит алмаз, блестят короны,
И вокруг соборов и дворца,
Как юных листьев миллионы,
Обращены к тебе сердца.
О, будь благословен сторицей
Над миром, Русью и Москвой,
И богоданной багряницей
От искушений нас укрой!
Май 1883

На пятидесятилетие музы
Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою:
Всяк благосклонною хвалою
Немую провожает тень.
Как лик усопшего светить
Душою лучшей начинает!
Не то, чем был он, проступает,
А только то, чем мог он быть.
Живым карать и награждать,
А нам у гробового входа,
О муза, – нам велит природа
Навек смиряясь, молчать.
29 декабря 1888

На пятидесятилетие музы 29 января 1889 года
На утре дней всё ярче и чудесней
Мечты и сны в груди моей росли,
И песен рой вослед за первой песней
Мой тайный пыл на волю понесли.
И трепетным от счастья и муки
Хотелось птичкам божиим моим,
Чтоб где-нибудь их налетели звуки
На чуткий слух, внимать готовый им.
Полвека ждал друзей я этих песен,
Гадал о тех, кто им живой приют;
О, как мой день сегодняшней чудесен! –
Со всех сторон те песни мне несут.
Тут нет чужих, тут всё родной и кровный!
Тут нет врагов, кругом одни друзья! –
И всей душой за ваш привет любовный
К своей груди вас прижимаю я!..
14 января 1889

Стихотворения, не вошедшие в основное собрание
Лирический пантеон
«Пуская в свет мои мечты...»
Пуская в свет мои мечты,
Я предаюсь надежде сладкой,
Что, может быть, на них украдкой
Блеснет улыбка красоты,
Иль раб мучительных страстей,
Читая скромные созданья,
Разделит тайный страданья
С душой взволнованной моей.
1840

Баллады

Похищение из гарема
Кто в ночи при луне открывает окно?
Чья рука, чья чалма там белеют?
Тихо всё. Злой евнух уже дремлет давно,
И окошки гарема чернеют.
Ты, султанша, дрожишь? Ты, султанша, бледна?..
Страшно ждать при луне иноверца!..
Но зачем же, скажи мне, ты ждешь у окна?
Отчего ноет сладостно сердце?
– Что ж ты медлишь, гяур? Приезжай поскорей!
Уж луна над луной минарета.
Чу, не он ли?.. Мне чудится топот коней.
Далеко нам скакать до рассвета!
Да! То он! Мой гяур уж заметил меня!
Конь идет осторожной стопою,
Всадник машет платком и другого коня
На поводьях ведет за собою.
Дремлет страж под окном; вдруг кинжал полетел
На него серебристой змеєю;
Стон глухой... Меч сверкнул, и песок почернел

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Там, где пала чалма с головою.
– Ножкой стань на плечо! Ах, скорей! не сорвись!
– Я боюсь ревнивой погони.
Ах, в гареме огонь! – Захрапевши, взвились
И как вихри помчались кони.
Поутру под окном изумленной толпой
Чернолицая стража стояла;
Перед нею с султаншиной белой чалмой
Иноверца перчатка лежала.
1840

Замок Рауфенбах

1

На гранит ступает твердо
Неприступный Рауфенбах,
И четыре башни гордо
Там белеют на углах.
Заредуют ли туманы
Перед утренней зарей,
Освежатся ли поляны
Хладной вечера росой,
Пробирается ль в тумане
В полночь чуткая луна, –
Всё молений и стенаний
Башня южная полна.
Там под кровлею железной
Протянулося окно,
И решеткой бесполезной
Не заковано оно.
Что ж ты, пленник, так бледнеешь?
Вольный мир перед тобой!
Иль нет крыльев? – Знать, сотлеешь
За удушливой стеной.
Но потухшими очами
Ты не смотришь в синю даль;
Знать, что куплено слезами,
Знать, чего так больно жаль, –
Не вдали. Сухие руки
Не протягивай к земле,
И в жару безумной муки
Не зови ее к себе!
Что ты бьешься?.. Теодора,
Нежный друг твой, не придет,
Не избавит от позора
И на грудь не упадет.
Завтра казнь! Барону-змею
Любо, что перед женой
Завтра к плахе склонишь шею
Ты с косматой головой!..

2

Светом облит лик иконы,
перед ней стоит налой,
Слышны вздохи, слышны стоны,
И, во прах склонясь главой,
Горько плачет Теодора,
Кудри по полу легли;
Завтра день его позора,
Завтра с горестной земли
Милый друг ее умчится;
Не слезой горячей к ней
Он в последнее простится –
Жаркой кровию своей!

3

Уж редеет сумрак хладный,
Уж поднялся эшафот,
И кругом толпою жадной
Собирается народ.
Час настал. С своей женою

К башне подошел барон
И могучею рукою
Уж замка коснулся он.
Вдруг с окна над ним слетело
Что-то. – Ах! – и уж в пыли
Два разбитых мертвых тела
Близ дверей тюрьмы легли.

4

Там, в капелле, под горою,
За решеткой золотой,
Спит под мраморной плитою
Рауфенбах с своей женой.
Любо черни на просторе,
Что толпе любви закон?
Душно в гробе Теодоре
Спать с немилым; где же он?
Холм песчаный за рекою
Лег над избранным твоим.
Всё там тихо, – лишь зарею
Ворон каркает над ним.
1840

Удавленник
Ужин сняли. Слава богу,
Что собрались как-нибудь.
Ну, присядем на дорогу,
Да и с богом в дальний путь.
Вот уж месяц вполовину
Показался, – не поздай;
Только слушай: ты долину
За кладбищем объезжай!
Речь давно об ней ведется:
Там удавленник зарыт.
Только полночь – он проснется
И проезжих сторожит.
Как огни, у исполина
Светят страшные глаза;
На макушке, как щетина,
Поднялися волоса;
С шеей, петлю обвитой,
Как котел он посинел,
Зубы кровию облиты,
И язык окостенел.
Самому мне с ним возиться
Довелось лет пять назад;
И теперь – когда, случится,
Вспомнишь ночью – и не рад!
Всё ли в путь собрали сыну?
Вот и с богом: поезжай!
Только слушай: ты долину
За кладбищем объезжай.
1840

Лирические стихотворения
Безумная
Ах, не плачь и не тужи,
Мать родная! Покажи,
Где его могила!
Иль не знаешь ты того,
Как я нежила его,
Как его любила?
Ох, родная, страшно мне:
Он мерещится во сне
С яркими очами!
Всё кивает головой
И зовет меня с собой
Грозными речами.
Нет, родная, бог уж с ним!

Не пойду я вслед за ним:
Он меня задушит.
Пусть он спит в земле сырой;
Мой приход его покой
В гробе не нарушит.
Ох, родная, покажи,
Где он, где он? – Задуши
Ты меня, мой милый!
Сладко я умру с тобой;
Ты поделишься со мной
Тесною могилой.
Не задушишь ты меня:
Обовьюсь вокруг тебя
Жадными руками;
Я прижмусь к твоим устам
И полжизни передам
Мертвецу устами.
Что ж ты смотришь на меня?
Мне смешно и без тебя:
Сердце лопнуть хочет!
Тяжко мне среди людей!
Слышишь... Свищет соловей,
И сова хохочет.
Ха-ха-ха! так смех берет!
То из раны кровь польет,
То застынет снова;
Жадно кровию напьюсь,
Сладко-сладко захлебнусь
Кровию милова.
В чистом поле он убит
И в сырой земле лежит
С раню кровавой.
Кровь и слезы – слезы – кровь,
Где ж ты, где, моя любовь
С головой кудрявой?
Вскинусь птицей, полечу,
Черны кудри размечу
По челу кольцами.
Улыбнись же, полно спать!
Это я пришла играть
Черными кудрями!
Две розы
Вчера златокудрявый,
Румяный майский день
Принес мне двух душистых
Любовниц соловья:
Одна одета ризой
Из снежных облаков,
Другая же – туникой
Авроры молодой.
Я долго колебался,
Какую розу взять.
Ах, белая так нежно
Зеленые листки
В венке моем пахучем,
Целуя, оттенит!
А ты, коралл душистый,
Прильнув к моей груди,
Горячее дыханье
Бальзамом напоишь;
И взоры огневые
Красотки молодой
Скорей падут на сердце,
Над коим дышишь ты!..
И с розы на другую
Бросал я жадный взор.
Заметив нерешимость,
Мне юный Май сказал:

Возьми сестер обеих
И, счастливый вдвойне,
Украшь венком зеленый
И любящую грудь!
Я принял их и понял
Спасительный урок.
Давно на дне кристальном
Души моей живой
Любуется собою
Наины светлый взор,
И грудь полунагая,
И черная коса;
И тут же ненарочно
В тени золотых кудрей
Красотка Зинаида
Предстанет предо мной.
И каждый раз, как кольца
Упругие прыгнут
И золотом заблещет
Их радужный отлив,
Я слышу, как в ланитах
Моих зардеет кровь.
Вы розы – да, две розы! –
Обеим вам любовь!
1840

Серенада («Плывет луна по высоте...»)
Плывет луна по высоте,
Смахнув с чела туман ревнивый,
И в сладострастной темноте
Шумят ветвистые оливы.
Чу, – слышу звуки вдалеке!
Там, под балконом, близ ограды,
Поют – и эхо по реке
Несет аккорды серенады.
И звуки, стройные сыны
Звончатой лиры Аполлона,
Несут владычице балкона
На ложе пламенные сны.
Луна плывет, река дрожит,
Трепещет сердце у поэта.
Проснись, о дева, он стоит
И ждет отрадного ответа.
И вдруг раздался тихий звон
Замка средь звуков песнопенья,
И вот брюнетка на балкон
Взошла с улыбкой умиленья,
И, будто невзначай, само,
Скользнув из ручки девы милой,
Сердечек поверенный – письмо
Упало вниз через перилы.
1840

Мой сад
В моем саду, в тени густых аллей,
Поет в ночи влюбленный соловей,
И, позлащен июньскою луной,
Шумит фонтан холодною волной,
Кругом росой увлажнены цветы, –
Пойдем туда вкушать восторг мечты!
Не чужд ли ты волшебных чар любви?
В моем саду сильнее огонь в крови;
Всё чудно там, и звезды над тобой
Текут плавней небесной синевой,
Луна дрожит и блещет, как алмаз, –
Пойдем туда: полюбишь в первый раз!
Но если уж ты любишь и любим,
Всё там найдешь, всё назовешь своим:

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Фонтан, цветы, влюбленный соловей –
Везде она, везде поют о ней!
К луне ли взор – там тихо и светло –
Опять она, опять ее чело!
1840

Признание

Простите мне невольное признание!
Я был бы нем, когда бы мог молчать,
Но в этот миг я должен передать
Вам весь мой страх, надежду и желанье.
Я не умел скрываться. – Да, вам можно
Заметить было, как я вас любил!
Уже давно я тайне изменил
И высказал вам всё неосторожно.
Как я следил за милою стопой!
Как платья милого мне радостен был шорох!
Как каждый мне предмет был безотчетно дорог,
Которого касались вы рукой!
Однажды вы мне сами в том признались,
Что видели меня в тот самый миг,
Как я устами к зеркалу приник,
В котором вы недавно улыбались.
И я мечтал, что к вам закралась в грудь
Моей души безумная тревога;
Скажите мне, – не смейтесь так жестоко:
Могла ли в вас наружность обмануть?
Но если я безжалостно обманут, –
Один ваш взгляд, один полунамек –
И нет меня, и я уже далек,
И вздохи вас печалить перестанут.
Вдали от вас измучуся, изною,
Ночь будет днем моим – ей буду жить,
С луной тоскующей о прошлом говорить;
Но вы любуйтесь веселою луною
И ваших девственных и ваших светлых дней
Участием в страдальце не темните;
Тогда – одно желанье: разрешите,
Лицо луны – или мое бледней?
1840

Застольная песня

Фиял кипит янтарной Ипокреной,
Душа горит и силится во мне
Залить в груди огонь жемчужной пеной.
Но что забыть, что вспомнить при вине?
Красавица с коварною душою,
Ты, божеством забытый пышный храм,
И вы, друзья с притворною слезою,
И вы, враги с презренной клеветою,
Забвенье вам!
И вы, мечты, которыми прельщался,
И ты, судьба, противница мечтам, –
Довольно я страдал и заблуждался,
Надеялся, слезами обливался..
Забвенье вам!
Ты, девы грудь, вы, кудри золотые,
Ты, Грации художественный рост,
Вы, ямочки и щечки огневые,
Ты, тень ресниц, вы, глазки голубые, –
Вам первый тост!
И вы, друзья святого вдохновенья
С мечтательной и нежною душой,
Вы, полные к прекрасному стремленья,
С тоской души, с улыбкой умиленья –
Вам тост второй!
И вы, друзья с зелеными венками
И с хохотом в досужный Вакха час, –

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Похмелья гений носится над вами!
Поднимем кубки дружными руками!
Я пью за вас!
Фиял кипит янтарной Ипокреной,
И что души тревожило покой –
Всё умерло в груди воспламененной,
Всё милое – воскресло предо мной!
1840

Кольцо

Скажи кольцо, как друг иль как злодей
Ты сжало мне трепещущую руку?
Скажи, что мне сулишь: ряд ясных дней
Иль черных дней томительную муку?
Нет, за тебя мне сердце говорит,
И я тебя, мой друг, кольцо, целую, –
И, вечности символ, твой круг сулит,
Как ты само, мне вечность золотую.
Что ж ты молчишь, предвестник лучших дней?
Скажи ты мне, подарок обручальный,
Скажи, далек ли миг, когда у ней
Блестит чело короною венчальной?
И счастье мне!.. Но мне ль мечтать о нем?..
Дают ли груз сокровищ несть бессильным?
Мне счастья нет в страдальчестве земном, –
Найду ль его и за холмом могильным?
Зачем же миг, зачем миг счастья мне?
Зачем в цепь узника сапфир лазурный?
Пусть я несусь по яростной волне,
Чтоб потонуть в пучине жизни бурной!
О, не мертвей, небесное лицо,
Не раздирай души твоим страданьем!
О, не блистай, заветное кольцо,
И не сжигай груди твоим блистаньем!
Прочь, счастье, прочь! – я не привык к тебе,
Ее кольцо меня с тобой сковало, –
Но, море, – вот, возьми его себе:
Его давно ты с шумом ожидало!
И не меняет моего лица
От тиши к бурям переход столь быстрый,
Но сердцу так легко: нет на руке кольца –
И нет в душе надежды даже искры!
1840

Утешение

Вспорхнул твой ветреник, уж нет его с тобою!
Уже, склонясь к тебе, дрожащею рукою
Он шейку белую твою не обовьет,
Извившись талией могучею и ловкой,
И розы пламенной над милою головкой
Дыханье сладкое в восторге не вопьет.
Он ветрен – ты верна изменнику душою;
Ты плачешь здесь, а он смеется над тобою;
Рассмейся, милая, как солнце поутру,
Забудь любовника твоей душистой розы,
Дай руку мне, – а я пленительные слезы
Устами жаркими с очей твоих сотру.
1840

Странность

В мире, где радостей нет, Эпикур говорит: наслаждайся!
Дай мне восторгов, а там можешь сказать: удержишься!
1840

Откровенность

Не силен жар ланит твоих младых
Расшевелить певца уснувшей воли;
Не мне просить у прелестей твоих

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Очаровательной неволи.

Не привлекай и глазки не взводи:
Я сердце жен изведаль слишком рано;
Не разожжешь в измученной груди
Давно потухшего волкана.
Смотри, там ждет влюбленный круг мужчин,
А я стою желаний общих чуждый;
Но, женщины, у вас каприз один:
Вам нужны те, которым вы ненужны!
Вам надоел по розам мягкий путь
И тяжелы влюбленные беседы;
Вам радостно разжечь стальную грудь
И льстят одни тяжелые победы.
Но ты во мне не распалишь страстей
Ни плечками, ни шейкою атласной,
Ни благовонием рассыпанных кудрей,
Ни этой грудью сладострастной.
Зачем даришь ты этот мне букет?
Он будет мне причиною печали.
И я когда-то цвел, как этот цвет,
Но и меня, как этот цвет, сорвали.
Ужель страдать меня заставишь ты?
Брось эту мысль: уж я страдал довольно –
От ваших козней, вашей простоты
И вашей ласки своевольной.
Другим отрадно быть в плену твоём,
Я ж сердце жен изведаль слишком рано;
Ни хитростью, ни истинным огнем
Не распалишь потухшего волкана.
1840

Одалиска

Вот груди – жаркий пух, вот взоры – звезды ночи,
Здесь цитры звон и сладостный шербет.
О юноша, прекрасный Аллы цвет,
Иди ко мне лобзать живые очи
И грудь отогревать под ризой тихой ночи!
1840

Ласточка

Я люблю посмотреть,
Когда ласточка
Вьется вверх иль стрелой
По рву стелется.
Точно молодость! Всё
В небо просится,
И земля хороша –
Не расстался б с ней!
1840

В альбом

Пусть гений прошлого с улыбкой
Вам обо мне заговорит,
Когда ваш взор, хотя ошибкой,
По этим строчкам пробежит.
Так иногда певец унылый
Идет в стране своей родной,
В былые дни когда-то милой,
Теперь заглохшею тропой.
1840

Вакхическая песня

Побольше влаги светлой мне,
И пену через край!
Ищи спокойствия на дне
И горе запивай!
Вино богами нам дано
В замену летских струй:

Разгонит горести оно,
Как смерти поцелуй,
И новый мир откроет нам,
Янтарных струй светлей,
И я за этот мир отдам
Всю нить грядущих дней.
Лишь кубок, чокнув, закипит, –
Воспламенится кровь,
И снова в сердце проблестит
И радость и любовь!
В душе отвага закипит,
Свобода оживет,
И сын толпы не уследит
Орлиный мой полет!
1840

На смерть юной девы
В обширном саду, испещренном живыми цветами,
Где липа душистая солнца лучи преломила,
Природа-волшебница дивный цветок насадила –
Любимицу-розу в тени под густыми листьями.
И дева могучая милым цветком любовалась,
Слезами чистейшими неба его поливала,
Дыханием груди родимой ее согревала, –
И роза с улыбкой младенца в тиши развивалась.
Ах, роза, зачем на тебя не падут мои слезы?
Еще над тобой не вздыхала в тиши Филомела
И бабочка легкой подругой к тебе не летела,
Природа не знала чела, достойного розы.
Восток загорелся, и мощная дева в печали
Стояла; цветы фимиам погребальный курили, –
В гирлянду небесную ангелы розу сломали
И этой гирляндою вечного трон увенчали.
1840

Художник к деве
Дева, не спрашивай
Ясными взорами,
Зачем так робко я
Гляжу на дивные
Твои формы?
Зачем любовь ко мне
Волной серебряной
Катится в грудь?
Ты – легкая, юная,
Как первая серна
У струй Евфрата, –
Одна достойна
Руками лилейными
Прижать к груди твоей
Широкою грудь,
Где кроется чудный дар
Бессмертных песен
Про жизнь и природу!
Лишь ты сохранишь ее
Святою и чистою;
Ты, перл земной,
Расскажешь небесному
Про чистые радости
Сына земли,
Когда он молча
Стоит пред изящным.
Лишь ты достойно
Венчаешь художника,
Когда венок свой
С кудрей шелковых
Рукою белою
С улыбкою снимаешь,

Чтобы украсить
Чело любовника.
Сними поскорее
Венок, златовласая!
Пуškai твои кудри
Играют с зефиром.
1840

Вакханка
Зачем как газель
По лесистым утесам
Ты мчишься, вакханка?
Зачем из-под грубой,
Косматой одежды
так дерзко мне кажешь
Блестящую, стройную,
Воздушную ножку?
Зачем твои черные,
Мягкие кудри,
Взвеваясь, не кроют
Той страсти, той неги,
Что пышет зарею
На диком лице твоём?
Никто нас не видит, –
Далеко-далеко
Умчались подружки! –
Ты слышишь? – в горах там:
Эвое! Эвое!
Брось тирс и венок твой!
Скорее на грудь мне...
Не дай утешиться
Вакхической буре
В пахучих грудях твоих!
Сатир не подсмотрит,
С коварной улыбкой,
Проказ молодых.
1840

Колодник
С каждым шагом тяжкие оковы
На руках и на ногах гремят,
С каждым шагом дальше в край суровый –
Не вернешься, бедный брат!
На лице спокойствие могилы,
Очи тихи; может быть, ты рад,
Что оставил край, тебе немилый?
Помолися, бедный брат!
1840

Тоска по невозвратном
Опять в душе минувшая тревога,
Вновь сердце просится в неведомую даль,
Чего-то милого мне больно-больно жаль,
Но не дерзну его просить у бога.
И вновь маню высокий идеал,
И снова жизнь мне грезится иная:
Так грешник-праотец, проснувшись, искал
Знакомых благ утраченного рая!
1840

Невозвратное
Друг, о чем ты всё тоскуешь?
Нет улыбки на устах,
Черны кудри в беспорядке,
Очи черные в слезах.
– Я тоскую, я горюю,
Ты ж не можешь пособить:
Ты любила, разлюбила

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И не в силах полюбить.
1840

Вздых
Быть может, всё оставило поэта, –
Душа, не плачь, не сетуй, не грусти!
Зачем любить и требовать ответа?
Ты изрекла мне вечное прости.
Но будет жизнь за жизнь земною,
Где буду вновь и светел и любим,
Где заблещу прославленной звездой,
Где я сольюсь с дыханием твоим!
1840

К лешему
На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги
И вещей наготовой блистая меж древес,
Ты громче хохочи и смешивай дороги,
Когда красавица зайдет в твой темный лес,
Где я люблю следить за чуткими зверями, –
От страха робкая домой забудет путь,
И, кузов уронив с душистыми цветами,
Она пойдет ко мне на пламенную грудь.
1840

Хандра
1

Когда на серый, мутный небосклон
Осенний ветер нагоняет тучи
И крупный дождь в стекло моих окон
Стучится глухо, в поле вихрь летучий
Гоняет желтый лист и разложен
Передо мной в камине огонь трескучий, –
Тогда я сам осенняя пора:
Меня томит несносная хандра.

2

Мне хочется идти таскаться в дождь;
Пусть шляпу вихрь покружит в чистом поле.
Сорвал... унес... и кружит. Ну так что ж?
Ведь голова осталась. – Поневоле
О голове прикованной вздохнешь, –
Не царь она, а узник – и не боле!
И думаешь: где взять разрыв-травы,
Чтоб с плеч свалить обузу головы?

3

Горят дрова в камине предо мной,
Кругом зола горячая сереет.
Светло – а холодно! Дай, обернусь спиной
И сяду ближе. Но халат чадеет.
Ну вот точь-в-точь искусств огонь святой:
Ты ближе – жжет, отдвинешься – не греет!
Эх, мудрецы! когда б мне кто помог
И сделал так, чтобы огонь не жег!

4

Один, один! Ну, право, сущий ад!
Хотя бы черт явился мне в камине:
В нем много есть поэзии. Вот клад
Вы для меня в несносном карантине!..
Нет, съезжу к ней!.. Да нынче маскарад,
И некогда со мной болтать Алине.
Нет, лучше с чертом наболтаюсь я:
Он слез не знает – скучного дождя!

5

Не еду в город. «Смесь одежд и лиц»
Так бестолкова! Лучше у камина
Засну, и черт мне тучу небылиц
Представит. Пусть прекрасная Алина
Прекрасна. – Завтра поздней стаей птиц
Потянется по небу паутина,
И буду вновь глядеть на небеса:
Эх, тяжело! хоть бы одна слеза!
1840

Ночь и день
Мила мне ночь, когда в неверной тьме
Ты на руке моей в восторге таешь,
Устами ищешь уст и нежно так ко мне
Горячей щечкой припадаешь!
И я, рукой коснувшись как-нибудь
Твоих груди, их сладостно взволную;
Но днем ты ищешь скрыть, упав ко мне на грудь,
Пожар лица от поцелуя –
И мне милее день...
1840

Эпитафия
Любил он песням дев задумчиво внимать,
Когда на звуки их березник отзовется,
Любил о них поплакать, помечтать,
Под этой липою лениво отдыхать;
Теперь он спит – и не проснется.
1840

Арабеск
Черную урчу с прахом поэта
Плущ обогнул;
К брошенной арфе девственный пояс
Крепко прильнул.
Факел угасший подле папира
Вечного спит;
Гарпия-зависть, крылья раскинув,
В прахе лежит.
Но за коцитом ты улыбнешься,
Дивный певец;
К урне прижался дар Аполлона –
Свежий венец!
1840

Вечерний звон
(памяти Козлова)
Мечтанье было то иль сон?
Мне слышался вечерний звон;
А над рекою, под холмом,
Стоял забытый сельский дом,
И перелив тяжелых дум
Давил мне сердце, мучил ум.
Пустынный дом! где твой жилец?
Увы! вдали поэт-слепец
О родине не забывал
И сладкозвучно тосковал.
Он спит: его глубокий сон
Уж не прервет вечерний звон.
Но что ж, – певец земных скорбей,
Ты не умрешь в сердцах людей! –
Так я мечтал – и надо мной
Пронесся чрез эфир пустой
Какой-то грусти полный стон,
И я запел «Вечерний звон».
1840

Водопад

Там, как сраженный
Титан, простерся
Между скалами
Обросший мохом
Седой гранит
И запер пропасть;
Но с дикой страстью
Стремится в бездну
Через препоны
Поток гремучий
И мечет жемчуг
Шипучей пены
На черный берег.
Смотри, как быстро
Несется ветка
К кипучей бездне,
Как струйка сильно
Ее кидает
С прозрачной мели
На острый камень. –
Мелькнула! – Полно!
Из черной бездны
Возврата нет.
Слежу глазами
За быстрым током.
Как присмирел он
Там, в отдаленьи;
Как будто небо
В нем хочет видеть
Свою красу.
Смотри: та ветка,
Что там исчезла
В пучине лютой,
Плывет так тихо,
Так безмятежно
По вечной влаге.
1840

«Солнце потухло, плавает запах...»
Весна, весна, пора любви.

Пушкин
Солнце потухло, плавает запах
Юных берез
В воздухе сладком; лодка катится
Вниз по реке;
Небо прозрачно, плавает месяц
В ясной воде.
Там, за рекою, звездною цепью
Блещут огни,
Тени мелькают, вторится эхом
Песнь рыбака;
Здесь, над горою, к другу склонившись
Легкой главой,
Милая Мери с нежной улыбкой
Шепчет: «Люблю».
Мери, ты любишь! Скоро умолкнет
Ночи певец,
Лист потемнеет, – будешь ли так же,
Мери, любить?..
1840

«Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз...»
Amantium irae amoris renovatio

Horatius
Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз,
Как ссоришься ты с милою своею,
Кусаю губы в кровь, но лишь взгляну на вас,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Рассеять смеха не умею.

Как к ней пристал суровый этот взгляд,
Как на устах улыбка скрыта мило, –
А всё видна! недаром говорят:
«Как ни клади, в мешке не скроешь шила».
А ты, – ты в этот миг оригинал большой;
С сигарою во рту, в халате, у окошка
Алеко, Мортимер, Отелло предо мной,
И даже Гамлет ты немножко.
А я, смотря на вас, смеюсь, – не утерплю!
Вот люди, думаю, не знают, как придраться, –
Напившись кофею, сто раз сказать «люблю»
И тысячу – поцеловаться.
1840

«Сними твою одежду дорогую...»
И девушка пленить умела их

Без помощи нарядов дорогих.

Пушкин. «Домик в Коломне»
Сними твою одежду дорогую,
С чела лилейного сбрось жемчуг и цветы, –
И страстней я милашку поцелую,
И простодушнее мне улыбнешься ты.
Когда ты легкую свою накинешь блузу
И локон твой скользит по щечке как-нибудь,
Я вижу простотой овеванную музу,
И не простой восторг мне сладко льется в грудь.
1840

«Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко...»
Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютою тоскою!
Утешься, милая: хоть еду далеко,
Но скоро возвращусь нежданною порою
И снова под руку пойду гулять с тобою.
В твои глаза с улыбкой погляжу,
Вкруг стана обовью трепещущие руки
И всё, и всё тебе подробно расскажу
Про дни веселия, про дни несносной муки,
Про злую грусть томительной разлуки,
Про сны, что снились мне от милой далеко.
Прощай – и, укрепясь смеющейся мечтою,
Не плачь, моя душа: ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютою тоскою,
Склонясь на локоток печальной головою!
1840

«Доволен я на дне моей души...»
Доволен я на дне моей души,
Чуждаясь мысли дерзкой и преступной;
Пусть как звезда ты светишь мне в тиши,
Чиста, свята красою неприступной.
1840

«Над морем спит косматый бор...»
Ich singe wie ein Vogel sight,

Der in den Zweigen wohuet

Goethe
Над морем спит косматый бор;
Там часто слушал я
Прибрежных волн мятежный спор
И песни соловья.
Бывало, там внизу шумят
Ветрила кораблей,

На ветре снасти шелестят
И гордый царь зыбей
Несется, – с палубы крутой
Далеко песнь звучит, –
А соловей во тьме лесной
Неслышимый грустит.
1840

«На балконе золоченом...»
На балконе золоченом
Ряд цветов кругом перил, –
Я люблюсь балконом,
И цветник мне пестрый мил.
Но туда в дыханьи утра
Ходит друг моей мечты –
Дева с шейкой перламутра –
Поливать свои цветы.
Так стыдлива и свободна,
Так приветлива без слов,
Так нежна и благородна,
Так милей своих цветов!
1840

«Посмотри, наш боец зашатался, упал...»
Посмотри, наш боец зашатался, упал,
Залило алой кровью всего.
Что, он ранен легко – иль убит наповал?
На плаще вы несите его.
Может быть, оживет, и к геройской груди
Он прижмет и жену и детей.
Осторожней, чтоб нам не толкнуть на пути
Храбреца! Ну, беритесь скорей!
А убит... ну, зато видел я, что за взор
Бросил он на врага своего!
Хоть убит – не стоять же над ним. Что за вздор!
На плаще вы несите его.
1840

«Она легка, как тонкий пар...»
Она легка, как тонкий пар
Вокруг луны златой,
Ее очей стыдливый дар
Вливает в сердце томный жар,
Беседует с душой.
Она стройна, как гибкий клен,
Она чиста, как свет,
Ее кудрей блестящий лен
Увил чело – и упоен
Стоит пред ней поэт.
1840

«Уж, серпы на плеча взложив, усталые жницы...»
Nec sit ancillae tibi amor pudori

Horatius

Уж, серпы на плеча взложив, усталые жницы
Звонкою песнью своей оглашают прохладное поле;
Ландышем пахнет в лесу; там, над оврагом, березы
Рдеют багрянцем зари, а здесь, в кустарнике мелком,
Звонко запел соловей, довольный вечерней прохладой.
Верный конь подо мной выступает медленным шагом,
Шею сгибая кольцом и мошек хвостом отгоняя.
Скоро доеду. Да вот и тенистая старая ива,
Вот и пригорок, и ключ под кровом корнистого вяза.
Как он звучен и чист, как дышит подземной прохладой!
Чу, не она ль? Где-то ветвь шелестит... Но ей не заметить
Здесь, за вязом, меня. – Ах, вот она, роза селенья!
По локотки рукава засучила и быстро склонилась

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
К холоду светлой струи, – вот моет белые руки,
Вот в прозрачные персты воды зачерпнула, и блещет
В чистых каплях чело, покрытое легким румянцем.
Вот сарафан на груди расстегнулся, и плечи и груди
Робко бегут от руки, несущей холодную влагу.
Вот малютка-рука трет белую ножку-малютку,
И под нею в ключе такая ж качается ножка.
Дева, помедли! – но нет: вспорхнула резвая крошка, –
Только кустарник вдали ее сарафанчик целует.
1840

«Стократ блажен, когда я мог стяжать...»
Amis! un dernier mot!

V. Hugo

Стократ блажен, когда я мог стяжать
Стихом хотя одну слезу участия,
Когда я мог хотя мгновенье счастья
Страдальцу-брату в горе даровать!
Умру, – мой холм исчезнет под пятой
Могучего, младого поколенья, –
Но, может быть, оно мои волненья
Поймет, почтив меня своей слезой.
За смертью смерть, за веком век пройдет,
Оплачет каждый жизненное горе, –
И, может быть, мне каждый в слезном море
Слезинку ясную, святую принесет.
Раздастся звук – и с ангельской трубой
Могучим вновь из праха я воспряну
И с перлами пред господом предстану:
Слеза ведь перл в обители иной.
1840

Лирические стихотворения 1840–1892

Дифирамб на новый год
Тише – полночный час скоро пробьет.
Чинно наполним широкие чаши.
Пусть новый год, прозвучав, перервет
Сам о минувшем мечтания наши.
Браво, браво, друзья!
Звонкие чокнем края!
Год проводили, а мало ль что было!
Всё миновалось, да грудь не остыла.
Всё, что отжило, прочь
В эту заветную ночь!
Радость – надежда над всем, что любила,
Ясный светильник навек потушила.
Спи же во мраке, отжитый год,
Мирно сомкнув отягченные вежды,
Нового ждем мы – новый идет!
Братья! из вас у кого нет надежды?
Ручками, косами, лентами, газами,
Русыми кудрями, русскими фразами
Переплетись, новый год!
Грудами золота, почестей знаками,
Новыми модами, новыми фраками
Сыпья на тот же народ!
Если ж заметишь, что брат твой покойный
Всё у страдальца унес,
Кроме души, сожаленья достойной,
Кроме стенаний и слез, –
Будь сострадателен – что пред судьбою,
Пусть перед злобной судьбой;
Но ты скорей ему тихой рукою
Влажные очи закрой.
Чу! двенадцатый бьет!
Новая жизнь настает!
Браво, браво, друзья!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Чаши полны до края!
Виват! пейте за здравие смело,
Мало ль что будет, – да нам что за дело!
Ноябрь 1840

«Щечки рдеют алым жаром...»
Щечки рдеют алым жаром,
Соболь инеем покрыт,
И дыханье легким паром
Из ноздрей твоих летит.
Дерзкий локон в наказанье
Поседел в шестнадцать лет..
Не пора ли нам с катанья? –
Дома ждет тепло и свет –
И пуститься в разговоры
До рассвета про любовь?..
А мороз свои узоры
На стекле напишет вновь.
1842

«Стихом моим незвучным и упорным...»
Стихом моим незвучным и упорным
Напрасно я высказывать хочу
Порыв души, но, звуком непокорным
Обманутый, душой к тебе лечу.
Мне верится, что пламенную веру
В душе твоей возбудит тайный стих,
Что грустию невольною размеру
Она должна сочувствовать на миг.
Да, ты поймешь, поймешь – я это знаю –
Всё, чем душа родная прожила, –
Ведь я ж всегда по чувству угадаю
Твой след везде, где ты хоть раз была.
1842

«Как майский голубоокий...»
Как майский голубоокий
Зефир – ты, мой друг, хороша,
Моя ж – что эолова арфа,
Чутка и послушна душа!
И струн у той арфы немного,
Но вечно под чувством живым
Найдет она новые звуки
За новым дыханьем твоим.
1842

«Сосна так темна, хоть и месяц...»
Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между длинных ветвей.
То клонит ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей,
То ветра немое лобзанье,
То запах фиалки ночной,
То блеск замороженной дали
И вихря полночного вой.
И сладко дремать мне – и грустно,
Что сном я надежду гублю.
Мой ангел, мой ангел далекий,
Зачем я так сильно люблю?
1842

Звезды
Отчего все звезды стали
Неподвижною чредой
И, любясь друг на друга,
Не летят одна к другой?
Искра к искре бороздою
Пронесется иногда,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Но уж знай, ей жить недолго:
То – падучая звезда.
1842

К жаворонку
Днем ли, или вечером,
Ранней ли зарей –
Только бы невидимо
Пел ты надо мной.
Надолго заслушаюсь
Звуком с высоты,
Будто эту песенку
Мне поешь не ты.
1842

Ручка
Прозрачную канву цветами убирая,
На мягких клавишах, иль с веером резным,
В перчатке крошечной, иль по локоть нагая, –
Понятной грацией, движением родным
Ты говоришь со мной, мой бедный ум волнуя
Невольной страстию и жадой поцелуя.
1842

Весенняя песнь
Уснули метели
С печальной зимой,
Грачи прилетели,
Пахнуло весной.
Широкая карта
Полночной земли
Чернеет, и марта
Ручьи потекли.
Дождемся ль апреля
Лугов молодых,
Крылатого Леля
Ковров дорогих?
И светлого мая
Красы голубой,
Подруга живая,
Дождемся ль с тобой?
Лилета! Лилета!
С дыханьем весны
Сбылися поэта
Блаженные сны.
Для песни полночной
Отныне живи,
Душой непорочной
Предайся любви.
1842

Моя Ундина
Она резва,
Как рыбка;
Ее слова
Так гибко
Шутить в речи
Готовы,
И, что ключи,
Всё новы...
Она светлей
Фонтана,
Она скрытней
Тумана;
Немного зла,
Ревнива...
Зато мила
На диво.

Перчатка
Перчатку эту
я подстерег:
Она поэту
Немой залог
Душистой ночи,
Где при свечах
Гляделись очи
В моих очах;
Где вихрь кружений
Качал цветы;
Где легче тени
Носилась ты;
Где я, как школьник
За мотыльком,
Иль как невольник,
Нуждой влеком,
Следил твой сладкой,
Душистый круг –
И вот украдкой,
Мой нежный друг,
Перчатку эту
я подстерег:
Она поэту
Немой залог.
1842

Стена
На склоне у лона морской глубины
Стояла стена вековая,
И мох зеленел по уступам стены,
Трава колыхалась сухая.
И верхние плиты разбиты грозой
В часы громовой непогоды,
Но стену ту любят за камень сырой
Зеленые ветви природы:
Лоза подается с кудрявым плющом
Туда, где слышнее прохлада,
И в полдень сверкает, играя с лучом,
Прозрачный жемчуг винограда.
И всякому звуку внимает стена:
Шумящий ли ворон несется –
И ворону в сторону явно сполна
Двоякий полет отдается.
На море ли синем поют рыбаки
Иль нимфы серебряным смехом
Тревожат пугливое ухо зари, –
Стена им ответствует эхом.
1842

Вечерний сад
Не бойся вечернего сада,
На дом оглянись назад, –
Смотри-ка: все окна фасада
Зарю вечерней горят.
Мне жаль и фонтана ночного,
Мне жаль и жуков заревых,
Мне жаль соловья заревого
И ночи цветов распускных.
Поверь мне: туман не коснется
Головки-малютки твоей,
Поверь, – ни одна не сомнется
Из этих упругих кудрей.
Поверь, что природа так гибко
Твоим покорится очам,
Поверь мне, что эта улыбка

Царица и дням и ночам.
Сопутники вечера – что ж вы?
Ответствуйте милой моей! –
Поверь мне, что узкой подошвы
Роса не коснется твоей.
1842

«Перлы восточные – зубы у ней...»
Перлы восточные – зубы у ней,
Шелк шемаханский – коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
Светят большие глаза.
Перси при каждом вдоханьи у ней
Так выдаются вперед,
Будто две полные чаши на грудь
Ей опрокинул Эрот.
Если же с чувством скажет: «Люблю» –
Чувство и слово лови:
К этому слову – ты слов не найдешь,
Чувства – для этой любви!
1842

«Как ум к ней идет, как к ней чувство идет...»
Как ум к ней идет, как к ней чувство идет,
Как чувство с умом в ней умеет сродниться,
Умеет родное найти – и на нем
Так ярко и тонко всегда отразиться.
Сквозь ставень окна серебристым лучом
Так в спальню прекрасной луна проникает,
На стол упадет – и, нашедши на нем
Алмаз позабытый, с алмазом играет.
1842

«Утром курится поляна...»
Утром курится поляна,
Вьется волнистый туман,
И на разрывы тумана
Весело смотрит Титан.
Шире грудей колыханье,
Локон свивается вновь, –
Слаще младое дыханье
И непорочней любовь...
Утро, как сон новобрачной,
Полно стыда и огня, –
Всё, что вечер было мрачно,
Ясно в сиянии дня.
1842

«В руке с тамбурином, в глазах с упоением...»
В руке с тамбурином, в глазах с упоением,
Ты гнешься и вьешься, плывешь и летишь...
Так чуткая травка под грезы Эола,
Под сонную арфу качается в тишь.
Так в теле, так в членах, объятых забвеньем,
Одно безусталое сердце стучит
В тот час, как при звездах недвижных, холодных
Одна яркой искрою к бездне летит.
1842

«Я узнаю тебя и твой белый вуаль...»
Я узнаю тебя и твой белый вуаль,
Где роняет цветы благовонный миндаль,
За решеткою сада, с лихого коня,
И в ночи при луне, и в сиянии дня;
И гитару твою далеко слышу я
Под журчанье фонтана и песнь соловья...
Днем и ночью гляжу сквозь решетку я вдаль –
Не мелькнет ли в саду белоснежный вуаль?

«Мы ехали двое... Под нею...»
Мы ехали двое... Под нею
Шел мерно и весело мул.
Мы въехали молча в аллею,
И луч из-за мирты блеснул.
Все гроздя по темной аллее
Зажглися прощальным огнем –
Горят всё светлее, алее,
И вот мы в потемках вдвоем.
Не бойтесь, синьора! Я с вами –
И ручку синьоры я взял,
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ее целовал.
1842

«За красавицу соседку...»
За красавицу соседку,
За глаза ея –
Виноградную беседку
Не забуду я.
Помню ветреной смуглянки
Резкий, долгий взор –
Помню милой итальянки
Утренний убор...
Жаркой груди половину,
Смоль ее кудрей –
И плетеную корзину
На руке у ней.
И прозрачной тени сетку
На лице ея –
Виноградную беседку
Не забуду я!
1842

Горный ключ
(Офелии)
С камня на камень висящий,
С брошенных скал на утес
Много кристалл твой блестящий
Пены жемчужной унес.
Был при деннице румян ты,
Был при луне бледен ты,
Гордо носил бриллианты,
Скромно – цветы и листья.
Много твой шум отдаленный
Чуждых людей приманил,
Много про чудо вселенной
Странник в дому говорил.
Тучи несут тебе воду,
Чуждые люди дары,
Сила дарует свободу,
Шелест и прелесть игры.
Чадо тревожной неволи,
Что же мне бросить в поток?
Кубок ли звонкий, кольцо ли,
Розы ли юной шипок?
Розу увядшую, друг мой,
Кинул я с желтым листком;
Чувство, и зренье, и слух мой
Гибнут с последним цветком.
1842

«Безмолвные поля оделись темнотою...»
Безмолвные поля оделись темнотою,
Заря вечерняя сгорела, воздух чист,
В лесу ни ветерка, ни звука над водою,

Лишь по верхам осин лепечет легкий лист,
Да изредка певец природы благодатной
За скромной самкою, вспорхнув, перелетит
И под черемухой, на ветке ароматной,
Весенней песнию окрестность огласит.
И снова тихо всё. Уж комары устали
Жужжа влетать ко мне в открытое окно:
Всё сном упоено...
1842

«Когда кичливый ум, измученный борьбою...»
Когда кичливый ум, измученный борьбою
С наукой вечною, забывшись, тихо спит,
И сердце бедное одно с самим собою,
Когда извне его ничто не тяготит,
Когда безумное, но чувствами всесильно,
Оно проведает свой собственный позор,
Бестрепетностию проникнется могильной
И глухо изречет свой страшный приговор:
Страдать весь век, страдать бесцельно, безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить – и взирать,
Как с каждой новою попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать, –
О, как мне хочется склонить тогда колени,
Как сына блудного влечет опять к отцу! –
Я верю вновь во всё, – и с шепотом моления
Слеза горячая струится по лицу.
1842

К Морфею
На ложе, свежими цветами испещренном,
В пурпуровом венце, из мака соплетенном,
Довольно спать тебе, красавец молодой.
Проснись, молю тебя, скорей глаза открой
И дай коснуться мне целебного фиала,
Чтоб тихо я уснул, чтоб сердце не страдало.
Люблю душистый сок твоих целебных трав,
Люблю твои уста, люблю твой кроткий нрав,
Диану полную над детской колыбелью,
В которой ты лежишь, предавшийся безделью,
И ложа тесноту, и трепетную тень,
И страстные слова, и сладостную лень.
1842

«Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...»
Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях
А вольно по ветру летает легкий флаг,
Когда над палубой нависнет пар недужный
И волны, пеною окаймлены жемчужной,
Так дружно к берегу бегут, а ты в тени
Приморских яворов лежишь, – тогда взгляни –
Как пена легкая начнет приподыматься
И в формы стройные киприды округляться.
1842

Бюст
Когда – из мрамора иль гипса – предо мною
Ты в думы погружен венчанной головою, –
Верь, не вотще глаза устремлены мои
На изваянные кудрей твоих струи,
На неподвижные, изваянные думы,
На облик гения торжественно-угрюмый,
Как на пророчество великого певца –
На месяц, день и год печального конца!
Нет! мне не верится, что жил ты между нами,
Что – смертный – обладал небесными дарами,
Что ты так мало жил, что ты не умирал –
И никому даров небес не завещал!

«Как на черте полночной дали...»
Как на черте полночной дали
Тот огонек,
Под дымкой тайною печали
Я одинок.
Я не влеку могучей силой
Очей твоих,
Но приманю я взор твой милый
На краткий миг.
И точка трепетного света
Моих очей –
Тебе печальная примета
Моих страстей.
1842

Элегия
Мечту младенчества в меня вдохнула ты;
Твои прозрачные, роскошные черты
Припоминают мне улыбкой вдохновенья
Младенческого сна отрадные виденья...
Так! вижу: опытность – ничтожный дар земли –
Твои черты с собой надолго унесли!
Прости! – мои глаза невольно за тобою
Следят – и чувствую, что я владеть собою
Не в силах более; ты смотришь на меня –
И замирает грудь от сладкого огня.
1842

Сонет
(Офелии)
С тех пор, как бог в тебе осуществил
Передо мной создание поэта,
Не знаю сам, за что я полюбил
Игривое созвучие сонета.
Не знаю сам, зачем он сердцу мил:
Быть может, звук знакомого привета
Он тех же рифм чредой изобразил –
И ложною мечтой душа согрета.
А может быть, он схож с тобою в том,
Что изо всех стихов его стихом,
Как и тобой, владеть всего труднее,
Иль, наконец, причудливый, как ты,
Смирясь, он для чувства красоты,
Чем затруднял, становится милее.
1842

Хронос
Я тоскую и беспечен,
Жизнь бесстрастная томит,
Скучный день мой бесконечен,
Ночь бессонна, как Аид.
Час за часом улетает,
Каждый бой часов растет,
Где двенадцать ударяет,
Там и первый настает.
1842

Странная уверенность
Скорей, молись, затягивай кушак!
Нас ждет ящик и тройка удалая,
Коней ждет корм, а ящика кабак,
А нас опять дорога столбовая.
Да кой же черт? хоть путь нам и далек,
Не даром же прогоны в вечность канут!
Не может быть... Есть в мире уголок,
Где и про нас хоть мельком упомянут.

Возвращение

Вот застава – скоро к дому,
Слава богу, налегке!
Мой привет Кремлю родному,
Мой привет Москве-реке!
Не увижу ли, не встречу ль
Голубых ее очей?
Догадаюсь ли, замечу ль
По сиянью их лучей
Долгой тайны нетерпенье,
Пламень в девственной крови,
Возрожденье, упоенье
И доверчивость любви?
1842

Ее окно

Как здесь темно,
А там давно
Ее окно
Озарено...
Колонны в ряд
Между картин
Блестят, горят
Из-под гардин!
Вон, вон она
Наклонена!
Как хороша!
Едва дыша,
Любуюсь я...
Она моя,
Моя, моя!
1842

«Сорвался мой конь со стойла...»

Сорвался мой конь со стойла,
Полетел, не поскакал...
Хочет воли, ищет поила,
Хвост и гриву раскидал.
Отпугните, загоните!
Чья головка там видна?
Посмотрите, посмотрите,
Паша смотрит из окна!
1842

«Как много, боже мой, за то б я отдал дней...»

Как много, боже мой, за то б я отдал дней,
Чтоб вечер северный прожить тихонько с нею
И всё пересказать ей языком очей,
Хоть на вечер один назвав ее своею,
Чтоб на главе моей лилейная рука,
Небрежно потонув, власы приподнимала,
Чтоб от меня была забота далека,
Чтоб счастью одному душа моя внимала,
Чтобы в очах ее слезинка родилась –
Та, над которой я так передумал много, –
Чтобы душа моя на всё отозвалась –
На всё, что было ей даровано от бога!
1842

Утес

Моря не было там, а уж я тут стоял,
Великан первобытной природы.
Еще ветер зеленые рощи ласкал,
Еще по степи конь быстроногий скакал,
Где теперь разбегаются воды.
Раз, я помню, вздрогнула земля подо мной,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Я взглянул чрез леса и чрез нивы:
Вижу, море идет темно-синей стеной,
Ближе, ближе – и, всё затопив, предо мной
Раскидало седые заливы.
Во всю ночь эту шум не давал мне уснуть,
Снились горы шипящие пены..
Но давно я привык. Станет ветер ли дуть
Иль корма бороздить свой невидимый путь –
Я привык и не жду перемены.
1842

«Поверьте мне: с надеждой тайной...»
Поверьте мне: с надеждой тайной
Стиху я верю своему;
Быть может, прихотью случайной
Дано значение ему.
Так точно, в час осенней тучи,
Когда гроза деревья гнет,
Листок бесцветный и летучий
Вас грустным лепетом займет.
1842

«Ночь тиха. По тверди зыбкой...»
Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат;
Очи матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
Ни ушей, ни взоров лишних.
Вот пропели петухи,
И за ангелами в вышних
Славят бога пастухи.
Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик...
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.
И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ливан.
1842 или 1843

Блудница
Но Он на крик не отвечал,
Вопрос лукавый проникая,
И на песке, главу склоняя,
Перстом задумчиво писал.
Во прахе, тяжело дыша,
Она, жена-прелюбодейка,
Золотовласая еврейка
Пред ним, грешна и хороша.
Ее плеча обнажены,
Глаза прекрасные закрыты,
Персты прозрачные омыты
Слезами горькими жены.
И понял Он, как ей сродно,
Как увлекательно паденье:
Так юной пальме наслаждение
И смерть – дыхание одно.
1843

Горы
(Ода)
Стою у каменной стремнины,
Мне этот воздух незнаком,
Но сердце радуют картины
Своим пестреющим венком:
Внизу – гулливые долины,
И речка блещет серебром...

Где стадо мелкое теснится,
Тропинка желтая пылится.
И нив золотая полоса,
И дым белеющих селений,
Благоуханные леса
С немолчным хором песнопений,
И виноградная лоза,
Царица мудрая растений;
Тут мостик легкою дугой
Прыгнул через поток живой.
Над белым паром водопада
Зубцом причудливым скала
В предел пытующего взгляда
Чело на небо унесла.
Там воздух – вольности отрада,
Стезя широкая орла...
Кругом, куда ни кинешь взоры, –
Венцом синеющие горы.
Мне так легко, – я жизнь познал,
И грудь так сладко дышит ею,
Я никогда не постигал,
Что нынче сердцем разумею:
Зачем Он горы выбирал,
Когда являлся Моисею,
И отчего вблизи небес
Доступней таинства чудес!
1843

«В небесах летают тучи...»
В небесах летают тучи,
На листьях сверкают слезы;
До росы шипки грустили,
А теперь смеются розы.
После грома воздух чище
И свежее дышат люди;
Под ресницей орошенной
Как-то легче жаркой груди.
На природе с каждой каплей
Зеленеет вся одежда,
В небе радуга сияет,
Для души горит надежда.
1843

«Мы с тобой не просим чуда...»
Мы с тобой не просим чуда:
Только истинное чудно;
Нет для духа больше худа,
Как увлечься безрассудно.
Нынче, завтра – круг волшебный
Будет нем и будет тесен;
Оглянись – и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.
Время жизни скоротечно,
Но в одном пределе круга
Наши очи могут вечно
Пересказывать друг друга.
1843

«Ночь. Не слышно городского шума...»
Ночь. Не слышно городского шума.
В небесах звезда – и от нее,
Будто искра, заронила дума
Тайно в сердце грустное мое.
И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.
Тихо всё, покойно, как и прежде;

Но рукой незримой снят покров
Темной грусти. Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, любовь?
Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? – Нет, не объяснишь, –
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь творца благодаришь.
1843

«Смотри, красавица, – на матовом фарфоре...»
Смотри, красавица, – на матовом фарфоре
Румяный русский плод и южный виноград:
Как ярко яблоко на листовном узоре!
Как влагой ягоды на солнышке сквозят!
Одна искусная рука соединяла,
Одно желание совокупило их;
Их розно солнышко и прежде озаряло, –
Но дорог красоте соединенья миг.
1843

Цыганке!
Молода и черноока,
С бледной смуглостью ланит,
Проницательница рока,
Преодо мной дитя востока,
Улыбаяся, стоит.
Щеголяет хор суровый
Выраженьем страстных лиц;
Только деве чернобровой
Так пристал наряд пунцовый
И склонение ресниц.
Перестань, не пой, довольно!
С каждым звуком яд любви
Льется в душу своевольно
И горит мятежно-больно
В разволнованной крови.
Замолчи: не станет мочи
Мне прогрезить до утра
Про полуденные очи
Под навесом темной ночи
И восточного шатра.
1844

«На водах Гвадалквивира...»
На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой;
От незримых уст зефира
Влага блещет чешуей...
Всё уснуло... лишь мгновенный
Меркнет луч во тьме окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена,
Да звезда с высот эфира
Раскатилась дугой...
На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой.
1844

«Рассказывал я много глупых снов...»
Рассказывал я много глупых снов,
На мой рассказ так грустно улыбались;
Многозначительно при звуке странных слов
Ее глаза в глаза мои вперялись.
И время шло. Я сердцем был готов
Поверить счастью. Скоро мы расстались, –
И я постиг у дальних берегов,
В чем наши чувства некогда встречались.
Так слышит узник бледный, присмирив,

Родной реки излучистый припев,
Пропетый вовсе чуждыми устами:
Он звука не проронит, хоть не ждет
Спасенья, – но глубоко вздохнет,
Блеснув во мгле ожившими очами.
1844

В альбом
Я вас рассматривал украдкой,
Хотел постигнуть – но, увы!
Непостижимую загадкой
Передо мной мелькали вы.
Но вы, быть может, слишком правы,
Не обнажая предо мной, –
Больны ль вы просто, иль лукавы,
Иль избалованы судьбой.
К чему? Когда на блеск пурпурный
Зари вечерней я смотрю,
К чему мне знать, что дождик бурный
Зальет вечернюю зарю?
Тот блеск – цена ли он лишенья –
Он нежно свят – чем он ни будь,
Он дохновение творенья
На человеческую грудь.
1844

«Я говорил при расставаньи...»
Я говорил при расставаньи:
«В далеком и чужом краю
Я сохраню в воспоминаньи
Святую молодость твою».
Я отгадал душой небрежной
Мою судьбу – и предо мной
Твой образ юный, образ нежный,
С своей младенческой красой.
И не забыть мне лип старинных
В саду приветливом твоём,
Твоих ресниц, и взоров длинных,
И глаз, играющих огнем.
Август 1844

Песнь пажа
(Из времен рыцарства)
Говорят, мой голос звонок,
Говорят, мой волос тонок, –
Что красавец я;
Говорят, я злой ребенок, –
Бог им в том судья!
Мне сулят во всём удачу,
Судят, рядят наудачу, –
Кто их разберет!
А не знают, как я плачу
Ночи напролет.
«Он дитя» – меня балуют,
«Он дитя» – меня целуют.
Боже мой! Оне
И не знают, что волнуют,
Мучат всё во мне.
Целовал бы, да не смею,
Прошептал бы, да робею,
Этим всё гублю..
А давно сказать умею:
«Я люблю! люблю!»
1845

«Вижу, снова небо тмится...»
Вижу, снова небо тмится,
Немощь крадется по мне,

И душе моей не снится
Ничего по старине.
Как пятно, темно и холодно,
Не поя огня в крови,
Смотрит грустно, беспощадно
На меня звезда любви.
И не знаю, расцвету ли
Для порывов юных дней,
Иль навек в груди уснули
Силы гордые страстей?
И чего змея раздора
Ждет от сердца моего:
Униженья, иль отпора,
Или просто ничего?..
1845

«Я вдаль иду моей дорогой...»
Я вдаль иду моей дорогой
И уведу с собою вдаль
С моей сердечною тревогой
Мою сердечную печаль.
Она-то доброй проводницей
Со мною об руку идет
И перелетной, вольной птицей
Мне песни новые поет.
Ведет ли путь мой горной цепью
Под ризой близких облаков,
Иль в дальний край широкой степью,
Иль под гостеприимный кров, –
Покорна сердца своеволью,
Везде, бродячая, вольна,
И запоет за хлебом-солью,
Как на степи, со мной она.
Спасибо ж тем, под чьим приютом
Мне было радостней, теплей,
Где время пил я по минутам
Из урны жизненной моей,
Где новой силой, новым жаром
Опять затрепетала грудь,
Где музе-страннице с гуслиаром
Нетруден показался путь.
Апрель 1845

«При свете лампы над черным сукном...»
При свете лампы над черным сукном
Монах седовласый сидит
И рукопись держит в иссохших руках
И в рукопись молча глядит.
И красное пламя, вставая, дрожит
На умном лице старика;
Старик неподвижен, – и только порой
Листы отгибает рука.
И верит он барда певучим словам,
Хоть дней тех давно не видать:
Они перед ним, в его келье немой, –
Про них ему сладко читать...
И сладко и горько!.. Ведь жили ж они
И верили тайной звезде...
И взор на распятье... И тихо слеза
Бежит по густой бороде...
1846

Воздушный город
Вон там по заре растянулся
Причудливый хор облаков:
Всё будто бы кровли, да стены,
Да ряд золотых куполов.
То будто бы белый мой город,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Мой город знакомый, родной,
Высоко на розовом небе
Над темной, уснувшей землей.
И весь этот город воздушный
Тихонько на север плывет...
Там кто-то манит за собою –
Да крыльев лететь не дает!..
1846

Художнику
Не слушай их, когда с улыбкой злою
Всю жизнь твою поставят на позор,
И над твоей венчанной головою
Толпа взмахнет бесславия топор;
Когда ни сны, ни чистые виденья,
Ни фимиам мольбы твоей святой,
Ни ряд годов наук, трудов и бденья
Не выкупят тебя у черни злой...
Им весело, когда мольбой презренной
Они чело младое заклеят...
Но ты прости, художник вдохновенный,
Ты им прости: не ведут, что творят.
1846

Прости
(Офелии)
Прости, – я помню то мгновенье,
Когда влюбленную душой
Благодарил я провиденье
За встречу первую с тобой.
Как птичка вешнюю зарю,
Как ангел отроческих снов,
Ты уносила за собою
Мою безумную любовь.
Мой друг, душой благодарной,
Хоть и безумной, может быть,
Я ложью не хочу коварной
Младому сердцу говорить.
Давно ты видела, я верю,
Как раздвояется наш путь!
Забывать тяжелую потерю
Я постараюсь где-нибудь.
Еще пышней, еще прекрасней
Одна – коль силы есть – цветы!
И тем грустнее, чем бесстрастней
Мое последнее прости.
1846

Весна на юге
Ночью вечер, полон блеска,
Ходит, тучи серебра,
Днем в окно тепло и резко
Светит солнце января.
В новых листьях куст сирени
Явно рад веселью дня.
Вешней лени, тонкой лени
Члены полны у меня.
Песня в сердце, песня в поле,
Нега тайная в крови, –
Как-то веришь поневоле
Обаянию любви!
Что ж раздумье? что за слезы?
Иль душой учуял я,
Как сирень убьют морозы
И затихнет песнь моя?
1847

«Прекрасная, она стояла тихо...»

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Прекрасная, она стояла тихо,
Младенец-брат при ней был тоже тих,
Она слова молитв ему шептала,
Она была прекрасна в этот миг.
И так прекрасен был при ней младенец
Кудрявый, с верой в голубых глазах,
И сколько в знаменьи креста его смиренья,
Как чудно-много детского в мольбах!
Со мною рядом тут же допотопный
И умный франт, незримый для людей, –
Хотя б из дружбы придал он сарказму
Бесчувственной иронии своей.
1847

«Кенкеты, и мрамор, и бронза...»
Кенкеты, и мрамор, и бронза,
И глазки и щечки в огне...
Такие счастливые лица,
Что весело с ними и мне.
Там дальше зеркальные стены,
Там милое краше в сто раз,
Там гнутся, блистают и вьются
Цветы, бриллианты и газ.
И кто-то из зеркала тотчас
Меняется взором со мной –
Позвольте просить в vis-a-vis вас –
Куда вы? – Я еду домой.
1847

«Я знал, что нам близкое горе грозило...»
Я знал, что нам близкое горе грозило,
Но я не боялся при ней ничего, –
Она как надежда была предо мною,
И я не боялся при ней ничего.
И пела она мне про сладость страданья,
Про тайную радость страданья любви,
Про тайную ясность святой благодати,
Про тайный огонь в возмущенной крови.
И, павши на грудь к ней, я горько заплакал,
Я горько заплакал и весь изнемог,
Рыдал я и слышал рыдания милой.
Но слез ее теплых я видеть не мог.
Я голову поднял, но горькие слезы
Исчезли с ресницы и с ока ея..
Она улыбнулась, как будто невольно,
Какую-то радость в душе затая.
О друг мой! Ты снова беспечно-игрива!
Зачем ты беспечно-игрива опять?
Хотя б ты из песни своей научилась,
Из песни своей научилась страдать!
1847

К Цирцее
Блажен, о Цирцея, кто в черные волны забвенья
Гирлянду завядшую дней пережитых кидает,
Пред кем исчезают предметы в дыму благовонном,
Кто – весь заблужденье – невольно рукой шаловливой
Смоль черных кудрей твоих с белой блистающей шею
К устам прижимая, вдыхает их сладостный запах,
Кто только и слышит в костях пробегающий трепет,
Кто только и видит два черных, полуденных ока.
Но горе, Цирцея!.. Потянут противные ветры,
Туманом рассеется сладостный дым перед оком,
Упругие губы не будут звучать поцелуем,
И волны забвенья кольцо возвратят Поликрату...
Кто ж снова повязку на очи положит Эроту?
Кто скажет со вздохом: Цирцея, как Леда, прекрасна!
1847

Мой ангел
Как он прекрасен,
Гость-небожитель!
Он не состарился
С первой улыбки моей в колыбели,
Когда, играя
Златыми плодами
Под вечною райскою пальмою,
Он указал мне
На мать-деву
Страдальца Голгофы – и подле
Двенадцать престолов во славе.
Он тот же, всё тот же –
Кудрявый, с улыбкой,
В одежде блистательно-белой,
С любовью во взоре –
Мой ангел-хранитель...
1847

Последнее слово
Я громом их в отчаяньи застигну,
Я молнией их пальмы сокрушу,
И месть на месть и кровь на кровь воздвигну,
И злобою гортань их иссушу.
Я стены их сотру до основанья,
Я камни их в пустыне размечу,
Я прокляну их смрадное дыханье,
И тела их я предам мечу.
Я члены их орлятам раскидаю,
Я кости их в песках испепелю,
И семя их в потомках покараю,
И силу их во внуках погублю.
На жертву их отвечу я хулою,
Оставлю храм и не приду опять,
И девы их в молитве предо мною
Вотще придут стенать и умирать.
1847

«Между счастьем вечным твоим и моим...»
Между счастьем вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.
Не клянись мне – я верю: я, точно, любим –
И похвально твое постоянство;
Я и сам и люблю и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно-упруги!
Сколько веры в глазах!.. Я скажу не шутя:
Мне не выбрать милее подруги.
Но к чему тут обман? Говорим что хотим, –
И к чему осторожное чванство?
Между счастьем вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.
1847

Veille sur ce que j'aime
Бди над тем, что сердцу мило,
Неизменное светило –
Звездочка моя.
Светлых снов и благодати
Ей, как спящему дитяти,
Умоляю я!
Свод небесный необъятен, –
Чтоб на нем ей был понятен
Ход усталых туч,
Твой восход, твоё стремленье,
И молитвенное бденье,
И дрожащий луч.
1847

«Как отрок зарею...»
Как отрок зарею
Лукавые сны вспоминает,
Я звука душою
Ищу, что в душе обитает.
Хоть в сердце нет веры
В живое преданий наследство,
Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство.
Быть может, что сонный
Со сном золотым встрепенется
Иль стих благовонный
Из уст разомкнутых польется.
1847

Сильфы
Ночную фиалку лобзает зефир,
И сладостно цвет задышал,
Я слышу бряцание маленьких лир,
Луну я в росинке узнал.
И светлая капля дрожит теплотой
И мечет сиянье вокруг;
И сильфы собрались веселой толпой
С улыбкой взглянуть на подруг.
И крошка сильфида взяла светляка
На пальчик. Он вьется как змей.
Как ярко лицо и малютка-рука
Сияньем покрылись у ней!
Но чу! кто-то робко ударил в тимпан!
Лучей вам нельзя перевозмочь!
И весь упоенный раскрылся тюльпан
В последнюю сладкую ночь.
Но вот уж навстречу грядущему дню
Готовы цветов алтари,
И сильфы с улыбкой встречают родню
И светлого друга зари.
1847

Метель
Ночью буря разозлилась,
Крыша снегом опушилась,
И собаки – по щелям.
Липнет глаз от резкой пыли,
И огни уж потушили
Вдоль села по всем дворам.
Лишь в избушке за дорогой
Одинокий и убогой
Огонек в окне горит.
В той избушке только двое.
Кто их знает – что такое
Брат с сестрою говорит?
«Помнишь то, что, умирая,
Говорила нам родная
И родимый? – отвечай!..
Вот теперь – что день, то гонка,
И крикливого ребенка,
Повек девкою, качай!
И когда же вражья сила
Вас свела? – ведь нужно ж было
Завертеться мне в извоз!..
Иль ответить не умеешь?
Что молчишь и что бледнеешь?
Право, девка, не до слез!»
– «Братец милый, ради бога,
Не гляди в глаза мне строго:
Я в ночи тебя боюсь».
– «Хоть ты бойся, хоть не бойся,

А сойдусь – не беспокойся,
С ним по-свойски разочтусь!»
Ветер пуще разыгрался;
Кто-то в избу постучался.
«Кто там?» – брат в окно спросил.
– «Я прохожий – и от снега
До утра ищу ночлега», –
Чей-то голос говорил.
– «Что ж ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти;
Нет меня – так нет и лени!
Побеги проворней в сени
Да прохожегопусти».
Чрез порог вступил прохожий;
Помолясь на образ божий,
Поклонился брату он;
А сестре как поклонился
Да взглянул, – остановился,
Точно громом поражен.
Все молчат. Сестра бледнеет,
Никуда взглянуть не смеет;
Исподлобья брат глядит;
Всё молчит, – лучина с треском
Лишь горит багровым блеском,
Да по кровле ветер шумит.
1847

«О, для тебя я сделаюсь поэтом!..»
О, для тебя я сделаюсь поэтом!
Готов писать и прозой и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами
И рифмы в ряд нанизывать сонетом.
Да что же мне – какая польза в этом?
Я не решусь быть низким перед вами,
Я не решусь черными словами
Вас выставить, запачкать перед светом.
Но если вы, поняв мои намеки,
Со страху раз помолитесь неволью
И надолго запомните уроки,
В которых то-то и смешно, что больно, –
Поверьте мне, и этого довольно,
И одою смену я эти строки.
1847

«Смотреть на вас и странно мне и больно...»
Смотреть на вас и странно мне и больно:
Жаль ваших взоров, ножек, ручек, плечек.
Скажите, кто вот этот человек,
Что подле вас стоит самодовольно?
Во мне вся кровь застынет вдруг неволью,
Когда, при блеске двух венчальных свечек,
Он вам подаст одно из двух колечек;
Тогда в слезах молитесь богомольно.
Но я на вас глядеть тогда не стану,
А то, быть может, сердце содрогнется.
К чему тревожить старую в нем рану? –
А то из ней, быть может, яд польется.
Мне только легкой поступи и стану,
Да скрытности дивиться остается.
1847

«Виноват ли я, что долго месяц...»
Виноват ли я, что долго месяц
Простоял вчера над рощей темной,
Что под ним река дрожала долго
Там, где крылья пучил белый лебедь?
Ведь не я зажег огни рыбацьи

Над водой, у самых лодок черных.
Виноват ли я, что до рассвета
Перепелок голос раздавался?
Но ты спишь... О, подними ресницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо –
ты сама ведь любишь ночи: ночью
Это было – я спешил в Риальто.
Быстро весла ударили в воду,
Гондольер мой пел; но эта песня
Пронеслась, как многое проходит,
Невозвратно; помню только это:
«Обожали пламенные греки
Красоты богиню Афродиту
В пене волн на раковине ясной.
Как же глупы, просты эти греки:
Перед ними ты была в гондоле».
Знаешь ли, я сам, когда ты дремлешь,
Опустя недвижные ресницы,
И твоих волос густые кудри
Недвижимы, руки, выше локтя
Обнажась, на складках полотняных
Так лежат, как будто с мыслью тайной
Раскидал их ... Фидий, –
И гляжу я долго и не знаю,
На твоём блестящем светом лике
Рождена ль улыбка красотой
Иль красу улыбка породила.
Знаешь ли... Но, опустя ресницы,
Ты уснула... Спи, моя богиня!
1847

Саконтала

1

Саконтала, из всех цариц, украшавших индийский
Трон, народу любезная, милая сердцу супруга –
Мудрого государя Викрамы, встречала однажды
Праздничный день своего рожденья общим весельем.
Радость кругом разлилась по чертогам и хижинам царства;
Только живеи и нежнее ее раздавались звуки
В сердце каждого. Лик царицы был тих и прекрасен,
Око ее сияло любезно и кротко, как солнце
В час вечерний, когда, садясь за дальние горы,
Росу шлет и прохладу оно, долины и выси
Влагою с высоты окропляя отрадной. Таков был
Лик Саконталы. Затем-то, с детским смирением в сердце,
Жители Индии взор к своей несравненной царице,
Полный любви, обращали и ей приносили посильно
Разного рода дары – растенья лучшие царства,
Благоуханный елей, злато и камни цветные;
Благословения ей другие молили у Брамь.
Вот в средину ликующих, тесной толпою стоящих
Около царских ворот, брамин выходит; корзинку
Нес он в руках, из лоз плетенную; край у корзинки
Мохом простым был покрыт. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя в переходах, друг друга спрашивать стали:
«Знать, брамин поприблизиться хочет сиянью престола
С лозниковой корзинкою, полною мохом кудрявым?»
Но брамин подошел свободно, поставил корзинку
Саконтале к ногам и сказал: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства: вот эти
Лозы корзинки и этот мох и цветы полевые –
Дети долины на самой далекой границе обширной
Нашей земли, где стопы твои блуждали в то время,
Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась».
Так брамин говорил, и у ног Саконталы стояла
С мохом корзинка. Тогда царица взор обратила
На корзинку, на мох и цветы, что лежали в корзинке,
И с престола она улыбнулась приветливо, нежно

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Скромным цветам долины давно миновавшего детства.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине,
И казалась роскошь полей для него превосходней:
Он не мог позабыть улыбки лица Саконталы.

2

Саконтала, прекрасная, милая сердцу царица
Индии, день своего рожденья встречала молитвой
Тихую к Бrame; война ужасная всё государство
Опустошила, и царь индийский, супруг Саконталы,
Был вдали от нее средь ужасов битвы кровавой;
Но еще более то умножало горесть царицы,
Что большая часть преданных в битве погибли и много
Было таких, что забыли царскую милость, с какою
Почестями он их осыпал, и вдруг показали
Неблагодарность и трусость сердец изменой в годину
Бедствия. Вот почему Саконтала в тиши проливала
Слезы, и день рождения был ей дню смерти подобен.
В это время вошла одна из женщин служащих
Тихо к печальной царице и ей сказала: «Опять здесь
Тот брамин, что к тебе приходил с цветами долины».
Но Саконтала вздохнула и ей отвечала: «Как могут
Быть отрадны цветы моему сокрушенному сердцу
Или служить украшением моей побледневшей ланите?
Всё же, – сказала потом царица добрая, – старца
Ты введи, чтобы я из его приношенья сознала,
Как верна мне в печали любовь незлобивых сердцем».
Старый брамин вошел и сказал, главу наклоняя:
«Видишь ли, добрая мать и владычица нашего царства:
Горе твое и печаль тебя сердец не лишило
Жителей той долины, где ты блуждала в то время,
Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась.
Шаткого счастья измена любви и верности узы
Не разрешает; напротив, она их прочнее связует.
Только цветов я тебе не принес: в нашей долине
Стоптаны все; но они расцветут еще лучше, коль Брама
После бурь ниспослет весны благодатной дыханье.
Я принес тебе дар драгоценнейший нашей долины –
Камень, которому в Индии равного нет красотою».
Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца;
Он же, речь продолжая, сказал: «Тебе приносил я
В дар цветы, когда на юном челе твоим радость
Расцветала, ничем не смущенная; но испытанье
Брама наслал на тебя; я вижу, что горе ланиты
Бледностию твои овеяло; знал я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами.
Для прекрасных душ слезы – небесная влага,
От которой они вполне расцветают. Так Брама
Освящает своих любимцев. Вот почему я
Ныне к тебе подхожу с благороднейшим даром природы».
Так брамин говорил и, полный почтенья, поставил
Черного дерева ящик к ногам Саконталы. Чудесно
Светлый камень играл, отвсюду охваченный черным.
Тут склонила царица чело и взглянула на ящик
И на камень, своими лучами его наполнявший,
И с ланит у нее покатались прозрачные слезы.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине,
Медленно шел он, и грустью отрадную полон был старец.
Всё, казалось ему, он видит слезу Саконталы.

3

Грустен скитался брамин в своей одинокой пустыне;
Помнил царицы-страдалицы тяжкое он испытанье.
Вдруг опять поднялась война ужасная. Мощный
Истребитель с своей толпой необузданных полчищ
Встал на западе, с тем, чтоб земли восточных пределов
Опустошить. И того, о чем, наругаясь, задумал,
Он достигнуть успел; но всё население стонало.
Старец Браму день и ночь умолял за Викраму
Правосудного и за Саконталу царицу,

Сердцу любезную. Но тщетны были моления,
И военная буря неслася грозным потоком
К самой долине брамина, и бич притеснителя всюду
Жертв настигал. Тогда печальный брамин удалился
В дикие горы и жил между скал, чуждаясь встретить
Лик человеческий. Тяжкою скорбью исполнено было
Сердце старца, и смерти желанной алкал он душою;
Но желанье его не исполнилось. – Много он прожил
Лет в своем одиночестве между скалами пустыни;
Вдруг кругом раздались вдали веселые звуки
Песен победы и мира под рокот трубы и кимвала.
Тут главою к земле склонился старец в молитве,
Встал, помазал главу и сказал: «Перед смертью я должен
Правых победу и лик царицы кроткой увидеть».
Тут наполнил брамин опять корзинку цветами
Самыми лучшими в целой долине и сверху прикрыл их
Пальмы и маслины тучной младыми побегами; тут же
Ветвь положил благовонную нежно лепечущей мирты.
Скоро потом он к престольному граду лицом обратился
И в молчаньи пошел чрез толпы торжествующих граждан.
Радостью лик засиял у старца, когда в воротах он
Был дворцовых. Отверзши уста, слугам он придворным
Стал говорить: «Ведите меня к царице, чтоб мог я
Жертву свою ей принести. Семь лет как не видел я мира».
Слыша речи такие, слуги взглянули на старца,
Смолкли и стали плакать. Брамин же спросил их: «Чего вы
Плачете, и отчего изменились так ваши лица?»
Слуги на это ему отвечали: «Иль ты не житель
Здешнего мира, когда один ты не знаешь, что случилось?»
И на могилу царицы они повели его: «Видишь, –
Так говорили они, – в ней сердце не вынесло горя».
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тут у старца лик просиял и затеплилось око,
Будто у юноши; к небу он поднял чело и воскликнул:
«Разве не вижу я Брамы жилища, не вижу сиянья
Вечного моря лучей, его окружающих блеском!
И Саконтала пред ним на облаке раннего утра
Смотрит на нас. Примиренной отчизны чистейшая жертва,
Жрицею ныне она сияет небесного мира.
Видишь ли ты, просветленная? Я, как и прежде бывало,
Здесь пред тобою стою с моими земными цветами».
Тут умолкнул старец, склонясь на цветы и могилу.
Тихим повеяло ветром, и Брама принял его душу.
1847

Язык цветов

Мой пучок блестит росой,
Как алмазами калиф мой;
Я давно хочу с тобой
Говорить пахучей рифмой.
Каждый цвет уже намек, –
Ты поймешь мои признанья;
Может быть, что весь пучок
Нам открывает путь свиданья.
1847

«Как идет к вам чепчик новый...»
Как идет к вам чепчик новый,
Как идет большая шаль!
Поздравляю вас с обновой,
А мне все-таки вас жаль.
Как идет к вам эта бледность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бедность, –
Мне вас жаль, да, мне вас жаль.
1847

«Многим богам в тишине я фимиам воскурю...»

Многим богам в тишине я фимиам воскурю,
В помощь нередко с мольбой многих героев зову;
Жертвуя музам, дриадам, нимфам речистым и даже
Глупому фавну весной первенца стад берегу.
Песня же первая – Вакху, мудрому сыну Семелы.
Ты, Дионисий в венке, грозный владыка ума,
Всех доступней моим мольбам и моим возлияньям:
Ты за утраты мои полной мне чашей воздай!
Где недоступная дева, моих помышлений царица?
В мраморах Фидий своих равной не зрел никогда,
Я же сходного с ней не знал созданья, – и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждал я, безумный, забыться в дыму и в чаду приношений;
Новый Калхас, уже меч дерзкой рукой заносил;
Мать-природа вотще зывала, как мать Клитемнестра, –
Миг еще, миг – и тебе всё бы принес я, Лией.
Мне уже чудился плеск волн забвения в барку, –
Только заступница дев деву чудесно спасла:
Дивно светла, предо мной Ифигения к небу восходит,
Я же коленом тугим в бок упираю козла.
1847

«Эти думы, эти грезы...»
Эти думы, эти грезы –
Безначальное кольцо.
И текут ручьями слезы
На горячее лицо.
Сердце хочет, сердце просит,
Слезы льются в два ручья;
Далеко меня уносит,
А куда – не знаю я.
Не могу унять стремленье,
Я не в силах не желать:
Эти грезы – наслажденье!
Эти слезы – благодать!
1847

«Друг мой, я сегодня болен...»
Друг мой, я сегодня болен, –
Знать, поветрие такое:
Право, я в себе не волен,
Не найдусь никак в покое.
Не ошибся я в надежде:
Ты умна и молчалива,
Ты всё та же, что и прежде, –
И добра и горделива.
На дворе у нас ненастье,
На дворе гулять опасно, –
Дай мне руку, дай на счастье...
У тебя тепло и ясно.
Ах, давно ли у тебя я –
Так беспечно, так лениво, –
Всё на свете забывая,
Был покорен молчаливо?
А теперь – зачем в углу том,
За широкою гардиной,
Вон, вон тот, что смотрит плутом,
С черной мордою козлиной?
Не могу не ненавидеть
Этих глаз в досадной роже!
Право, – скучно, грустно видеть
Каждый день одно и то же.
Понимаю эти ласки,
Взор печали беспредельной..
Нет ли, друг мой, нет ли сказки,
Нет ли песни колыбельной?
Чтобы песню смягчалось
То, что в сказке растревожит;

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
чтобы сердце хоть пугалось,
коль любить оно не может.
1847

«Поделись живыми снами...»
Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
что не выскажешь словами –
Звуком на душу навей.
1847

Добрый день
Вот снова ночь с своей тоской бессонной
Дрожит при блеске дня.
С улыбкою мой демон искушенный
Взирает на меня.
Он видит всё – улыбку, вздох и слезы.
Пусть он их видит – пусть!
давным-давно бессонницу и грезы
Он знает наизусть.
Пускай весна наряд свой пестрый кажет
и я вокруг гляжу;
Он знает всё, что сердце твари скажет,
что людям я скажу.
Ему смешно, что наперед он знает
чем дума занята,
что ясно так и внятно он читает
по книге живота.
Как мраморный, блестящий и холодный,
мой прорицатель дня,
с улыбкой злой и гордо-благородной
он смотрит на меня.
1847

К картине
Не говори, что счастлив я,
что я хорош собой,
что бог благословил меня
прекрасною женой.
Не говори, что жизнь сулит
мне счастье впереди,
что крошка-сын наш тихо спит,
прильнув к родной груди.
Напрасных слов не расточай, –
ненужен мой ответ.
Взгляни в глаза и отвечай:
что – счастлив я или нет?
Скажи – ты видишь по глазам, –
по сердцу ли мне покой, –
или, может быть, я жизнь отдам
померяться с судьбой?
Отдам, что было мне дано
блаженства и тоски,
за взгляд, улыбку, – за одно
пожатие руки.
1847

Курган
Друг веков, поверенный преданий,
ты один среди братии своей
сохранил сокровищ и деяний
вековую тайну от людей.
Что же дуб с кудрявой головою
не возвращен твой подвиг отмечать
и не светит в сумрак над тобою
огонек – избрания печать?
Как на всех, орел с неизмеримой
на тебя слетает высоты

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
и срезает плуг неумолимый
Всех примет последние следы.
Что ж ты дремлешь? Силой чудотворной
Возрасти темно-кудрявый дуб!
Сокруши о камень непокорный
Злого плуга неотвязный зуб!
– Оттого-то, странник бесприметный,
На степи я вечно здесь молчу,
Что навек в груди мой клад заветный
Ото всех я затаить хочу.
1847

«Ты говоришь мне: прости!..»
Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.
Дивный был вечер вчера!
Долго он будет в помине;
Всем, – только нам не пора;
Пламя бледнеет в камине.
Что же, – к чему этот взгляд?
Где ж мой язвительный холод?
Грусти твоей ли я рад?
Знать, я надменен и молод?
Что ж ты вздохнула? Цвести –
Цель вековая созданья;
Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Тучка
Тучка-челн, небес волною
Обданная паром,
Между мною и луною
Ты плывешь не даром:
От луны – твой свет, что ставит
Трон полночный богу;
От меня ж возьми, что давит:
Думу и тревогу.
Спит она – тяжелой битвой
Дум не возмутима;
Ты ж над ней с моей молитвой
Пронесися мимо.
1847

Свобода и неволя
Видишь – мы теперь свободны:
Ведь одно свобода с платой;
Мы за каждый миг блаженства
Жизни отдали утратой.
Что ж не вижу я улыбки?
Иль сильнее всего привычка?
Или ты теперь из клетки
Поздно пущенная птичка?
Птичка-радость, друг мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь – я отверз объятья:
Полети ко мне в неволю.
1847

«Сядь у моря – жди погоды...»
Сядь у моря – жди погоды.
Отчего ж не ждать?
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Поразвеет пыл горячий,
Проминет беда,
И под камень под лежащий
Потечет вода.

И отступится кручина,
Что свекровь стара;
Накидает мне пучина
Всякого добра.
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Сядь у моря, жди погоды.
Отчего ж не ждать?
1847

«Дитя, покорное любви...»
Дитя, покорное любви,
Моих стихов не назови
Ты самолюбием нескромным.
О нет! мой стих не мог молчать:
На нем легла твоя печать
С раздумьем тягостным и томным.
Не говорю тебе – прости!
Твоя судьба – одной цвести;
Да мимо идет зов мятежный.
Как в жизни раз, и в песни тож
Ты раз мне сердце потревожь –
И уносишься прекрасной, нежной!
И завтра светлый образ весь
Исчезнет там, исчезнет здесь,
Про твой удел никто не спросит, –
И запах лилии ночной
Не достигнет луны родной:
Полночный ветер его разносит.
1847

«Под палаткою пунцовой...»
Под палаткою пунцовой,
Без невольников, один,
С одалиской чернобровый
Расстается властелин.
– Сара, гурия пророка,
Солнце дней, источник сил,
Сара, утро недалеко –
И проснется Азраил.
Где-то завтра после бою
Снова ноги подогну
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?
С новой ночью, с новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цветущей,
Нарумяненной щеки.
Пред тобою на бездельи
Свой кальян не закурю
И в глаза твои газельи,
Полон дум, не посмотрю,
И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Черных кос по феске алой
Чешуйчатую змею.
1847

Эоловы арфы
Он

По листам пронесся шорох.
Каждый миг в блаженстве дорог,
В песни – каждый звук:
Там, где первое не ясно,
Всё, хоть будь оно прекрасно,
Исчезает вдруг.
Она

О, не только что внимала, –
Я давно предугадала
Все твои мечты;
Но, настроенная выше,
Я рассказываю тише,
Что мечтаешь ты.
Он

Я на всякие звуки готов,
Но не сам говорю я струной:
Только формы воздушных перстов
Обливаю звончатой волной.
Оттого-то в разлуке с тобой
Слышу я беззвучную дрожь,
Оттого-то и ты узнаешь
Всё, что здесь совершится со мной.
Она

Если мне повелитель ветров
Звука два перекинет порой,
Но таких, где трепещет любовь, –
Я невольно пою за тобой.
Ах, запой поскорее, запой!
Ты не знаешь, что случилось со мной!
Этот перст так прозрачно хорош,
Под которым любовь ты поешь.
1847

«После раннего ненастья...»
После раннего ненастья
Что за рост и цвет обильный!
Ты даешь мне столько счастья,
Что сносить лишь может сильный.
Ныне чувства стали редки,
Ты же мне милей свободы;
Но боюсь я той беседки,
Где у ног починют воды.
Сердце чует, что недаром
Нынче счастье такое;
Я в воде горю пожаром,
А в глазах твоих – так вдвое.
1847

«Мудрым нужно слово света...»
Мудрым нужно слово света,
Дружбе сладок глас участия;
Но влюбленный ждет привета –
Обновительного счастья.
Я ж не знаю: в жизни здешней
Думы ль правы, чувства ль правы?
Отчего так месяц вешний
Жемчугом осыпал травы?
Что они дрожат, как слезы, –
Голубого неба очи?
И зачем в такие грезы
Манит мглу любовник ночи?
Ждет он, что ли? Мне сдается,
Что напрасно я гадаю.
Слышу, сердце чаще бьется,
И со мною что? – не знаю!
1847

«Какая холодная осень!..»
Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.
1847

«Опять я затеплю лампаду...»
Опять я затеплю лампаду
И вечную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
С невольной-горячей слезою.
Опять посетит меня радость
Без бури тоски и веселья,
И снова безмолвные стены
Раздвинет уютная келья.
Прочь горе земное; одно лишь
Про землю напомнит мне внятно –
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачные пятна.
1847

«Мы нравимся уездам и столицам...»
Мы нравимся уездам и столицам,
Я рифмую, вы светлой красотой...
Так лейся ж, песнь, – и смелой простотой
Уподобляй нас беззаботным птицам.
Что ж не сказать без скромности пустой,
Оставя злость бездарным да девицам:
Мы нравимся уездам и столицам –
Я рифмую, вы светлой красотой.
9 мая 1847

«Весенних чувств не должно вспоминать...»
Весенних чувств не должно вспоминать,
Когда весна оденет вновь березу,
А вы, а вы, бог с вами, вы опять
Напомнили мне соловья и розу.
Что в прошлом нам тревожит робкий ум,
В грядущем нас встречает как родное,
И светлый ряд новорожденных дум
Встает из мглы, как пламя заревое.
Прекрасному поклонится поэт,
И убежит ненужная угроза.
В прекрасном всё – разъединенья нет,
И в вас одной и соловей и роза.
27 июня 1847

«Я в моих тебя вижу всё снах...»
Я в моих тебя вижу всё снах
С той же яркою искрой в глазах,
С тем же бледно-прозрачным лицом,
С тем же розовым белым венцом,
С той же властью приветливых слов,
С той же тучей младенческих снов;
И во сне так полно я живу,
Как, бывало, живал наяву.
7 сентября 1847

«Отвергнув гордое сомненье...»
По замечанью моему,

Альбом походит на кладбище.

Баратынский.
Отвергнув гордое сомненье
И не смущаемый трудом,
Простой приязни выраженье
Вношу смиренно в ваш альбом.

Легко минутное решенье
Забиться непробудным сном,
Где наше место погребенья
Хоть потревожат, – но с умом;
Где между прочими гробами
И наш без надписи найдут,
А между зримыми чертами
Лукаво зоркими глазами
Черты незримые прочтут.
29 февраля 1848

«Мой друг, я верую, надеюсь и люблю...»
Мой друг, я верую, надеюсь и люблю
И убежденья полон силы,
Что всё, чем опытность снабдила грудь мою,
Дойдет со мною до могилы,
Что знамя истины, которому служу,
Вокруг меня овеет рати,
Что с тайной гордостью его я покажу
Толпе неверующих братий.
И что же? Новый день нисходит от творца.
И убежденья величавы
Бледнеют видимо, как за спиной косца
Грядями скошенные травы.
1848

«Где север – я знаю!..»
Где север – я знаю!
Отрадному предан недугу,
Весь день обращаю
И очи и помыслы к югу.
В дали ли просторной
Твое забелеет жилище. –
Как в области горной,
Я сердцем и разумом чище.
Услышу ли слово
Твоей недоверчивой речи, –
И сердце готово
Стремиться до будущей встречи.
1849

«Среди несметных звезд полночи...»
Среди несметных звезд полночи
Как эти две глядят мне в очи,
Не поглядит нигде звезда;
Но неизменна воля рока:
С заката той, а той с востока –
Им не сойтиться никогда.
Среди людей так часто двое
Равно постигнули земное,
Затем что стали высоко,
И оба сердца пышут страстью,
И оба сердца рвутся к счастью,
И счастье вечно далеко.
1849

«Когда опять по камням заиграет...»
Когда опять по камням заиграет
Алмазами сверкающий ручей
И вновь душа невольно вспоминает
Невнятный смысл умолкнувших речей,
Когда, прогрет приветными лучами,
На волю рвется благовонный лист
И лик небес, усеянный звездами,
Так безмятежно, так лазурно чист, –
Не говори: «Я плачу, я страдаю,
Что сердцу близко – взору далеко»,
Скажи: «Хвала! Я сердцем понимаю,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
я чувствую душою глубоко».
Апрель 1849

«Снова слышу голос твой...»
Снова слышу голос твой,
Слышу и бледнею;
Расставался, как с душой,
С красотой твоею!
Если б муку эту знал,
Чуял спозаранку, –
Не любил бы, не ласкал
Смуглую цыганку.
Не лелеял бы потом
Этой думы томной
В чистом поле под шатром
Днем и ночью темной.
Что ж напрасно горячить
Кровь в усталых жилах?
Не сумела ты любить,
Я – забыть не в силах.
1840-е годы?

«Как гений ты, нежданный, стройный...»
Как гений ты, нежданный, стройный,
С небес слетела мне светла,
Смирила ум мой беспокойный.
На лик свой очи привлекла.
Вдали ль душой ты иль меж нами,
Но как-то сладостно, легко
Мне пред тобою, с небесами
Сдружившись, реять высоко;
Без сожаленья, без возврата
Мне сладко чувства расточать
И на тебя очами брата
С улыбкой счастья взирать.
1850

«Напрасно, дивная, смешавшись с толпою...»
Напрасно, дивная, смешавшись с толпою,
Вдоль шумной улицы уныло я пойду;
Судьба меня опять уж не сведет с тобою,
И ярких глаз твоих нигде я не найду.
Ты раз явилась мне, как дивное виденье,
Среди бесчисленных, бесчувственных людей, –
Но быстры молодость, любовь, и наслажденье,
И слава, и мечты, а ты еще быстрее.
Мне что-то новое сказали эти очи,
И новой истиной невольню грудь полна, –
Как будто на заре, подняв завесу ночи,
Я вижу образы пленительного сна.
Да, сладок был мой сон хоть на одно мгновенье! –
Зато, невольною тоскою отягчен,
Брожу один теперь и жду тебя, виденье,
И ясно предо мной летает светлый сон.
1850

«Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...»
Слеза слезу с ланиты жаркой гонит,
Мечта мечту теснит из сердца вон;
Мгновение мгновение хоронит,
И блещет храм на месте похорон.
Крылатый сон опережает брата,
За тучею несутся облака,
Как велика души моей утрата!
Как рана сердца страшно глубока!
Но мой покров я жарко обнимаю,
Хочу, чтоб с ним кипела страсть моя;
Нет, и забывшись, я не забываю, –

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Нет, и в ночи безумно плачу я!
1850

«Следить твои шаги, молиться и любить...»
Следить твои шаги, молиться и любить –
Не прихоть у меня и не порыв случайный:
Мой друг, мое дитя, поверь, – тебя хранить
я в сердце увлечен какой-то силой тайной.
Постигнув чудную гармонию твою –
И нежной слабости и силы сочетанье,
я что-то грустное душой предузнаю,
и жалко мне тебя, прекрасное созданье!
Вот почему порой заглядываюсь я,
когда над книгою иль пеструю канвою
ты наклоняешься пугливой головою,
а черный локон твой сбегает как змея,
прозрачность бледную обрезавши ланиты,
и стрелы черные ресниц твоих густых
сияющего дня отливами покрыты
и око светлое чернеет из-под них.
1850

«Переключают тройки...»
Переключают тройки
и выносят чемоданы;
за столом два сослуживца,
на столе стоят стаканы.
– Знаю я, зачем так влагой
презираешь ты шампанской.
Всё в ушах твоих, мой милый,
раздается хор цыганской.
Всё мерещится Матрена,
всё мерещится плутовка.
Черным бархатом и маской
скрыта светлая головка.
За красавицей женою
муж мерещится ревнивый.
«Я люблю, люблю, как прежде» –
нежит слух самолюбивый.
– Нет, мой друг, не отгадал ты,
извини, что я не с вами.
Мысли носятся далеко,
за горами, за долами.
Всё мерещится у стенки
фортепьян красивый ящик,
всё мерещится угрюмый
про Суворова рассказчик.
За стаканом даже слышу
душный воздух тесной кельи,
и о счастья молит голос
и в раздумьи и в весельи.
В степь глядит одно окошко,
до полуночи открыто,
перед ним-то, для него-то
всё на свете позабыто.
Но давно прозябли кони.
Так пожмем друг другу руки,
не сердись за нашу встречу
да пиши подчас от скуки.
Начало 1850?

Вчера и сегодня
вчера, при блеске свеч, в двенадцатом часу,
ты слушала меня с улыбкою участия,
и мне казалось: вот-вот перенесу
тебя в цветущий мир безумия и счастья.
Сегодня – боже мой! – я путаюсь в словах,
ты смотришь на меня и трезво, и обидно, –

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И как об этих двух подумаю я днях,
То нынешнего жаль, а за вчерашний стыдно.
1854

Отъезд

Какая горькая обида:
я завтра еду. Боже мой!
Как будто к области Аида
Темнеет путь передо мной.
Как, после нежного похмелья
От струй пафосского вина,
Уединенная мне келья
Теперь покажется душна!
Но, верен сладостной тревоге,
В степи безбрежной и в лесу,
По рвам, по каменной дороге
Твой образ чистый понесу.
И сохраню в душе глубоко
Двойную прелесть красоты:
И это мыслящее око,
И эти детские черты.
1854

Шарманщик

К окну я в потемках приник –
Ну, право, нельзя неуместней:
Опять в переулке старик
С своей неотвязною песней!
Те звуки свистят и поют
Нескладно-тоскливо-неловки...
Встают предо мною, встают
За рамой две светлых головки.
Над ними поверхность стекла
При месяце ярко-кристальна.
Одна так резво-весела,
Другая так томно-печальна.
И – старая песня! – с тоской
Мы прошлое нежно лелеем,
И жаль мне и той и другой,
И рад я сердечно обеим.
Меж них в промежутке видна
Еще голова молодая, –
И всё он хорош, как одна,
И всё он грустит, как другая.
Он предан навеки одной
И грусти терзаем приманкой...
Уйдешь ли ты, гаер седой,
С твоей неотвязной шарманкой?
1854

«Дай руку мне, дай руку, пери злая...»
Дай руку мне, дай руку, пери злая,
Хоть раз еще приветливо взгляни,
Горячкой рифм восторг мой объясняя,
Влюбленного поэтом не брани.
Ревнивые лишь с тем хариты дружны,
Кто забывать для них готов весь свет.
Коль жителям Олимпа жертвы нужны
И сердца кровь – плохой же я поэт.
Пусть музами навек оставлен буду,
Пусть Феб меня карает за грехи, –
Под хохот твой я музу позабуду,
За поцелуй я все отдам стихи.
1854

«Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...»
Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю,
Только я тут для себя утешенья большого не вижу.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
День их торопит всечасно своею тяжелой заботой,
Ночь, как добрая мать, принимает в объятья на отдых.
Что им за дело, что кто-то, весь день протомившись бездельем,
Ночью с нелепым раздумьем пробьется на ложе бессонном?
Пламя дрожит на светильне – и около мысли любимой
Зыблются робкие думы, и все переходят оттенки
Радужных красок. Трепещет душа, и трепещет рассудок.
Сердце – Икар неразумный – из мрака, как бабочка к свету,
К мысли заветной стремится. Вот, вот опаленные крылья,
Круг описавши во мраке, несутся в неверном полете
Пытку свою обновлять добровольную. Я же не знаю,
Что добровольным зовется и что неизбежным на свете...
1854

Хижина в лесу
На лес насунулися тучи,
Морозит – трудно продохнуть.
Ни зги не видно, вихрь колючий
Сугробом переносит путь.
О, как он путнику несносен!
Но вот надежда – огонек
Блеснул звездой из-за сосен:
Приют знакомый недалек.
Стучусь с уверенностью давней...
Знакомый голос за стеной;
Как прежде, луч, скользя меж ставней,
Ложится яркой полосой.
«О, выйди! Это я!..» Напрасно!..
Я слышу голос, вижу свет, –
Всё так безжизненно, бесстрастно:
Ответа нет, приветов нет!
Давно ль сюда рвался так жадно
Я с одинокого пути?..
Здесь умирать так безотрадно,
И сил нет далее брести!
1855

«Заревая вьюга...»
Заревая вьюга
Всё позамела,
А ревнивый месяц
Смотрит вдоль села.
Подойти к окошку –
Долго ль до беды?
А проснутся завтра –
Разберут следы.
В огород – собаки
Изорвут, гляди.
«Приходи сегодня» –
И нельзя нейти!
По плетню простенком
Проберусь как раз, –
Ни свекровь, ни месяц
Не увидят нас!
Осень или зима 1855

Спор
Где нимфа резвая, покинув горный ток,
Вплетает гиацинт в свой розовый веноч,
На мирных пажитях, в лесу прохладной Иды,
Где землю посещать привыкли Ураниды,
Сияньем царственной красы окружены,
Красавцу пастырю предстали три жены.
«Будь, юноша, судьей, – скажи мне, не меня ли
Царицей красоты глаза твои признали? –
Сказала первая, опершись на копье. –
Как солнце разума, горит лицо мое;
Со мной беседовать, мои встречая взгляды,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
фригиец, – выше нет и для богов награды!
Подняв румяный плод, вручи его ты той,
Что вправе изо всех владеть твоей душой, –
И, если мудрости ты верен был донине,
Я знаю, яблоко достанется Афине».
С румянцем, вспыхнувшим мгновенно вдоль ланит,
«Послушай, юноша, – другая говорит, –
С подвластным божеством не только спор – сравненье
Супруге и сестре Зевеса унижение.
Но, встретив раз меня, всё, что живет кругом,
Не может не сказать: как почивает гром
В небесной синеве, безмолвной и глубокой, –
Так силой светит взор у Геры волоокой.
Божественная грудь, чиста как горний цвет,
Приемлет лишь того, кто потрясает свет.
Когда вступаю я в небесные чертоги,
Не люди предо мной покорствуют, а боги...
И если правым я тебя найду судьей,
Не пастырь – царский сын стоит передо мной».
И третья говорит, к ногам покров роняя:
«Владычица сердец перед тобой нагая.
Небесный душный свод не родина моя,
На берегу морском из пены вышла я.
Но не мудрец теперь, не сын царя прекрасный,
Пусть юноша судья нам будет беспристрастный.
Мой дар божественный не мудрость и не власть,
Нет! я внушу тебе губительную страсть:
Ты сам падешь, падет отец твой, сестры, братья...
Но посмотри сюда: в горячие объятья
Я приведу к тебе подобную красу,
Могуществом моим любимцев вознесу,
И ваши имена, потомства достоянье,
Заменят Красоты обычное названье».
1856

Рододендрон
Рододендрон! Рододендрон!
Пышный цвет оранжереи,
Как хорош и как наряден
Ты в руках вертлявой феи!
Рододендрон! Рододендрон!
Рододендрон! Рододендрон!
Но в руках вертлявой феи
Хороши не только розы,
Хороши большие томы
И поэзии и прозы!
Рододендрон! Рододендрон!
Рододендрон! Рододендрон!
Хороши и все нападки
На поэтов, объявленья,
Хороши и опечатки,
Хороши и прибавленья!
Рододендрон! Рододендрон!
1856?

Неотразимый образ!
В уединении забудусь ли порою,
Ресницы ли мечта смежает мне, как сон, –
Ты, ты опять в дали стоишь передо мною,
Моих весенних дней сияньем окружен.
Всё, что разрушено, но в бедном сердце живо,
Что бездной между нас зияющей легло,
Не в силах удержать души моей порыва,
И снова я с тобой – и у тебя светло.
Не для тебя кумир изменчивый и бренный
В сердечной слепоте из праха создаю;
Мне эта даль мила: в ней – призрак неизменный –
Опять чиста, светла я пред тобой стою.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Ни детских слез моих, ни мук души безгрешной,
Ни женской слабости винить я не могу,
К святыне их стремлюсь с тоскою безутешной
И в ужасе стыда твой образ берегу.
1856?

«Когда у райских врат изгнанник...»
Когда у райских врат изгнанник
Стоял унижен, наг и нем,
Предстал с мечом небес посланник
И путь закрыл ему в Эдем.
Но, падших душ услыша стоны,
Творец мольбе скитальца внял:
Крылатых стражей легионы
Адама внукам он послал.
Когда мы бьемся из-за хлеба,
В кровавом поте чуть дыша,
Чтоб хоть одна с родного неба
Нам улыбнулася душа.
Но и в кругах духов небесных
Земные стоны сочтены,
И силой крыльев бестелесных
Еговы дети не равны.
Твой ангел – перьев лебединых
Не распускает за спиной:
Он на крылах летит орлиных,
Поникнув грустно головой.
В руке пророческая лира,
В другой – горящий божий гром;
Так на твоём в пустыне мира
Он камне станет гробовом.
1856?

Ошибка

Не ведал жизни он и не растратил сил
В тоске бездействия, в чаду бесплодных бредней;
Дикарь с младенчества, ее он полюбил
Любовью первой и последней.
Он не сводил очей с прекрасного чела;
Тоскливый взор его светился укоризной;
Он на нее смотрел: она ему была
Свободой, честью, отчизной.
Любимой песнию, улыбкой на устах
Напрасно скрыть она старалась страданья:
Он нежности любви искал в ее глазах –
И встретил нежность состраданья...
Расстались наконец. О, как порой легко
Прервать смущение бестрепетной разлуки!
Но в сердце у него запали глубоко
Порывы затаенной муки.
Ушел он на Восток. В горах, в развале битв,
Который год уже война его стихия.
Но имя он одно твердит среди молитв
И чует сердцем, где Россия...
Давно настала ночь, давно угас костер, –
Лишь два штыка вдали встречаются, сверкая,
Да там, на севере, над самой высью гор
Звезда сияет золотая.
1857

Сонет («Угрюм и празден часто я брожу...»)

Угрюм и празден часто я брожу:
Напрасно веру светлую лелею,
На славный подвиг силы не имею,
Для песни сердца слов не нахожу.
Но за тобой ревниво я слежу,
Тебя понять и оценить умею;
Вот отчего я дружбой горд твоею

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
и близостью твоею дорожу.
Спасибо жизни! Пусть по воле рока
Истерзана, обижена глубоко,
Душа порою в сон погружена, –
Но лишь краса душевная коснется
Усталых глаз – бессмертная проснется
И звучно затрепещет, как струна.
1857

Шиллеру
Орел могучих, светлых песен!
С зарей открыл твой вещий взор,
Как бледен, как тоскливо тесен
Земного ока кругозор!
Впервой ширясь, мир ты мерил
Отважным взмахом юных крыл...
Никто так гордо в свет не верил,
Никто так страстно не любил.
И, веселясь над темной бездной,
Сокрывши светлый идеал,
Никто земной в предел надзвездный
Парить так смело не дерзал.
Один ты океан эфира
Крылом надежным облетел
И в сердце огненное мира
Очами светлыми глядел.
С тех пор у моря света вечно
Твой голос всё к себе зовет,
Что в человеке человечно
И что в бессмертном не умрет.
1857

«Весна и ночь покрыли дол...»
Весна и ночь покрыли дол,
Душа бежит во мрак бессонный,
И внятно слышен ей глагол
Стихийной жизни, отрешенной.
И неземное бытие
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струею.
Но вот заря! Бледнеет тень,
Туман волнуется и тает, –
И встретить очевидный день
Душа с восторгом вылетает.
1856 или 1857?

В альбом в первый день пасхи
Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встает из гроба,
Чело огнем озарено.
Всё, что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло,
Лобзаньем вновь пробуждено.
Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к вам лечу.
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.
8 апреля 1857

Другу
Когда в груди твоей страданье,
Проснувшись, к сердцу подойдет
И жадный червь воспоминанья
Его невидимо грызет, –
Борьбой с наитием недуга

Души напрасно не томи,
Без слез, без ропота на друга
С надеждой очи подыми.
Пусть свет клянет и негодует, –
Он на слова прощенья нем.
Пойми, что сердце только чует
Невыразимое ничем;
То, что в явленьи незаметном
Дрожит, гармонией дыша,
И в тайнике своем заветном
Хранит бессмертная душа.
Одним лучом из ока в око,
Одной улыбкой уст немых
Со всем, что мучило жестоко,
Единый примиряет миг.
15 мая 1857

Аполлон Бельведерский
Упрямый лук, с прицела чуть склонен,
Еще дрожит за тетивую шаткой
И не успел закинутый хитон
Пошевелить нетронутую складкой.
Уже, томим язвительной стрелой,
Крылатый враг в крови изнемогает,
И черный хвост, сверкая чешуей,
Свивается и тихо замирает.
Стреле вослед легко наклонено
Омытое в струях кастальских тело.
Оно сквозит и светится – оно
Веселием триумфа просветлело.
Твой юный лик отважен и могуч,
Победою усилено дыханье.
Так солнца диск, прорезав сумрак туч,
Еще бойчей глядит на мирозданье.
1857

«Какая ночь! Как воздух чист...»
Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!
Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, черней лишь тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.
1857?

«Лесом мы шли по тропинке единственной...»
Лесом мы шли по тропинке единственной
В поздний и сумрачный час.
Я посмотрел: запад с дрожью таинственной
Гас.
Что-то хотелось сказать на прощание, –
Сердца не понял никто;
Что же сказать про его обмирание?
Что?
Думы ли реют тревожно-несвязные,
Плачет ли сердце в груди, –
Скоро повысыплют звезды алмазные,
Жди!
1858

Нельзя
Заря. Сияет край востока,

Прорвался луч – и всё горит,
И всё, что видимо для ока,
Земного путника манит.
Но голубого неба своды
Покрыли бледностью лучи,
И звезд живые хороводы
К нам только выступают в ночи.
В движеньи, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.
Нельзя с небрежностью творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь и мрак уединенья –
Единый путь до божества.
1858

Превращения
Давно, в поре ребяческой твоей,
Ты червячком мне пестреньким казалась
И ласково, из-за одних сладостей,
Вокруг родной ты ветки увивалась.
И вот теперь ты, куколка моя,
Живой души движения скрываешь
И, красоту застенчиво тая,
Взглянуть на свет украдкой замышляешь.
Постой, постой, порвется пелена,
На божий свет с улыбкою проглянешь,
И, весела и днем упоена,
Ты яркою нам бабочкой предстанешь.
1859

«Я целый день изнемогаю...»
Я целый день изнемогаю
В живом огне твоих лучей
И, утомленный, не дерзаю
К ним возводить моих очей;
Но без тебя, сознавши смутно
Всю безотрадность темноты,
Я жду зари ежеминутно
И всё твержу: Взойдешь ли ты?
1859

«Твоя старушка мать могла...»
Твоя старушка мать могла
Быть нашим вечером довольна:
Давно она уж не была
Так зло-умно-многоглагольна.
Когда же взор ее сверкал,
Скользя по нас среди рассказа,
Он с каждой стороны встречал
Два к ней лишь обращенных глаза.
Ковра большого по углам
Сидели мы друг к другу боком,
Внемля насмешливым речам, –
А речи те лились потоком.
Восторгом полные живым,
Мы непритворно улыбались
И над чепцом ее большим
Глазами в зеркале встречались.
1859

«По ветви нижние леса...»
По ветви нижние леса
В зеленой потонули ржи.
Семьею новой в небеса
Ныряют резвые стрижи.
Сильней и слаще с каждым днем

Несется запах медовой
Вдоль нив, лоснящихся кругом
Светло-зеленую волной.
И негой истомленных птиц
Смолкают песни по кустам,
И всеобъемлющих зарниц
Мелькают лики по ночам.
1859

«Как ярко полная луна...»
Как ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здесь под тенью полотна,
Твое дыхание я слышу.
У неостывшего гнезда
Ночная песнь гремит и тает.
О, погляди, как та звезда
Горит, горит и потухает.
Понятен блеск ее лучей
И полночь с песнию своею,
Но что горит в груди моей –
Тебе сказать я не умею.
Вся эта ночь у ног твоих
Воскреснет в звуках песнопенья,
Но тайну счастья в этот миг
Я унесу без выраженья.
1859?

«Как эта ночь, ты радостно-светла...»
Как эта ночь, ты радостно-светла,
Подобно ей, к мечтам ты призываешь
И, как луна, что там вдали взошла,
Всё кроткое душе напоминаешь.
Она живет в минувшем, не скорбя,
И весело к грядущему стремится.
Взгляну ли вдаль, взгляну ли на тебя –
И в сердце свет какой-то загорится.
Конец 50-х гг.

«Влачась в бездействии ленивом...»
Влачась в бездействии ленивом
Навстречу осени своей,
Нам с каждым молодым порывом,
Что день, встречаться веселей.
Так в летний зной, когда в долины
Съезжают бережно снопы
И в зрелых жатвах круговины
Глубоко врезали серпы,
Прорвешь случайно повилику
Нетерпеливою ногой –
И вдруг откроешь землянику,
Красней и слаще, чем весной.
Конец 50-х гг.

«Ты прав: мы старимся. Зима недалеко...»
Ты прав: мы старимся. Зима недалеко,
Нам кто-то праздновать мешает,
И кудри темные незримая рука
И серебрит и обрывает.
В пути приутомясь, покорней мы других
В лицо нам веющим невзгодам;
И не под силу нам безумцев молодых
Задорным править хороводом.
Так что ж! ужели нам, покуда мы живем,
Вздыхать, оборотясь к закату,
Как некогда, томясь любви живым огнем,
Любви певали мы утрату?
Нет, мы не отжили! Мы властны день любой

Чертою белою отметить
И музы сирые еще на зов ночной
Нам поторопятся ответить.
К чему пытаться судьбу? Быть может, коротка
В руках у парки нитка наша!
Еще разымчива, душиста и сладка
Нам Гебы пеннистая чаша.
Зажжет, как прежде, нам во глубине сердец
Ее огонь благие чувства, –
Так пей же из нее, любимый наш певец:
В ней есть искусство для искусства.
1860?

К молодому дубу
Вчера земле доверил я
Твой корень преданной рукою,
И с той поры мечта моя
Следит с участием за тобою.
Словам напутственным внемли,
Дубок, посаженный поэтом:
Приподымайся от земли
Всё выше, выше с каждым летом.
И строгой силою ветвей
Гордясь от века и до века,
Храни плоды ты для свиней,
А красоту для человека.
Между 1860 и 1862

9 марта 1863 года
Какой восторг! уж прилетели
Вы, благовестники цветов!
Я слышу в поднебесьи трели
Над белой скатертью снегов.
Повеет раем над цветами,
Воскресну я и запою, –
И сорок мучеников сами
Мне позавидуют в раю.
Март 1863

«Нетленностью божественной одеты...»
Нетленностью божественной одеты,
Украшившие свет,
В Элизии цари, герои и поэты,
А темной черни нет.
Сама Судьба, бесстрастный вождь природы,
Их зыблет колыбель.
Блюсти, хранить и возвышать народы –
Вот их тройная цель
Равно молчат, в сознании бессилья,
Аида мрачный дол
И сам Олимп, когда ширяет крылья
Юпитера орел.
Утрата сон от божеского гласа,
При помощи небес
Убил и змей, и стойла Авгиаса
Очистил Геркулес.
И ты, поэт, мечей внимая звуку,
Свой подвиг совершил:
Ты протянул тому отважно руку,
Кто гидру задушил.
Конец 1863 или начало 1864

«Я повторял: Когда я буду...»
Я повторял: «Когда я буду
Богат, богат!
К твоим серьгам по изумруду –
Какой наряд!»
Тобой любуюсь ежедневно,

Я ждал, – но ты –
Всю зиму ты встречала гневно
Мои мечты.
И только этот вечер майский
Я так живу,
Как будто сон овеял райский
Нас наяву.
В моей руке – какое чудо! –
Твоя рука,
И на траве два изумруда –
Два светляка.
1864

Тургеневу («Из мачт и паруса – как честно он служил...»)
Из мачт и паруса – как честно он служил
Искусному пловцу под ведром и грозю! –
Ты хижину себе воздушную сложил
Под очарованной скалою.
Тебя пригрел чужой денницы яркий луч,
И в откликах твоих мы слышим примиренье;
Где телом страдающий пьет животворный ключ,
Душе сыскал ты возрожденье.
Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной,
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.
Привольно, широко, куда ни кинешь взор.
Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
И, плектрон отложив, я взялся за топор
И за блестящую лопату.
Свершилось! Дом укрыл меня от непогод,
Луна и солнце в окна блещет,
И, зеленью шумя, деревья в хоровод
Ликуют жизнью и трепещет.
Ни резкий крик глупцов, ни подлый их разгул
Сюда не досягнут. Я слышу лишь из сада
Лихого табуна сближающийся гул
Да крик козы, бегущей к стаду.
Здесь песни нежных муз душе моей слышной,
И жадно слушает пустыня,
И верь! – хоть изредка из сумрака аллея
Ко мне придет моя богиня.
Вот здесь, не ведая ни бурь, ни грозных туч
Душой, привычною к утратам,
Желал бы умереть, как утром лунный луч,
Или как солнечный – с закатом.
Утро в степи
Заря восточный свой алтарь
Зажгла прозрачными огнями,
И песнь дрожит под небесами:
«Явился, дня лучистый царь!
Мы ждем! Таких немного встреч!
Окаймлена шумящей рожью,
Через всю степь тебе к подножью
Ковер душистый стелет гречь.
Смирненно преклоняясь челом,
Горит алмазами пшеница,
Как новобрачная царица
Перед державным женихом».
1865

«В пене несется поток...»
В пене несется поток,
Ладью обгоняют буруны,
Кормчий глядит на восток
И будит дрожащие струны.
В бурю челнок полетел,
Пусть кормчий погибнет в ней шумно,

Сердце, могучий, он пел –
То сердце, что любит безумно.
Много промчалось веков,
Сменяя знамена и власти,
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти.
Вынырнул снова поток.
Струю серебряной мчал
Только лавровый венок,
Да мчал ее покрывало.
1866?

«Какой горючий пламень...»
Какой горючий пламень
Зарей в такую пору!
Кусты и острый камень
Сквозят по косогору.
Замолк и засыпает
Померкший пруд в овраге;
лишь ласточка взрезает
Нить жемчуга на влаге.
Ушли за днем послушно
последних туч волокна.
О, как под кровлей душно,
Хотя раскрыты окна!
О нет, такую пытку
Переносить не буду;
я знаю, кто в калитку
Теперь подходит к пруду.
26 января 1867

«Хотя по-прежнему зеваю...»
Хотя по-прежнему зеваю,
Степной Тантал, –
Увы, я больше не витаю,
Где я витал!
У одичалой, непослушной
Мечты моей
Нет этой поступи воздушной
Царицы фей.
В лугах поэзии зарями
Из тайны слез
Не спеют росы жемчугами,
А бьет мороз.
И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растение
В сухой земле.
О, приезжай же светлым утром,
Когда наш сад
С востока убран перламутром,
Как грот наяд.
В тени убогого балкона,
Без звонких лир,
Во славу нимф и Аполлона
Устроим пир.
Тебе побегов тополь чинный
Даст для венца,
Когда остудим пеной винной
Мы тук тельца.
Найду начальный стих пэана
я в честь твою;
Не хватит сил допить стакана –
Хоть разолью!
январь или февраль 1869

Лизиас и Вакхида
(Идиллия)

О, непонятные, жестокие мужчины!
И охлаждение их и страсть к нам – без причины.
Семь дней тому назад еще в последний раз
Здесь предо мной вздыхал и плакал Лизиас.
Я верила, я им гордилась, любовалась.
Ты видишь, Пифия? Всё нынче миновалось!
Зову – не слушает. Спроси, отворожен
Он зельем, что ль, каким? Или обижен он
Вакхидой верною? Давно ль, склоня колены,
Преследовал меня богач из Митилены,
Швырялся золотом, нес мирры, пышных роз,
И руку предлагал? – О, сколько горьких слез
Мне стоил Лизиас!
Пифия

Я помню, ревновала
Его ты к флейтщице. Я знаю, та Цимбала
Тяжелокосая с Филлидою-змеей
Всегда вдвоем. – Куда ты, Лизиас? Постой!
Признайся лучше!
Лизиас

В чем?
Пифия

Я правдой не обижу.
Недаром флейтщиц я лезбейских ненавижу.
Вот всепобедные сирены! Слушай смех.
Ведь не Вакхида я смиренница. При всех
Скажу, что видела на днях. Бываю часто
На пышных я пирах. Наследник Феофраста
Звал ужинать. Он сам красноречив, пригож
И ласков. Собрались. В венках вся молодежь,
Вся раздушенная; в венке на крайнем ложе
С седою бородой мудрец известный тоже
Возлег. Мне не забыть сурового лица.
Всем хочется речей послушать мудреца..
Вдруг флейты ласковой, игривой, вдохновенной,
фригийской флейты зов раздался вожделенный,
И легкая, как лань, лезбеянка вошла,
Остановилась, всех взором обвела
И старцу мудрому, исполнена тревоги,
Кудрявой головой, в цветах, поникла в ноги.
Но старец ей, смеясь: «Нашла же, где упасть!
Беседе рад мудрец, но презирает страсть» –
И оттолкнул ее. Смущенная позором,
Лезбеянка встает; но флейты страстным хором
Зовут танцовщицу, – и вот уже она
Несется, кружится, полуобнажена
И беззаветного исполнена желанья.
Я женщина – и то.. Нет, страшные созданья!
Смотрю – философ наш, порыва не тая,
Встает, кричит: «Все прочь! сюда! она моя!»
Вмешался тут Дифил, повеса и гуляка,
Поднялся общий шум, и завязалась драка.
Венок у мудреца сорвали с головы..
Смех! – Вот лезбеянки, ты видишь, каковы.
А ты еще ее, Вакхиду, голубицу,
Решился променять на флейтщицу-срамницу,
На черноглазую Цимбалу.
Вакхида

Нет, постой,
Подруга Пифия! Мне хочется самой
Ему напомнить ночь, как, веря юным силам,
Он пил наперебой с Тразоном и Дифилом.

Позвали флейтщиц к вам. – Я не спускала глаз. –
Хотя Цимбалу ты поцеловал пять раз,
Ты этим лишь себя унизил. Но Филлида!
Я всё заметила, не подавая вида, –
Как ты глазами ей указывал фиал,
Тобою отпитой, как ты рабу шептал,
Наполнив вновь его, тайком снести к Филлиде.
Нет, вспомнить не могу я о такой обиде! –
Как, закусивши плод и видя, что Тразон
О Диогене в спор с Дифилом погружен,
Ты яблоко швырнул – и на лету поймала
Она его, смеясь; потом поцеловала
И спрятала. – Ну что? Что скажешь ты теперь?
Лизиас

я пьян был и шутил. Нет, Пифия, не верь
Ты ревности ее. Ее ты защищаешь,
Но скажешь ты не то, когда ты всё узнаешь.
Вакхида, выслушай! Довольно я молчал!
На ложе с отроком я сам тебя застал!
Вакхида

Меня? О боги! Где? Когда? В какую пору?
Лизиас

Ты знаешь, что, меня строжайшему надзору
Отец из-за тебя подвергнув, приказал,
чтоб раб мне по ночам дверей не отпирал.
Семь дней тому назад, желаньем истомленный,
Позвал Дримона я. Мой сверстник благосклонный
Подставил у стены мне спину – и по ней
Я перелез. Бегу – и вот я у дверей
Моей возлюбленной. Была уж полночь, пели
Вторые петухи. Дверь заперта. Ужели
Стучать, греметь? Махну я через двор, – знаком
Мне этот путь. Вхожу я ощупью в твой дом,
Нащупал я постель.
Вакхида

О боги! Умираю!
Что скажет он еще?
Лизиас

Я слухом различаю
Дыхание двоих. Сперва мне мысль пришла –
Рабыню Лиду спать ты, видно, позвала;
Но тихо я впотьмах к вам простираю руки..
О Пифия! пойми, какие злые муки
Я вынес! Ищущей рукою я напал
На кожу нежную: то отрок возлежал,
Благоухающий, с обритой головою..
О, если б нож тогда случился под рукою!
Не смейся, Пифия: ужасен мой рассказ!
Вакхида

И только? Вот за что ты в гневе, Лизиас?
То Пифия была.
Пифия

К чему ты всё болтаешь!
Вакхида

Зачем скрывать? Теперь, мой Лизиас, ты знаешь:
То Пифия была.
Лизиас

С обритой головой?
Ну, скоро ж у нее роскошною косой

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Успели локоны густые увенчаться!
Сам феникс быстро так не может возрождаться;
На бритой голове коса узлом в шесть дней!
Вакхида

Боясь, чтобы болезнь недавняя кудрей
Ей не испортила, она без сожаленья
Обрилась, – а на ней чужое украшенья.
Сними ж его на миг, друг Пифия! Глазам
Ревнивец наконец пускай поверит сам.
Ты видишь, – вот она, невинная прикраса,
А вот и отрок злой, что мучил Лизиаса!
1869

«Когда б в полете скоротечном...»
Когда б в полете скоротечном
Того, что призывает жить,
Я мог, по выборе сердечном,
Любые дни остановить, –
Порой, когда томит щедротой
Нас сила непонятно чья,
На миг пленился б я заботой
Детей, прудящих бег ручья,
И, поджидая и ревнуя,
В пору любви, в тиши ночной,
Я под печатью поцелуя
Забыл заре воскликнуть: «Стой!»
Перед зеленым колыханьем
Безбрежных зреющих полей
Я б истомился ожиданьем
Тяжелых, непосильных дней.
Я б ждал, покуда днем бесшумным
Замрет тоскливый труд и страх,
Когда вся рожь по тесным гумнам
Столпится в золотых скирдах.
1870?

Крысы
К хозяину в день стачки
Сбежались прачки –
И подняли на целый дом
Содом.
Как трубы медные в ушах у господина
Трещат Настасья, Акулина:
«Извольте посмотреть на гофренный чепец!
Пришел всей прачечной конец!
Хоть мыла не клади, не разводи крахмала:
От крыс житья не стало.
Всю ночь, с зари и до зари,
По всем горшкам – и лезут в фонари.
Нахальству меры уж не знают:
Днем мы работаем – они себе гуляют!»
– «А что же делают коты?»
– «Помилуйте, разлопались скоты!
Придет, мяучит об отвесном.
Ну, выдашь; что ж ему за радость в месте тесном
С зубастой крысою схватиться? Да троих –
Для крыс не по нутру – и нет уже в живых:
Замучили». – «Постой! за ум возьмитесь сами!
Подумайте! Страшны ведь крысы нам зубами,
А зубы точатся у них на всякий час
Об корки, сухари и весь сухой запас.
Старайтесь кашу есть да пейте больше квасу,
Сухого же держать не смейте вы запасу,
Чтоб не было над чем им зубы поточить,
А чтоб в жилье злодеек не пустить –
Какая стирка тут! Работа уж какая! –
Сидите день и ночь вы, глазом не мигая,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И только бестия к вам выйдет есть иль пить –
За хвост ее, за хвост! Не смейте сами бить,
А прямо уж ко мне: я разберу всё дело». .
Не знаю, много ли у прачек уцелело
Хозяйского добра; но в доме благодать:
Про крыс помину нет и жалоб не слышать.
1879

«Это утро, радость эта...»
Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,
Эти ивы и березы,
Эти капли – эти слезы,
Этот пух – не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,
Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё – весна.
1881?

«Заиграли на рояле...»
Заиграли на рояле,
И под звон чужих напевов
Завертелись, заплясали
Изумительные куклы.
Блеск нарядов их чудесен –
Шелк и звезды золотые.
Что за чуткость к ритму песен:
Там играют – здесь трепещут.
Вид приличен и неробок,
А наряды – загляденье;
Только жаль, у милых пробок
Так тела прямолинейны!
Но красой сияют вящей
Их роскошные одежды...
Что б такой убор блестящий
Настоящему поэту!
1882

«Так, он безумствует; то бред воображенья...»
Так, он безумствует; то бред воображенья.
Я вижу: верный пес у ног твоих лежит, –
Смущают сон его воздушные виденья,
И быстрой птице вслед он лает и визжит;
Но, гордая, пойми: их бездна разделяет, –
Твой беспристрастный ум на помощь я зову:
Один томительно настичь свой сон желает,
Другой блаженствует и бредит наяву.
Начало 80-х гг.?

Перепел
Глупый перепел, гляди-ка,
Рядом тут живет синичка:
Как с железной клеткой тихо
И умно сжилась птичка!
Всё ты рвешься на свободу,
Головой толкаясь в клетку,
Вот, на место стен железных,
Натянули туго сетку.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Уж давно поет синичка,
Не страшась железных иголок,
Ты же всё не на свободе,
Только лысину напрыгал.
1884

Романс («Угадал – и я взволнован...»)
Угадал – и я взволнован,
Ты вошла – и я смущен,
Говоришь – я очарован.
Ты ли, я ли, или сон?
Тонкий запах, шелест платья, –
В голове и свет и мгла.
Глаз не смею приподнять я,
Чтобы в них ты не прочла.
Лжет лицо, а речь двояко;
Или мальчик я какой?
Боже, боже, как, однако,
Мне завиден жребий мой!
19 января 1885?

В.С. Соловьёву
Ты изумляешься, что я еще пою,
Как будто прежняя во храм вступает жрица,
И, чем-то молодым овеяв песнь мою,
То ласточка мелькнет, то длинная ресница.
Не всё же был я стар, и жизненных трудов
Не вечно на плеча ложилась обуза:
В беспечные года, в виду ночных пиров,
Огни потешные изготавляла муза.
Как сожигать тогда отраднo было их
В кругу приятелей, в глазах воздушной феи!
Их было множество, и ярких и цветных, –
Но рабский труд прервал веселые затеи.
И вот, когда теперь, поникнув головой
И исподлобья в даль одну вперяя взгляды,
Раздумье набредет тяжелою ногой
И слышишь выстрел ты, – то старые заряды.
10 апреля 1885

Комета
«Дедушка, это звезда не такая,
Знаю свою я звезду:
Всех-то добрее моя золотая,
Я ее тотчас найду!
Эта – гляди-ка, вон там, за рекою –
С огненным длинным пером,
Пишет она, что ни ночь, над землею,
Страшным пугает судом.
Как засветилась в небе пожаром,
Только и слышно с тех пор:
Будут у нас – появилась не даром –
Голод, война или мор».
«Полно, голубчик, напрасная смута;
Жили мы, будешь ты жить,
Будешь звезду, как и мы же, свою-то,
Видеть и вечно любить.
Этой недолго вон так красоваться,
Ей не сродниться ни с кем:
Будут покуда глядеть и бояться –
И позабудут совсем».
Между 1874 и 1886

Крез
В Сардах пир, – дворец раскрыл подвалы,
Блещут камни, жемчуги, фиалы, –
Сам Эзоп, недавний раб, смущен,
Нет числа треножникам, корзинам:

Дав законы суетным Афинам,
К Крезу прибыл странником Солон.
«Посмотри на эти груды злата!
Здесь и то, что нес верблюд Евфрата,
И над чем трудился хитрый грек;
Видишь рой моих рабынь стыдливый?
И скажи, – промолвил царь кичливый, –
Кто счастливый самый человек?»
«Царь, я вспомнил при твоём вопросе, –
Был ответ, – двух юношей в Аргосе:
Клеобис один, другой Битон.
Двух сынов в молитвах сладкой веры
Поминала жрица строгой Геры
И на играх славу их имен.
Раз быки священной колесницы
Опоздали к часу жертвы жрицы,
И народ не ведал, что начать;
Но ярмо тяжелое надето, –
Клеобис и Битон, два атлета,
К алтарю увозят сами мать.
„О, пошли ты им всех благ отныне,
Этим детям!“ – молится богине
Жрица-мать и тихо слезы льет.
Хор умолк, потух огонь во храме,
И украсил юношей венками,
Как победу чествуя, народ.
А когда усталых в мир видений
Сон склонил, с улыбкой тихий гений
Опрокинул факел жизни их,
Чтоб счастливцев, и блажен и светел,
Сонм героев и поэтов встретил
Там, где нет превратностей земных.»
«Неужель собрал я здесь напрасно
Всё, что так бесценно и прекрасно? –
Царь прервал Солона, морща лоб. –
Я богат, я властен необъятно!
Мне твое молчанье непонятно».
«Не пойму и я», – ввернул Эзоп.
«Царь, – сказал мудрец, – всё прах земное!
Без богов не мысли о герое;
Кто в живых, счастливцем не сльви.
Счастья нет, где нет сердец смиренных,
Нет искусств, нет песен вдохновенных,
Там, где нет семейства и любви».
1872

«Целый мир от красоты...»
Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.
Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, – человечесно.
Между 1874 и 1886

Лиле
Лови, лови ты
Часы веселий,
Пока ланиты
Не побледнели,
Но средь волнений
Живых и властных
Проси мгновений
У муз прекрасных.
Между 1874 и 1886

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
«Юноша, взором блестя, ты видишь все прелести девы...»
Юноша, взором блестя, ты видишь все прелести девы;
Взор преклонивши, она видит твою красоту.
Между 1874 и 1886

«О, не вверяйся ты шумному...»
О, не вверяйся ты шумному
Блеску толпы неразумному, –
Ты его миру безумному
Брось – и о нем не тужи.
Льни ты хотя б к преходящему,
Трепетной негой манящему, –
лишь одному настоящему,
Им лишь одним дорожи.
Между 1874 и 1886

«Чем доле я живу, чем больше пережил...»
Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл, –
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш отец, который в небесах,
Да свято имя мы твое блюдем в сердцах,
Да придет царствие твое, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг, – и мы прощаем должников,
И не введи ты нас, бессильных, в искушенье,
И от лукавого избави самоменья.
Между 1874 и 1886

«Он ест, – а ты цветешь напрасной красотой...»
Он ест, – а ты цветешь напрасной красотой,
Во мглу тяжелых туч сокрылась любовь,
И радость над твоей прелестной головою
Роскошною звездой не загорится вновь.
И жертва зависти, и жертва кривотолка,
За прелесть детскую погибнуть ты должна;
Так бьется, крылышки раскинув, перепелка,
Раздавлена ногой жующего вола.
30 марта 1886

«На зеленых уступах лесов...»
На зеленых уступах лесов
Неизменной своей белизной
Вознеслась ты под свод голубой
Над бродячей толпой облаков.
И земному в небесный чертог
Не дано ничему достигать:
Соберется туманная рать –
И растает у царственных ног.
23 июля 1886

«В те дни, как божествам для происков влюбленных...»
В те дни, как божествам для происков влюбленных
Бродить среди людей случалось не раз,
При помощи собак, Дианой обученных,
Пресветлый Аполлон овечье стадо пас.
Любил своих овец сей пастырь именитый;
Как их улучшить быт – не мог придумать сам:
Тяжелорунные, конечно, овцы сыты;
Жаль только одного – свободы нет овцам.
Хитер на выдумки, влекомый чувством братства,
Меркурий пастыря в раздумье увидал
(Он только проходил с ночного волократства)
И пред задумчивым владыкою предстал.
«Не надивлюсь, – сказал, – как может ум великий
В потемках там бродить, где ясно всё как день?»

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Ты начинай с собак: оставь их для прилики,
Но только ты на всех намордники надень».
– «А волки?» – «Что?» – «Придут». – «Пустые это толки:
Им про намордники нельзя узнать в лесах.
Не тронут». – «Ну, пускай; пусть волки будут волки;
Но как с овцами быть? Подумай об овцах!»
– «А сами овцы что ж? Иль на себя не глянут?
Ведь жеребец ведет табун свой как тиран».
– «Баран не жеребец: их слушаться не станут.
Подумай сам, какой уж наибольший баран!»
– «Всё больше дива мне, признаюсь откровенно!
Препятствия во всём нарочно ищешь ты.
Пусть сами выберут своих, а ты мгновенно
Им лапы отрасти да закорючь хвосты».
«Мысль – дать собачий чин – отличная, признаться:
Науки обретут и пользу в ней и честь;
Но стражи новые должны же и питаться:
Не лишнее спросить – что оборотню есть?»
– «Конечно, натошак служить накладно миру,
Но может ли вопрос возникнуть в том какой?
Тут овцы, поглядишь, готовы лопнуть с жиру:
Дозволь такой овце всеядной быть овцой».
Так всё улажено. Все овцы без оглядок
Бегут, жуют кусты и суются под тень.
Собакам из овец кусок служебный сладок,
А прежние – глядят, да на носу ремень.
Промеж овец везде доходит уж до драки –
Знать, стало невтерпех порядки эти несть, –
И каждой хочется из них попасть в собаки:
Чем накормить собой другого, лучше есть.
В дрему и болотах все овцы побывали, –
Не знают, как бежать, укрыться только где б, –
И овцы извелись, и овцы зачихали...
Не знаю, долго ли над ними бился феб.
1886

«Чуждые огласки...»
Чуждые огласки,
Слышу речи ласки,
Вижу эти глазки,
Чую сердца дрожь, –
Томных грез поруки,
Засыпают звуки...
Их немые муки
Только ты поймешь!
31 января 1887

«Озираясь на юность тревожно...»
Озираясь на юность тревожно,
Будь заветной святыне верна!
Для надежды граница возможна, –
Невозможна для веры она.
Не дивись же, что прежнее пламя
Всё твою окружает красу:
Ты уходишь, но верное знамя
На ходу над собой я несусь.
14 сентября 1889

«Погляди мне в глаза хоть на миг...»
Погляди мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней:
Чем яснее безумство в твоих,
Тем блаженство мое несомненней.
Не дано мне витийство: не мне
Связных слов преднамеренный лепет! –
А больного безумца вдвойне
Выдают не реченья, а трепет.
Не стыжусь заиканий своих:

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Что доступнее, то многоценней.
Погляди ж мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней.
3 апреля 1890

«Что молчишь? Иль не видишь – горю...»
Что молчишь? Иль не видишь – горю,
Всё равно – отстрани хоть, приветь ли.
Я тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.
Отчего же сомненье свое
Не гасить мне в неведение этом?
Отчего же молчанье твое
Не наполнить мне радужным светом?
Может быть, я при нем рассмотрю,
В нем отрадного, робкого нет ли...
Хоть тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.
11 ноября 1890

The Echoes
Та же звездочка на небе,
Та ж внизу течет река, –
Смолк давно лишь голос милый,
Радость сердца далека!
Эхо вторит мне уныло:
Далека!
Тот же в роще молчаливой
Бьет веселый, светлый ключ;
Но отрадный лик былого
Не проглянет из-за туч!
Грустно шепчет эхо снова:
Из-за туч.
Та же птичка, что певала,
Ночью песнь свою поет;
Но та песнь грустнее стала,
Радость на сердце нейдет!
Эхо тихо простонало:
Да, нейдет!
Голос прошлого родного,
Ты умолкнешь ли когда?
Не буди ты сновидений,
Что умчались навсегда!
Снова эхо в отдаленьи
Вторит: навсегда!
«Тяжело в ночной тиши...»
Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души
Пред безглазым домовым,
Темным призраком немым,
Как стихийная волна
Над душой одна вольна.
Но зато люблю я днем,
Как замолкнет всё кругом,
Различать, раздумья полн,
Тихий плеск житейских волн.
Не меня гнетет волна,
Мысль свежа, душа вольна;
Каждый миг сказать хочу:
«Это я!» Но я молчу.
15 сентября 1892

Стихотворения на случай, послания, посвящения, эпиграммы, отрывки
«Нет, сколько козней ты ни крой...»
Нет, сколько козней ты ни крой,
Я твоего не слышу бреда,
Пошлю я в лавку за икрой
И ждать не стану до обеда.

«Григорьев, музами водим...»
Григорьев, музами водим,
Налил чернил на сор бумажный,
И вопиет с осанкой важной:
«Вострепещите!» мой Вадим.
1839?

Эпиграмма
Он в идее вечно жаден,
А в конкрете он свиреп,
Догматически нескладен
И практически нелеп.
1842

Автору стихов «Безымянному критику»
(М. Дмитриеву, который поместил их в «Москвитянине»)

Как тебе достало духу
Руси подличать в глаза?
Карамзин тебе даст плюху,
Ломоносов даст туза.
Кто ни честен, кто ни славен,
Будет славен сам собой;
Ни Жуковский, ни Державин
Не нуждаются тобой.
Будь каких ты хочешь мнений
О России до Петра –
От твоих стихотворений
Не прибудет нам добра.

...
Где ответ на глупость эту?
И кому тебя судить?
Нет, не мирному поэту, –
Надо в клинику сходить.

...
Жалко племени младого,
Где отцы, ни дать ни взять
Как хавроньи, всё, что ново,
Научают попирать.
Где народности примеры?
Не у Спасских ли ворот,
Где во славу русской веры
Казачи крестят народ?
Да, у нас на месте лобном,
На народной площади,
Калачи так славно сдобны,
Что наелся и – ...
Горько вам, что ваших псарен
Не зовем церквами мы,
Что теперь не важен барин,
Важны дельные умы.
Да, Россия властью вашей
Та же, что и до Петра;
Набивает брюхо кашей
И рыгает до утра.
Что вам Пушкин? Ваши боги
Вам поют о старине
И печатают эклоги
У холопьев на спине
Ноябрь 1842

«В зверинец мой раскрыты двери...»
В зверинец мой раскрыты двери,
Зверей подобных в мире нет,
Рассортированы все звери,
И каждому дан свой куплет.

Вот Крюднер, капитан хохлатый,
Он привезен из дальних стран,
Молодцеватый, грубоватый,
А вот при нем его Бриган.
Вот Кащенки – и Петр, и Павел,
Я в клетке их держу одной,
Зверьки ручные, честных правил
И по-домашнему с ленцой.
Вот Пален; петухом ли шпанским,
Аистом ли его назвать?
Он поится одним шампанским;
Полегче, ног бы не сломать!
Вот Рап-кобель. Каким-то чудом
И Агапей при нем всегда.
Кто кобелем, а кто верблюдом
Заняться может, господа.
Кази усами разукрашен,
Турецкой силой одарен.
Он бородою только страшен,
И до клубнички падох он.
А вот Кудашев; он был князем
Вдали, на южных островах;
Силач, он всех кидает наземь
И татуирован в ...
А вот Краевский; с пальмы южной,
Страны полуденной жилец,
Но как обманчив вид наружный:
Он только с виду молодец.
Вот Клопман; ящик с зеркалами,
В помадной банке корм стоит,
Что день, то щетка; он духами
От головы до ног облит.
Вот отделенье мелкой птицы:
Борисов, чтобы не забыть;
Он к нам приехал из столицы
«Мое почтенье» говорить.
А тут, лишь клетку повернете,
Для крошки в ящике простор;
Та крошка фонька Ревелиоти,
Мала, но ноготок востер.
Вот Иваненко для закуски,
В бараньих завитках кругом;
Не знаю, шпанский или русский,
Но только знаю – с курдюком.
1845

«Поднялася пыль степная...»
Поднялася пыль степная,
Солнышко взошло,
Всюду сбруя боевая
Блещет как стекло.
Август 1845

В альбом А.Я. Марченко
Стихом простым, стихом случайным,
Назло альбомам и стихам,
К воспоминаньям грустным, тайным
Поползновенья я не дам.
Весны обманчивой жилища,
Минутных роз минутный друг,
Без сожаления, как птица,
Перенесись на нежный юг.
Звездам Украины полудикой,
Как в дни былые, не молись:
Иной картиною великой
Поражена, остановись!
Твой женский глаз, лучом поспешным
Окинув моря благодать,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Подметит то, чего нам, грешным,
Во век веков не увидеть.
1846

А.Л. Бржевской
Я вам пророчил поклоненье,
Венец прекрасному челу,
И расточал свое уменье
Воздать вам должную хвалу.
Теперь же слабый мой умишка
Не больше сделает добра,
Как театральная афишка
О пьесе, сыгранной вчера.
9 сентября 1847

«Я жертву приносил обильную Прияпу...»
Я жертву приносил обильную Прияпу
И жаждал новые во храм его снести,
Но бог велел меня немедля к Эскулапу
Вулкановой супруге отвести.
В изгнании моем я долго тосковал,
Кляня всех нимф, как самых злобных фурий.
Суровый бог мне ноги заковал,
А расковал услужливый Меркурий.
Теперь намерен я, чтоб больше не страдать,
То всякий раз, как я пойду к Прияпу,
Чтоб грозный бог не мог меня узнать,
На плешь надвигивать спасительную шляпу.
1852

«Пусть критика и злобна, и зубаста!..»
Пусть критика и злобна, и зубаста!
Не тронуть ей меня;
Пегасу я сказал на время – баста,
Сажуся на коня!
Между 1848 и 1853

«Поднять бокал в честь дружного союза...»
Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы нынче собрались.
Надень ему венок, шалунья муза,
Надень и улыбнись!
Январь 1856

«Весь переезд забавою...»
Весь переезд забавою
Казался; третьим днем
И морем мы, и Травною
До Любека дойдем.
И как бы ветру флюгером
Ни вздумалось играть,
Мы с капитаном Крюгером
Не будем трепетать.
Конец июля или начало августа 1857

Ответ старого поэта на 37 году от роду
Не поноси Замоскворечья,
Еще ты мало с ним знаком.
Не наноси ему увечья
Своим зловредным языком.
Декабрь 1857

«Возвестил народу...»
Возвестил народу
Уж с горы Афонской
Бэда-проповедник,
Что, быть может, к году
У мадам Полонской

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Явится наследник.
22 октября 1858

«Поэт, пророк, орловский знатный барин...»
Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О, как уверю я тебя,
Что я не Греч и не Фаддей Булгарин?
1859

Эпиталама графу Л.Н. Толстому
Кометой огненно-эфирной
В пучине солнечных семей,
Минутный гость и гость всемирный,
Ты долго странствовал ничей.
И лишь порой к нам блеск мгновенный
Ты досылал своим лучом,
То просияв звездой нетленной,
То грозным, пламенным мечом.
Но час и твой пробил, комета!
Благослови глагол его!
Пора свершать душе поэта
Свой путь у солнца одного,
Довольно странствовать по миру,
Пора одно, одно любить,
Пора блестящему эфиру
От моря сушу отделить,
Забыть вражды судьбы безбрачной,
Пути блудящего огня,
И расцвести одеждой злачной
В сияньи солнечного дня.
Октябрь 1862

И.С. Тургеневу
Тебя искал мой стих по всем концам земли,
И вот настиг он в Rue de Rivoli.
Не знать, куда писать, меня ужасно бесит:
Затем-то затвердил я номер 210.
О чем писать? о чем? Как туп такой вопрос!
Когда б я разом мог всё то, что лезет в нос,
Сказать иль очеркнуть стихами или прозой,
Так я бы не стоял, как тот осел над розой,
Которого ты нам на невских берегах
Так ясно указал в журнальных крикунах.
Люблю, в согласии иль во вражде открытой,
С тобой беседовать, поэт наш знаменитый.
Ценя сердечного безумия полет,
Я тем лишь дорожу, кто сразу всё поймет –
И тройку, и свирель, и Гегеля, и суку,
И фриз, и рококо крутую закорюку,
И лебедя в огнях скатившегося дня, –
Ну, словом, чуткий ум душе моей родня.
Ты понял и теперь, что этими словами
Хвалю я не себя. Подобными хвалами
Пусть забавляется тот юный хор калек,
Который думает: «Всё понял человек».
А мы – зайдет ли речь о Дании иль Польше –
Мы знаем: журавли гораздо смыслят больше
Об этих казусах, чем мудрые земли.
Хоть вспомни Ивика! Хвала вам, журавли!
Приличие? И тут ты повторял, бывало,
Что мудрая о нем старуха толковала:
«Приличен каждый зверь, носящий сзади хвост,
Затем что он умен, а между прочим прост».
Взгляни в Степановке на фатьму-кобылицу:
Ну, право, поезжай в деревню иль столицу,
Едва ль где женщину ей равную найдешь, –
Так глаз ее умен, так взгляд ее хорош.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Вся в сетке, рыжая, прекраснейшего тона,
Стоит и движется, как римская матрона.
Так не претензиях тут дело, а в одной
Врожденной чуткости. – Подумай-ка, какой
Дубиной нужно быть, чтоб отрицать искусство,
Права на собственность, родительское чувство,
Самосознание, – ну, словом, наконец,
Всё то, чего не знать не может и слепец.
А этим юное кичится поколение!
К чему ж их привело природы изученье?
Сама природа их наводит на беду.
Поймавши на слове, я к фатьме их веду.
Она хоть нежный пол и ходит в кринолине,
Но не уступит прав на кафедру мужчине.
Что ж проповедует она? Ее сосун
Щипал при ней сенцо. Вот подошел стригун
И стал его теснить, сам ставши над корытом;
Но истинная мать так зубом и копытом
Сумела угостить пришедшего не в час,
Что тот не сунется уж к ним в другой-то раз.
«Что ж, сила грубая! На то она кобыла!».
Груба ль, нежна ль она, – я знаю: сила – сила.
То сила им груба, то тянутся из жил,
Чтобы расковырять указкой силу сил.
Но полно Пиерид пугать таким предметом.
Ужели нынешним тебя не встретит летом
Осинка «Reviendront» и необъятный пруд,
Где пихты стройные по берегам растут
И где гуляющий, как мощная Россия,
Пожалуй, невзначай наступит и на змия,
Где стройный хор берез и вереницы лип
Тебя приветствуют, блаженный Аристипп,
Где, умиления исполненный и жару,
Я пред тобой возжечь всегда готов сигару
И в дни июльские, когда горит душа,
Кричать «лупи его!», как срежешь черныша.
Люблю я видеть кровь лукавой этой птицы:
Бровь красная ее, дьячковские косицы,
И белые портки мне раздражают взор.
Но, кажется, опять понес я прежний вздор.
Привычка, подлинно, вторая в нас натура:
Наш брат куда ни ткнись – везде литература!
Вчера меня с утра охота петь взяла
«На холмах Грузии лежит ночная мгла»;
Заставил я жену, забывши завтрак, рано
Усесться разбирать романс у фортепьяно.
Про этот я романс скажу тебе одно:
Коль услышать его мне будет суждено
От Полигимнии, его облекшей в звуки,
То прежде попрошу связать мне ноги, руки,
Чтобы, пришедши вдруг в болезненный экстаз,
Я в доме каковых не учинил проказ.
Но извини меня! я заврался безбожно,
Да сам же подал ты пример неосторожно
Ломать язык богов над будничным письмом.
Пора и перестать. Кончаю. Дело в том,
Чтоб озабоченный бездельем иль делами,
Ты не забыл писать мне прозой иль стихами.
Ты знаешь, как мне мил и дорог твой привет.
Жена приветствует тебя и твой А.Фет.
20 апреля 1864

Н.А. Офросимовой при посылки двух пуговок
Вас нет – и плакать я готов,
И ангел мой без вас вздыхает.
Старик-токарь своих трудов
Вам две застешки посылает.
Когда работал их чудак,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
То с вами мысль его дружилась:
О, не кружитесь в жизни так,
Как кость слоновая кружилась!
22 февраля 1869

К фотографической карточке (Mlle Viardot)
Послушный снимок с идеала,
Как ты воздушен, свеж и мил!
Тебя не кисть живописала,
А солнца луч изобразил.
В блаженной роскоши расцвета
Признав забытые черты,
Затрепетала грудь поэта
Под обаяньем красоты.
На зов ласкательной святыни
Душой воскреснувшей летя,
Я вижу в образе богини
Давно знакомое дитя.
1869

М.Н. Лонгинову
Я был у Кача и Орбека,
Молил, просил;
Не отыскалось человека
Продать чернил.
Хоть плачь, хоть требуй благородно,
Хоть их беси,
Дают чернил каких угодно,
Да не Plessy.
Коммуна-де да прусский гений
Наслали бед;
Французских к нам произведений
В подвозе нет.
Теперь, о Клио, понимаю,
Как их...!
С тоскою в сердце прилагаю
Здесь 2 рубли.
Но яд чернил к душе поэта
Не подноси!
В таможене ждут: к исходу лета
Придет Plessy.
2 июля 1871

К памятнику Пушкина
Свободного стиха прославленный творец,
Услышана твоя молитва, друг народа:
По манию царя взошла заря – свобода,
И солнце озарит твой бронзовый венец.
1871

Посреднику М.М. Хрущову
Противу вечному закону
Встает отродье злой семьи
То в виде страшного дракона,
То в хитром образе змеи.
Но – вечный солнца проповедник –
В борьбе со злобою и тьмой
Не покидает нас посредник
Меж светом божьим и землей.
Жива спасительная сила,
Переходя из рода в род,
И копьеносца Михаила
Сегодня празднует народ.
И он от правды не отступит:
Неумолим, как в старину,
На змея-писаря наступит,
Коля дракона-старшину.
8 ноября 1872

«Амур – начальник Гименея...»
Амур – начальник Гименея,
А Гименей без водки – пас,
Вот отчего я, не краснея,
Решаюсь беспокоить вас.
Податель сей бежит к Гимену,
А вы, Амур, уж так и быть,
Велите за простую цену
Покрепче водки отпустить.
Вам труд не будет безвозмездный,
О нет, – котлеты посочней
У них тебе, Амур уездный,
Подаст наш повар Гименей.
И, тарантасик ваш походный
Узнав по тысячи примет,
«Вот он, заступник всенародный!» –
Воскликнет Афанасий Фет.
1873

«Наш шеф – владыка всенародный...»
Наш шеф – владыка всенародный,
И наша гордость всем ясна.
Блестящей прядью этишкета
Семья улан закреплена.
И к ней исполнена привета,
Как кубок, искристый до дна,
Везде душа улана фета
И отставного Шеншина.
21 марта 1874

Графу Л.Н. Толстому
Всё стремлюсь к тебе мечтою.
Мучусь, не узнав:
Разболелся ль ты душою,
Дорогой мой граф?
Окунулся ли в пучину,
Где не видно зги?
Если так – пиши картину
И не в чем не лги.
День – твой враг, и днем полезно
Помнить ремесло;
Только эта бездна звездна,
Только в ней светло.
Лишь из мрака хляби душевной,
Из грозящих жерл,
Водолаз великодушный,
К нам взнесешь ты перл.
Посмотрите, мол, осины
И гнилые пни:
Вот как ищут исполины
Даже в наши дни!
1875?

П.И. Борисову
Милый Петя! Вот и мы!
Питер вроде мне чумы.
День-деньской я там зевал,
И Покровку вспоминал.
Но зато в четверг с полдня
Снова праздник для меня.
В час полудня, милый мой,
Поезд двинет нас домой.
В страны, где Толстой цветет,
Где Степановка растет,
Где господь сказал ей: спи
На раздолье, на степи.
Оля, тетя, все, любя,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Обнимаем мы тебя.
На минутку хоть урвись,
С нами лично распростиись.
Будь здоров, не знай кручин.
Старый дядя твой Шеншин
19 апреля 1876

«В день позавидуешь раз со сто...»
В день позавидуешь раз со сто
Твоей учености, друг мой:
Всё для тебя светло и просто
Там, где брожу я как слепой.
Кругом по стеночке в манеже
Тебе отлично гарцевать,
Когда мне, бедному невеже,
В ночной степи хоть пропадать.
декабрь 1876

«Хоть потолстеть мой дух алкает...»
Хоть потолстеть мой дух алкает,
Хоть страх берет свихнуть потом,
Но эта робость исчезает
Перед талантом и умом.
Устали крылья от размахов,
Чтоб дух раздуть умом чужим,
Но всё я вас не вижу, страхов,
Хоть и желаю быть толст им.
27 июня 1877

К бюсту Ртищева в Воробьевке
Прости меня, почтенный лик
Здесь дней минувших властелина,
Что медной головой поник,
Взирая на меня с камина.
Прости: ты видишь сам, я чту
Тебя покорно, без ошибки,
Но не дождусь, когда прочту
Значенье бронзовой улыбки.
Поник ты старой головой,
Смеясь, может быть, утратам.
Да, я ворвался в угол твой
Наперекор твоим пенатам.
Ты жил и пышно, и умно,
Как подобало истым барам;
Упрочил ригой ты гумно,
Восполнив дом и сад амбаром.
Дневных забот и платья бич,
Твоих волос не знала пудра;
Ты каждый складывал кирпич
И каждый гвоздь вбивал премудро.
Не бойся, не к тому я вел,
Чтоб уколоть тебя сатирой;
Не улыбайся, что вошел
К тебе поэт с болтливой лирой.
«Поэт! Легко сказать: поэт –
Еще лирический к тому же!
Вот мой преемник и сосед,
Каких не выдумаешь хуже.
Поэт безумствовать лишь рад,
Он свеж для ежедневных терний...»
Не продолжай на этот лад,
Тебе не к стати толки черни.
Не по годам такая прыть,
Уж мы ее бросаем с веком,
И я надеюсь сговорить
С тобой, как с дельным человеком.
Тупым оставим храбрецам
Всё их нахальство, все капризы;

Ты видишь, как я чищу сам
Твои замки, твои карнизы.
Простим друг другу все грехи;
И я у гробового входа!
Порукой в том мои стихи
Из дидактического рода.
февраль 1878

К нашим ослам
Нам повторяли все в речах картинных:
«Вам суждено бездетность перенести,
И не видать вам этих лиц невинных,
В которых что-то ангельское есть».
Исполнились всеобщие желанья,
Господь утешил нас на склоне дней –
И вас послал, невинные созданья,
Послушных и играющих детей.
Господь велик! он старость успокоил.
Гуляйте, детки, тешьтесь в добрый час!
И милосердный милость тем удвоил,
Что взрослыми мы не увидим вас.
5 ноября 1878

М.М. Хрущову
Пускай с копьем противу злого
Всегда архангел Михаил,
Но и любовь земного
Богат носитель горних сил.
Не сном глава его объята
Под райским деревом, в тени, –
Всё, что воздушно и крылато,
Ему поистине сродни.
И верю – праведен он будет, –
Прямой судья добру и злу, –
И воробьев он не забудет,
Хотя сочувствует орлу.
8 ноября 1878

«Не толкуй об обезьяне...»
Не толкуй об обезьяне,
Что людей родила,
Не толкуй мне об Татьяне, –
Так она постыла.
Water closet, closet water...
Рассуждая прямо,
Mater aīma, aīma mater –
Всё гнилая яма.
В ней, покуда чин стяжаешь,
Изумя Европу,
Рожу калом измараешь,
А не то что...
январь 1879

П.П. Боткину
«Христос воскрес!» – клик весенний.
Кому ж послать его в стихах,
Как не тому, кто в дождь осенний
И в январе – с цветком в руках?
Твои букеты – вести мая,
Дань поклоненья красоте.
Ты их несешь, не забывая
О тяжком жизненном кресте.
Но ныне праздник искупленья,
Дни обновительных чудес, –
Так будь здоров для поздравленья,
Твердя: «Воистину воскрес!»
31 марта 1879

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
К.Ф. Ревелиоти

Свиданье наше предвкушая
И лет почтенности скорбя,
Хоть Федосеевича знаю,
Как фоню обниму тебя!
25 августа 1879

А.П. Боткиной – невесте
Хотя любовь препобедила
И торжества подводит час,
Она и к нам свой взор склонила,
И не забыла Анна нас.
Там, где царит метель и вьюга,
Где жизнь полна тоски и зла,
Твой ананас – эмблема юга,
Благоуханья и тепла.
Когда настанет день ненастный,
На сердце мрак и грусть падет,
Мы вспомним жребий твой прекрасный,
И Анна нас тогда спасет.
Февраль 1880

А.П. Боткиной при получении апельсинов
Вот спасибо, мой дружок,
Не забыла ветерана!
Будь сама как королек
И сладка ты и румяна.
Свей гнездо – хоть где-нибудь,
За Невой, Москвой иль Вислой, –
Только замужем не будь
Апельсин ты желтый, кислый.
1880

Послание П.Н. Каратееву
На петербургских плюнь злодеев;
Пусть дьявол губит эту тлю. –
Тебя же, Павел Каратеев,
Лишь об одном теперь молю:
Весна придет: в окошко глянешь, –
Посев, косьба, посев опять,
И калачом уж не заманишь
Тебя к соседу ночевать.
А твой сосед, прямой пустынный
И сам слуга родной земле,
Тебе в угоду именинник
Не в сенокос, а в феврале.
Так посети – хоть вместе ляжем, –
Наш теплый верх тебе знаком, –
И новых жеребят покажем,
И на бильярде промахнем.
11 февраля 1880

Фет-Али-Шаха
Любовь и знанье вертопрахов –
Один капкан души чужой,
Но не пугаюсь я и страхов,
Тщедушен этим и толст той.
Апрель 1880

О.И. Щукиной
Спасибо вам! Мы вспоминаем
Ваш резвый смех с умом живым.
Без вас и май бы не был маем,
И старый парк бы был иным.
И не перила лишь пещрили
Вы разноцветной чередой,
А всю весну для нас увили
Вы лентой нежно-голубой.

Не только мы, – я чай, Колдунья
Не раз вздохнет под седоком:
«Зачем на мне не та летунья,
А этот неподъемный ком?»
Adieu, счастливо оставаться!
Июльский зной у нас настал, –
И хоть и лень за дело взяться,
Но «Gartenlaube» к вам послал.
15 мая 1880

А.А. Тимирязеву
Всё дождь и дождь, и солнце лик свой прячет,
А хлеб насущный наш гниет в снопах.
И кажется, само-то небо плачет
О прежних светлых, лучших наших днях.
На памяти моей старушки музы,
Как нуждам ты служил родной страны,
Как рабства нам помог ты свергнуть узы,
Как убирал кровавый след войны!
Не вольностей, а правды лишь блюститель,
К зовущему ты шел навстречу сам.
Мы были строй, ты был наш предводитель.
Каков успех? О том судить не нам.
Но прозой обычную, сухую,
Я не хочу в сей день тебя назвать,
Пред ангелом живым – твоей женою –
В день ангела земным упоминать.
Земное – что? Конечно, безрассудно
Роптать на зло, на злобу наших дней,
Но, если жить и праздному так трудно, –
Кто трудится, тому еще трудней.
Август 1880

Е.Г. Хрущевой
Я видел преданность и рвенье
И в долгом бдении путь вдвоем,
Я видел слезы умиленья
Над засыпающим птенцом.
Хотел бы письменной хвалою
День именин твоих почтить,
Но трудно прозой земною
Воздушных ангелов хвалить.
Бессилен голос лести светской,
Все похвалы здесь ни к чему –
И голос старческий и детский
Доступней сердцу твоему.
3 сентября 1880

Д.П. Боткину
Я с девятнадцатого дома.
Жена вернулась в тот же день –
В восторге от ее приема.
Его описывать мне лень.
Хоть, отдохнув в своей кровати,
На свет бодрее я гляжу,
Но всё минувшей благодати
В здоровье я не нахожу.
И бледно-розовые пятна,
Как возмутительный грешок,
Напоминают неприятно
О прижиганиях кишок.
Вчера, подосланный лукаво,
Молчанов-fils у нас гостил,
И я ему, обдумав здраво,
В кредит пшеницу отпустил.
Ее и всей-то оказалось
Не больше тысячи и ста.
Так чтоб на месте подымалась

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И забиралась без хвоста,
За четверть с десяти целковых
Четвертачок я уступил.
В задаток тысячу всё новых
Кредитками я получил.
Затем сиди и жди: когда-то
Увидишь светлую зарю;
В двадцатом ноября уплата
Двух тысяч, трех же – к январю.
А там опять он скажет warte,
И уж последних тысяч пять
Двадцатого уплатит в марте.
На месте трудно продавать.
Как цену наперед узнаешь?
Пойдет ли в гору иль в отвал?
Найдешь барыш иль прогадаешь?
Подумал – да и подписал.
Вы как здоровьем? Хоть бы вновь я
Не услышал о серых днях.
Что детки? Всё ли так же Софья
Сергевна в вечных попыхах?
Признаться, самому до смерти
Мне надоели попыхи;
Куда тебя не сунут черти –
Весь свет исполнен чепухи.
Изволь расхлебывать. Вот мельник
Пришел с расчетами за рожь, –
А не подумает бездельник,
Как дорог мой и рубль, и грош.
Ну чем я хуже Соломона
Степаныча, какой мудрец!
Примите наших два поклона –
И с тем посланию конец.
А за ночлеги и грибочки
Перед хозяйкой спину гну;
Уж родились же вы в сорочке,
Такую отыскав жену.
1881

А.Л. Бржевской
Хоть строчкой, бедная подруга,
Меня обрадуй ты в глуши.
Ты мне мила как память друга
И как весна моей души.
Май 1881

1881 года, 11 июля
Желаю Оле
Здоровья боле,
Чтоб жить ей доле –
Пока на воле,
А в брачной доле
У мужа в холе.
11 июля 1881

Любезному племяннику П.И. Борисову
Gaudes carminibus, carmina possumus

Donare et pretium dicere nioneri.

Horatius
Спасибо, друг, – ты упросил
Меня приняться за работу,
Твой юный голос разбудил
Камену, впавшую в дремоту.
Опять стихи мои нашли
То, что годами было скрыто.
Всё лето предо мною шли

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Причудник Фауст и Маргарита.
И вот преи́ден гористый путь:
Следи за мной, – но, бога ради,
Ты Мефистофилем не будь
Насчет стареющего дяди.
Октябрь 1881

Д.П. и С.С. Боткиным в день двадцатипятилетия их свадьбы 16 января 1884 года
Сегодня пир отрадн́ый мы венчаем,
Мы брачные подь́емлем чаши вновь.
Сегодня дружбе мы венец сплетаем
И празднуем счастливую любовь.
Красавицы, не преклоняйте вежды;
К чему скрывать румяный пы́л сердец,
Когда в груди у всех одни надежды,
Когда в душе у всех один венец?
Ни красоты, ни почестей, ни злата
В дыму мечты ты раем не зови;
Наш рай не там, меж Тигра и Евфрата,
А рай вот тут, у дружбы и любви.
Как сень его лелеет человека!
Как божеским дыхань́ем он объят!
В своей листве хранит он четверть века
Плоды любви и дружбы аромат.
И, умилясь сердца́ми, мы встречаем
Сей вертоград, подь́емля чаши вновь;
Сегодня дружбе мы венец сплетаем
И празднуем счастливую любовь.
28 октября 1883

О.М. Соловьевой
Рассеянной, неверною рукою
Я собирал поэзии цветы,
И в этот час мы встретились с тобою,
Поклонница и жрица красоты.
В безумце ты тоскующем признала
Прибывшего с знакомых берегов,
И кисть твоя волшебством разгадала
Язык цветов и сердца тайный зов.
И вот с тех пор, в роскошном их уборе
Завидевши те сельские цветы
Нетленными на матовом фарфоре,
Без подписи я знаю: это ты.
29 октября 1884

Ф.Е. Коршу в ответ на эпическое послание
Больному классику чтоб дать ответ российский,
Я избираю стих и лист александрийский;
Не думаю, меж тем, об оном я листе,
Чтоб облегчился ты без рези в животе.
Что ж делать! Такова российска Аретуза,
Что пить из ней нельзя без содроганья пуза.
О, что бы провещал ученейший Хирон,
Когда б на наших муз взглянул хоть мельком он,
У коих цензоры, благочестивы люди,
Обгрызли ногти все и вырезали груди,
Как режут эвнухов, что вывел Ювенал,
Хотя Гелиодор давно их окорнал.
И так и следует: зачем писать антично?
У наших цензоров узнал бы, что прилично!
Ведь не подумают античные глупцы,
Что могут русские обидеться скопцы.
Не должно смешивать двух разных направлений,
Иначе стать в тупик народный может гений;
И, мню я, самым тем ты простудил свой нос,
Что, переплывши Тибр, ты вышел на мороз.
Так вредны крайности, когда сойдутся ссорясь!
O rus! O глупости! O tempora, o mores!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Но как бы строгая ни выкликала Русь,
Тибулла покупать я к Кунду поплетусь.
Знать, старость слабая так распускает слюни:
Scribendi cacothetes tenet, сказал мой Юний.
Пора и кончить мне. Будь здоров, прими привет.
Хоть подпишу Шеншин, а все же выйдет – Фет
29 ноября 1884

Графине С.А. Толстой
Когда стопой слегка усталой
Зайдете в брошенный цветник,
Где под травую одичалой
Цветок подавленный преник,
Скажите: «Давнею порою
Тут жил поклонник красоты;
Он бескорыстною рукою
И для меня сажал цветы».
11 декабря 1884

В.С. Соловьеву
Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.
Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.
Боюсь, всю прелесть в нем убью
Я при такой перекочевки, –
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке!
17 мая 1885

К памятнику Маркевича
Любил он истину, любил он красоту
И дружбой призванных ценителей гордился,
Раздутой фразы он провидел пустоту
И правду говорить в лицо ей не страшился.
6 июля 1885

Ф.Е. Коршу
Геройских лет поклонник жадный
В тебе Миноса узнает:
Никто без нити Ариадны
В твоё владенье не войдет.
Но это суд земного рода:
Он не зовет души моей.
О, как я рад, что ты у входа
Стоишь в блаженный Елисей!
Взглянув на ширь долины злачной,
Никто не ценит так, как ты,
Все этой прелести прозрачной,
Все этой легкой простоты.
Вот почему, смирясь душою,
Тебя о милости прошу
И неуверенной рукою
Венки Тибулла подношу
2 октября 1885

Мите Боткину
Митя крошка,
Понемножку
Поджидай,
Да с Покровки
К Воробьевке
Подъезжай.
Не упрямый,

Сядешь с мамой
Ты в вагон,
А проснешься –
К нам взберешься
На балкон.
Будут розы,
Будут козы
Митю ждать,
Будет в гроте
Митю тетя
Целовать.
Первая половина 80-х гг.

«Понятен зов твой сердобольный...»
Понятен зов твой сердобольный
И для отцов и для детей:
С базара – храм искусств угольный,
Ты с переулка – дом б...
Между 1874 и 1886

М.М. Хрущову
Твоей приветливой щедротой,
Свободе в память золотой,
Кичась резьбой и позолотой,
Июльский столп передо мной.
И мыслью понял я свободной:
Игрушке место на земле
Не там, на площади народной,
А здесь, на письменном столе.
Между 1874 и 1886

«Ура, наш архангел отвинчен...»
Ура, наш архангел отвинчен,
Уж, раненый, в вате лежит;
Излечен, но не переинчен,
Он к нам из Москвы прилетит.
«В концы всей вселенной глаголы
Смотри, золотой Михаил,
Трубой про народные школы
Ты детям бы ног не скосил».
Между 1874 и 1886

Е.И. Баратынской
Я невпопад у вас в гостинной:
Когда восходит свет ума
И слышен посвист соловьиный,
На петуха находит тьма.
Между 1874 1886

«Ты хвастаешь, что ты с бессмертными в союзе...»
Ты хвастаешь, что ты с бессмертными в союзе, –
Быть может, ты и прав. Но как тебе сказать?..
Ты с заднего крыльца всегда заходишь к музе:
Ну где ж тебе в лицо богиню увидеть?
Пробраться тем путем напрасный труд положишь:
Ступени скользки там и всходы не светлы;
Но, если разобрать подъездов ты не можешь, –
У двери истинной ты не найдешь метлы.
Между 1874 и 1886

«Петр и Павел – вот примеры!..»
Петр и Павел – вот примеры!
Петр, как камень, нетягуч,
Неподатлив на химеры,
Бережет свой символ веры, –
А у Павла только ключ.
Между 1874 и 1886

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

«Беда с негромкими чинами...»

Беда с негромкими чинами,
Коль речь заходит о кресте:
Хоть я и буду с орденами,
Но только не для Вани те.
Между 1874 и 1886

«Поднять вас трудишься напрасно...»

Поднять вас трудишься напрасно:
Вы распластались на гроше.
Всё, что покруче, вам ужасно,
А всё, что плоско, – по душе.
Между 1874 и 1886

Ю.Б. Шумахер

Среди фиалок, в царстве роз
Примите искренний поклон;
А нас московский наш мороз
Не выпускает на балкон.
Один другому не указ,
Пусть каждый изберет свое, –
Кому Плющиха в самый раз,
Кому так жутко в Монтере.
Между 1874 и 1886

Л.И. Офросимовой

Воздушной, детскою и ясной
Окружены вы красотой.
Ей не сдаваться – труд напрасный:
Звездой чистой и прекрасной
Она горит над головой.
Но вас хвалить никто не смеет, –
Пред вами нищий – наш язык:
Отважный юноша робеет,
И зависть тайная бледнеет,
И изумляется старик.
1886

Т.А. Кузьминской при посылке портрета

Пускай мой старческий портрет
Вам повторяет, что уж нет
Во мне безумства прежней силы,
Но что цветете вы душой,
Цветете тонкою красой
И что по-прежнему вы милы.
12 февраля 1886

К N.N

Морщины думы и совета
Не красят твоего лица:
Со звонкой лирою поэта
Плющом довольствуйся певца.
Родится дивным музыкантом
На шаткой ветке соловей,
Но всё снегирь не будет Кантом
И Соломоном – воробей.
Май 1886

Е.С. Хомутовой при получении цветущих тубероз

Получивши туберозы,
Допущу ли, чтоб поэт
Языком ответил прозы
На душистый ваш привет?
И к жилищу доброй феи
Мчатся робкие мечты:
Из ее оранжереи
Мне ли чудные цветы?
1 августа 1886

Великому князю Константину Константиновичу
Певцам, высокое нам мило;
В нас разгоняет сон души
Днем – лучезарное светило,
Узоры звезд – в ночной тиши.
Поем мы пурпура сиянье,
Победы гордые часы,
И вечной меди изваянье,
И мимолетные красы.
Но нет красы, значеньем равной
Той, у которой всемогущ,
Из-под венца семьи державной
Нетленный зеленеет плющ.
4 декабря 1886

Королеве эллинов Ольге Константиновне
С безумною отвагою поэта
Дерзаю руки воздевать,
Моля того священного портрета,
Что только Феб умел списать,
Чтоб этот лик воздушный, бестелесный,
Про дальний блеск поведал сам,
И вечный луч красы его небесной
Сиял слабеющим глазам.
28 декабря 1886

«Смотрю, завидуя немножко...»
Смотрю, завидуя немножко,
На ваш альбом прекрасный я:
Как неизменна эта кошка!
Зачем не кошка эта я?
1886

Королеве эллинов Ольге Константиновне
В стенах, куда внесла Паллада
Оливу девственной рукой,
Теперь духовный мир Эллада
Приемлет от руки иной.
Всю память сердца, радость ока,
Акрополь, ты пленил один, –
И для жемчужины Востока
Оправы чище нет Афин.
1886

Ф.Е. Коршу
Тебя я пуще ждал всего,
Чтоб труд спугнуть отрадной грезой, –
Ты ж остроумья своего
Меня засыпал митральезой.
О rus! – Капуста, бураки,
Индейка, утка, солонина,
Не то из русской же реки
И разварная осетрина.
И вот сижу, понуря лоб,
Постыли музы с Аполлоном, –
Когда б не кашель, – сам давно б
Я прибежал к тебе с поклоном.
4 января 1887

Ф.Е. Коршу
Член Академии больной,
Всё порываюсь к прежней цели
И, благодарен всей душой,
Шлю за обещанным мне Paley.
За каждым есть свои грехи;
В одном лишь твердо я уверен:
Хоть и мараю я стихи,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Но книг мараить я не намерен.
Итак, склонившись головой,
Прошу прислать мне вашу книжку.
Простите, что Меркурий мой
Заменит тут мою одышку.
Смущаюсь я не раз один:
Как мне писать в делах текущих?
Я между плачущих Шеншин,
И Фет я только средь поющих.
11 января 1887

Графу А.В. Олсуфьеву
Вот наша книжка в толстом томе:
В своем далеком гетском Томи
По-русски стал писать Назон;
Но без твоих трудов – ей-богу! –
Для армяка забывши тогу,
Неряхой бы явился он.
Бывало, чуть он где споткнется
И на авось опять сошлется,
Славянским духом обуян, –
Ты, приводя к почетной цели,
Уже гласишь, что так велели
Сам Lors и Riese или Jahn.
И вот, оправленный, умытый,
Поэт наш римский знаменитый
Стоит, расчесан, как к венцу.
Чего ж кобенится упрямо?
Пусть отправляется он прямо
С поклоном к крестному отцу.
14 января 1887

Ф.Е. Коршу
На днях пускаемся мы в путь;
Хотел бы видеться с тобою,
Но домовый ко мне на грудь
Вновь наступил своей пятою:
То жалкой старости недуг,
Плутона близкая примета! –
Седьмого мчимся мы на юг
И будем мучиться всё лето.
Но, кроме горьких сельских нужд,
Есть на душе еще вериги,
И кто Проперцию не чужд –
Смотри «шестнадцать» в третьей книге.
Тебе доверясь, как отцу,
И смело выйдя на экзамен,
Мы передвинули к концу
Стихи до Quod si от Nes tamen. –
Чудесно! – Этой кутерьмы
Творца нам указал не ты ли?
Но – непривычные умы –
Мы имя автора забыли.
К тому ж пожалуй, не к тому
По середам мы хоть и скучно
И воскресеньям на дому
Глотаем пищу безотлучно:
Как раз сегодня середка, –
Нельзя ль прийти? К чему визиты!
Когда ж не время – о, тогда
Хоть имя автора черкни ты.
P.S.

Прими и Paley своего, –
Он нас заставил потрудиться.
Что не марали мы его,
Ты в этом можешь убедиться.
25 февраля 1887

Е.С. Хомутовой при получении роз
Чем пышнее ваши розы,
Чем душистей их краса,
Тем томительнее слезы
Затмевают мне глаза:
Разнеслись былые грезы,
Омрачились небеса...
В царстве мрака, в царстве прозы
Все бледнеют чудеса!
5 июля 1887

Королеве эллинов Ольге константиновне 11 июля 1887
Когда б дерзал, когда б я славил
Сей день под звуки райских лир,
То б с кротким ангелом поздравил
Я не ее, а божий мир.
Июль 1887

Я.П. Полонскому при посылке третьего выпуска «Вечерних огней»
Певец мой дорогой, поэт мой знаменитый,
Позволь, обняв, тебя по-прежнему любить:
Вечерние огни из хижины забытой
Я должен с рифмами Полонскому вручить.
15 января 1888

Великому князю Константину Константиновичу на третьем выпуске «Вечерних огней»
Трепетный факел с вечерним мерцанием,
Сна непробудного чужа истому,
Немощен силой, но горд упованием,
Вестнику света сдаю молодому.
15 января 1888

Ф.Е. Коршу надпись на третьем выпуске «Вечерних огней»
Камен нетленные созданья
Душой усвоив до конца,
Прослушай волчьи завыванья
Гиперборейского певца.
21 января 1888

М.П. Шеншиной надпись на книжке
Ты все стихи переплела
В одну тетрадь не без причины:
Ты при рожденьи их была,
И их ты помнишь именины.
Ты различала с давних пор,
Чем правит муза, чем супруга.
Хвалить стихи свои – позор,
Еще стыдней – хвалить друг друга.
28 января 1888

«Кто писал стихи иль прозу?...»
Кто писал стихи иль прозу?
Кто дарит вот эту розу?
То ж выходит, да не то!
В этом весь вопрос опасный,
И хотел бы, друг прекрасный,
Настоящим быть я кто.
О.И. Иост при получении вышитых туфель
Опять меня балуешь ты,
И под искусной рукою
Опять узоры и цветы
Под быстрой расцвели иглою.
Как странно нисхожу во гроб,
Как я горжусь в конце дороги!
Чем старость злей мне бреет лоб,
Тем ты пышней мне красишь ноги.
23 февраля 1888

На юбилей А.Н. Майкова
Как привлечь к себе вниманье,
В этот миг прервав молчанье,
И того хвалить судьбу,
Кто торжественному звуку
Дал тимпан гремящий в руку
И старинную трубу?
Нет, бессильными стихами
Громогласного меж нами
Петь певца я не берусь,
Что в одежде пышной грека
Звонкой лирою полвека
Изумляет нашу Русь.
Дайте, дайте без искусства
Проявить живые чувства
В дружном трепете сердец
И, восторгом пламенея,
В день почетный юбилея
Обновить его венец!
7 марта 1888

Княгине С.Н. Голицыной
Когда надежды упорхнули,
Я сомневаюсь и в том, –
В железный век наш угожу ли
И золотым я вам пером.
11 марта 1889

«Тот, кто владеет громаднейшим царством...»
Тот, кто владеет громаднейшим царством,
Не дал с тобой нам ходить по мытарствам.
Время проводишь ты спесью да барством.
Я же свое измеряю лекарством.
Тщетно кичиться тебе предоставлю,
Но эпиграммой тебя не прославлю.
11 апреля 1889

Н.Я. Полонской
Я вмиг рассеял бы, кажись,
Хлопушкой рифм сомненья ваши,
Когда б стихи и мне дались
Легко, как вашему папаше.
Я б вам сказал, что кабинет
Мой наверху, нельзя и дале,
А потому препятствий нет
Вам упражняться на рояле.
При вас доволен буду всем,
И всем вам все мы будем рады.
Мы ищем вместе жить не с тем,
Чтоб находить во всём преграды.
25 апреля 1890

Е.Д. Дункер
Всё изменяется, как тень
За долгий день горячим летом.
К поре девичьей в этот день
К вам появлялся я с букетом.
Но вот вы мужнина жена,
И как я рад – того не скрою;
Цветы лишь чопорность одна,
Я появляюсь к вам с икрою.
Чтобы рождение почесть
Из поколенья в поколенья,
Что можно лучше преподнести
Икры, эмблемы порожденья?
14 октября 1890

Е.Д. Дункер
Хвалить я браков не умею,
Где всё обычно чересчур,
Где, сдав супругов Гименею,
И знать не хочет их Амур.
Люблю я тех, над кем усилья
Гимен, сводя их, расточал,
Затем влетел Амур – и крылья
У новобрачных потерял.
30 апреля 1891

«И вот письмо. Он в нем не пишет...»
И вот письмо. Он в нем не пишет
Про одинокое житье,
А говорит, что всё он дышит
И тем же вещим сердцем слышит
К нему сочувствие мое.
29 мая 1891

«Сперва меняя тип за типом...»
Сперва меняя тип за типом,
Клим для своих забавных од
Все типы заменил Антипом,
Так что Антип стал антип-од.
19 августа 1891

Е.Д. Дункер
Их вместе видя и, к тому же,
Когда и оба влюблены,
Возможно ль умолчать о муже
В день именин его жены?
Союз, по правде, идеальный,
И чудо ангел совершил:
Воды мытищинской кристальной
Струю в вино он превратил.
22 октября 1891

Новогреческая песня
Но на что твоей матери лампа ночная?
Нет, не мучай меня, не терзай ты до слез!
Ведь и солнце в дому, и луна молодая..
Нет, не мучай меня, не терзай ты до слез!
25 января 1892

П.Н. Каратееву
Оглянитесь вы на бога!
Как соседа не проведать?
Привезли дождя мы много;
Не приедете ль обедать?
«О боже, боже! все народы мне...»
Максимилиан

О боже, боже! все народы мне
Покорны, как-то – Азия, Европа,
Америка и Африка и... и..
И Полинезия. – На море и на суше
Найдется ли единый человек,
Который бы бестрепетно дерзнул
Стать пред моими светлыми очами?
Уж подлинно в сорочке я родился,
Чего-чего нет только у меня?
Здоровья ли? Хоть борода седеет,
Но я болезни знаю лишь по слуху –
И силы мне еще не занимать.
Намедни как-то шут мне надоел
А всё он мне по глупости угоден, –
Я дал ему щелчка полушутя,
Без памяти бедняга с ног слетел,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

и три часа водою отливали.
Богатства ли? И поминать не стоит!
У мужика иного столько ржи
И за сто лет в амбаре не бывало,
Как у меня одних бурмицких зерен,
Алмазов, изумрудов, а про деньги
Уж я молчу. Про то хоть знают все,
А вот про что один я только знаю:
По всем садам моим и по лесам
С червонцами да с мелким серебром
Сороковые бочки позарыты.
Про них молчок. Но драгоценней их
Есть у меня сокровище и клад,
Который день и ночь алмазным блеском
Горит тихонько – камень-самоцвет.
Клад этот ты, голубка, дочь моя,
Смиренная, прекрасная царевна
Анастасия. Грешный человек,
Я ей отец, а видеть не могу
Я равнодушно кротости такой
И красоты девичьей ненаглядной.
Уж подлинно что камень-самоцвет:
Горит, дрожит и прямо в душу светит
И, точно камень, слова не проронит.
Да, я и царь счастливый и отец.
Отец счастливый? Максимилиан!
Как только ты дерзнул о том помыслить?
Знать, у тебя совсем отшибло память,
Что ты забыл ту лютую змею,
Которая ехидными зубами
Тебе всосалась в сердце и не даст
Ему одной минуты отдохнуть.
Чего-чего я над собой не делал:
Всех знахарей сзывал и колдунов –
Шептали, обливали и курили.
Звал что ни первых в царстве генералов –
Вот хоть Баркаса. – Старый я осел.
И потому осел, что болен я,
Душою болен – этой жгучей, колкой
И ядовитой раной. – Вот и глуп.
Забыл, что люди – колотушки, пни
Да наковальни; куй на них железо,
По головам лупи их молотком,
А смыслу ты от них не добивайся,
Спроси у пня, что можно ли коню
Перелететь овраг семиаршинный?
А если заскрепит да засопит,
Так скажет: надо бы ему поглубже
Копыта запускать под чернозем.
Где им понять, чего и сам-то я
Понять не в силах? Статочная ль вещь...
Нет, не могу – ей-богу, не могу!
Как только вспомню, весь я расхвораюсь,
Желчь закипает, разум мой мутится,
И слезы злобы горько жгут глаза.
Мой сын, мой сын, единственный мой сын,
Престола моего один наследник,
Как будто бы в насмешку над моей
Высокою судьбой, сын мой Адольф
Всему назло один мне непокорен.
Труба

что это? Трубный звук и славы звук.
Но славою давно я избалован.
Случаются и тут переполохи:
Какой-нибудь там забурлит король,
Нам дань свою соскучится платить, –
Так и пошлешь надежных генералов;

Побьют, порубят всех, заполонят –
И дело в шляпе. Вот в последний раз
Султан арапов белых возмутился
И даже к нам, к столице нашей славной
Гонец донес мне на два перехода
С несметной ратью подступить успел.
Но генерала я послал Баркаса, –
И вот труба победу возвещает.
Сегодня в ночь, еще до петухов,
Баркас прислал ко мне с веселой вестью.
Теперь с победы прямо все войска
Передо мной церемоньяльным маршем
Пройдут, – затем и этот малый трон
Велел я для царевны приготовить.
Да что ж она, голубушка моя,
Нейдет? – Ах, эти мамки, няньки!
Входит Анастасия с няньками и становится на колени

Здорова ли ты, ласточка моя?
Вставай и сядь здесь рядом на престоле.
Бывало, мать-покойница твоя,
Дебелая была она царица,
В торжественные дни всё тут садилась.
Нянькам

Что лупите дурацкие белки?
Пойдут войска, – смотрите, чтоб царевна,
Помилуй бог, чего не напугалась.
Проходят войска, салютуют. Баркас отходит к царю, и в замке идет горбатый шут;
он, когда войска проходят, тоже с комической важностью заходит к царю. Баркас
опускает колено.

Максимилиан

Встань! Это всё из гвардии моей?
Баркас

Всё, государь! Все прочие убиты
Да ранены, а часть линейных войск
Отправилась с царевичем Адольфом
Преследовать последних беглецов.
Наш молодец уж им не даст потачки.
Максимилиан

Жаль войска, жаль!
Шут

Что, дядя, знать, султан,
Петух-боец, не любит петухов
И твоему Баркасу генеральский
Султан таки в отделку обкургузил?
Максимилиан

Молчи, дурак! Вот, подойди к царевне,
Развесели ее, да только чур –
Не подпускай своих любимых шуток.
Вот ты и знай.
Шут

Чтоб, дядя, на меня
Она смотрела с полным уваженьем
И все-таки каталась бы от смеху –
Как на тебя смотрю я.
Максимилиан

Прочь, дурак!
Баркасу

ПОЭМЫ

Талисман

1

Октавами и повесть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У нас беда – и, право, я боюсь,
Так, ни за что, услышишь: подражатель!
А по размеру, я на вас сошлюсь,
И вы нередко судите, читатель.
Но что же делать? Видно, так и быть:
Бояться волка – в лес нельзя ходить.

2

Вы знаете, деревню я люблю
И зимний быт. Плохой я горожанин.
Я этой жизни душной не терплю,
И повестью напому образ Танин,
Сугробами деревню завалю,
Как некогда январский «Москвитянин»...
Но, – виноват, я знаю, вам милей
Тверской бульвар неведомых полей!

3

Вас не займет отлогий косогор,
И ветхий храм с безмолвной колокольней,
И синий лес по скату белых гор;
Не станете вы внутренно довольней
Рассматривать старинный барский двор
И в тех местах молиться богомольней;
Но, верно, есть в них скрытая печаль:
Иначе что ж, – зачем же мне их жаль?

4

Там у меня ни близких, ни родни,
Но, знать, душе напомнили те горы
Места иные, где в былые дни
Звучали в замках рыцарские шпоры,
Блистали в окнах яркие огни
И дамские роскошные уборы
И где теперь – давно ли был я там? –
Ни зал, ни шпор, ни благородных дам.

5

Да, всё пройдет своею чередой!
Давно ли он, романтиков образчик,
Про степь и глушь беседовал со мной?
Он был и славный малый, и рассказчик;
Но вот вся жизнь его покрыта мглой,
Он сам давно улегся в долгий ящик.
Но помню я в его рассказах ночь:
Я вам рассказ тот передам точь-в-точь.

6

– Шестнадцать лет, я помню, было мне.
Близ той деревни жил и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполне,
Что жизнь моя страданиями богата.
Пришла пора – и вздумалось родне
Почти ребенка превратить в солдата.
Казалось, вдаль стремился я душой,
Но я любил, то был обман пустой.

7

Кто юных лет волнения не знал
И первой страсти, пылкой, но послушной,
Во дни надежд о счастье не мечтал

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

С веселием улыбки простодушной,
И кто к ногам судьбы не повергал
Кровавых жертв любви великодушной?
И всё пройдет, – нельзя же век любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.
8

Пора, пора из теплого гнезда
На зов судьбы далекой подниматься!
Смеркался день, вечерняя звезда
Вдали зажглась; я начал одеваться.
До их села недалняя езда;
Перед отъездом должно распрощаться.
Готова тройка, порский снег взвился,
И колокольчик жалко залился.
9

«Пошел, пошел! всего верст двадцать пять;
Да льдом поедем, там езда ровнее.
Смотри, чтоб нам в село не опоздать,
Хотя домой приедем и позднее.
Ты коренной-то не давай скакать».
Я нашей тройки не видал дружнее
(И вам, я чай, случалось ездить льдом);
Да вот и церковь, вот господский дом!
10

Не стану я описывать фасад
Старинного их дома. Из гостиной
В стекло балкона виден голый сад
С беседкою и сонною куртиной.
Признаться вам, ребяческий мой взгляд
Тогда иною занят был картиной,
И маменьке, хозяйке дома, чуть
Я не забыл примолвить что-нибудь.
11

Зато она рассыпала слова..
(За хлеб и соль ее хвалили миром)
Радушная соседка и вдова,
Как водится, была за бригадиром;
Ее сынок любимый (голова!)
Жил в отпуску усатым кирасиром.
Где он теперь, не знаю, право, я;
Но что за дочки! – Чудная семья!
12

Их было две. Нам должно их назвать:
Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,
Меньшую Александрой станем звать.
Они прекрасны были. Чудной парой,
Для всех заметно, любовалась мать;
Хоть иногда своей красою старой
Блистать хотела, что греха таить!
Но женщине как это не простить?
13

Мы младшую оставим: что нам в ней?
Она блондинка стройная, положим,
Но этот взгляд и смысл ее речей –
Всё говорит, что и лицом пригожим
И талией она горда своей,
Что весело ей нравится прихожим.
Зато Варвара – томная луна,
Как ты была прекрасна и скромна!
14

Ее не раз и прежде я видал,

Когда случался близко у соседства
Какой-нибудь необычайный бал
По случаю крестин или наследства;
Но в этот миг в душе припоминал
Я образ, мне знакомый с малолетства, –
И не ошибся: в городе одном
Мы с ними жили, рядом был их дом.
15

Что ж можно лучше выдумать? – И мать
Припомнила ту счастливую пору
И прочее. Я должен был внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынок меня придумал занимать:
Велел привести любимую мне свору, –
И я хвалил за стать его борзых,
А мне, признаться, было не до них.
16

Я и забыл: день святочный был то.
Зажгли огни; мы с Варенькой сидели;
Большое блюдо было налито,
Дворовые над блюдом песни пели,
И сердце ими было занято,
С гаданьями предчувствия кипели.
Я посмотрел на милое лицо...
И за меня она дала кольцо.
17

С каким отрадным страхом я внимал
Тех вещей песен роковому звуку!
Но вот мое кольцо – я услышал
В моем припеве близкую разлуку:
Как будто я давно о том не знал!
Но Варенька мне тихо сжала руку
И капли слез едва сдержать я мог;
Но улетел неосторожный вздох.
18

Другой сосед приехал – он жених.
Но стол готов в диванной с самоваром,
И Варенька исчезла. В этот миг
Сосед-жених мне был небесным даром:
Им занялись. Я ускользнул от них.
«Вы не в столовой?» – Обдало как варом
Меня от этих слов... Но этот взор!
О, я вполне ей верил с этих пор!
19

Мы говорили бог знает о чем:
Скучают ли они в своем имении,
О сельском лете, о весне, потом
О Шиллере, о музыке и пеньи.
«Я вам спою... Скажите, вам знаком
Романс такой-то?» – В сладком упоеньи
Едва-едва касался я земли...
Но чай простыл и самовар снесли.
20

В столовую я вышел... Боже мой,
Какое счастье: заняты гаданьем!
И я прошел нарочно пред толпой
И тихо скрылся. Чудным обаяньем
Меня влекло за двери. За стеной
Дрожали струны сладостным бряцаньем...
Нет, я не в силах больше, не могу –
На тайный зов я к милой побегу.
21

Серебряная ночь гляделась в дом..
Она без свеч сидела за роялью.
Луна была так хороша лицом
И осыпала пол граненой сталью;
А звуки песни разлились кругом
Какую-то мучительной печалью:
Всё вместе было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.
22

И, сам не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывал кудрей ее лобзаньем,
И жаждою моя горела грудь;
Хотелось мне порывистым дыханьем
Всю душу звуков сладостных вдохнуть –
И выдохнуть с последним издыханьем!
Дрожали звуки на ее устах,
Дрожали слезы на ее глазах.
23

«Вы знаете, – сказала мне она, –
Что я владею чудным талисманом?
Хотите ли, я буду вам видна
Всегда, везде, с луною, за туманом?»
Несбыточным была душа полна,
Я счастлив был ребяческим обманом.
Что б ни было – я верил всей душой, –
И для меня слилась она с луной.
24

Я был вдали, ее я позабыл,
Иные страсти овладели мною;
Я даже снова искренно любил, –
Но каждый раз, когда ночной порою
Засветится воздушный хор светил, –
Я увлечен волшебницей луною.
..... * * * * *
1842

СОН
Nemesis. Muette encore! Elle n'est pas des notres:
elle appartient aux autres aures puissances.

Byron. «Manfred»
1

Мне не спалось. Томителен и жгуч
Был темный воздух, словно в устьях печки.
Но всё я думал: сколько хочешь мучь
Бессонница, а не зажгу я свечки.
Из ставень в стену падал лунный луч,
В резные прорываясь сердечки
И шевелясь, как будто ожило
На люстре всё трехгранное стекло,
2

Вся зала. В зале мне пришлось с походу
Спать в качестве служащего лица.
Любя в домашних комнатах свободу,
Хозяин в них не допускал жильца
И, указав мне залу по отводу,
Просил ходить с парадного крыльца.
Я очень рад был этой благодати
И поместился на складной кровати.
3

Не много в Дерпте есть таких домов,
Где веет жизнью средневековою,
Как наш. И я, признаться был готов
Своею даже хвастаться судьбою.
Не выношу я низких потолков,
А тут как купол своды надо мною,
Кольчуги, шлемы, ветхие портреты
И всякие ожившие предметы.

4

Но ко всему привыкнешь. Я привык
К немного строгой сумрачной картине.
Хозяин мой, уживчивый старик,
Жил вдалеке, на новой половине.
Всё в доме было тихо. Мой денщик
В передней спал, забыв о господине.
Я был один. Мне было душно, жарко,
И стекла люстры разгорались ярко.

5

Пора была глухая. Все легли
Давно на отдых. Улицы пустели.
Два-три студента под окном прошли
И «Gaudeamus igitur» пропели,
Потом опять всё замерло вдали,
Один лишь я томился на постели.
Недвижный взор мой, словно очарован,
К блестящим стеклам люстры был прикован.

6

На ратуше в одиннадцатый раз
Дрогнула медь уклончиво и туго.
Ночь стала так тиха, что каждый час
Звучал как голос нового испуга.
Гляжу на люстру. Свет ее не гас,
А ярче стал средь радужного круга.
Круг этот рос в глазах моих – и зала
Вся пламенем лазурным засияла.

7

О ужас! в блеске трепетных лучей
Всё желтые скелеты шевелятся,
Без глаз, без щек, без носа, без ушей,
И скалят зубы, и ко мне толпятся.
«Прочь, прочь! Не нужно мне таких гостей!
Ни шагу ближе! Буду защищаться...
Я вот как вас!» Ударом полновесным
По призракам махнул я бестелесным.

8

Но вот иные лица. Что за взгляд!
В нем жизни блеск и неподвижность смерти.
Арапы, трубочисты – и наряд
Какой-то пестрый, дикий. Что за черти?
«У нас сегодня праздник, маскарад, –
Сказал один преловкий, – но, поверьте,
Мы вежливы, хотя и беспокоим.
Не спитесь вам, так мы здесь бал устроим.»

9

«Эй! живо там, проклятые! Позвать
Сюда оркестр, да вынести фортепьяны.
Светло и так достаточно». Я глядь
Вдоль стен под своды: пальмы да бананы!..
И виноград под ними наклонять
Стал знак ветвей. По всем углам фонтаны;
В них радуга и пляшет и смеется.
Таких балов вам видеть не придется.

10

Но я подумал: «Если не умру
До завтрашнего дня, что может случиться,
То выкину им штуку поутру:
Пусть будут немцы надо мной смеяться,
Пусть их смеются, но не по нутру
Мне с господами этими встречаться,
И этот бал мне вовсе не потребен, –
Пусть батюшка здесь отпоет молебен».

11

Как завопили все: «За что же гнать
Вы нас хотите? Без того мы нищи!
Наш бедный клуб! Ужели притеснять
Нас станете вы в нашем же жилище?»
– «Дом разве ваш?» – «Да, ночью. Днем мы спать
Уходим на старинное кладбище.
Приказывайте, – всё, что вам угодно,
Мы в точности исполним благородно.»

12

«Хотите славы? – слава затрубит
Про Лосева поручика повсюду.
Здоровья? – врач наш так вас закалит,
Что плюйте и на зной и на простуду.
Богатства? – вечно кошелек набит
Ваш будет. Денег натаскаем грудю.
Неси сундук!» Раскрыли – ярче солнца!
Всё золотые, весом в три червонца.

13

«Что, мало, что ли? Эти вороха
Мы просим вас считать ничтожной платой».
Смотрю – кой черт? Да что за чепуха?
А, впрочем, что ж? Они народ богатый.
Взяло раздумье. Долго ль до греха!
Ведь соблазнят. Уж род такой проклятый.
Брать или не брать? Возьму, – чего я трушу?
Ведь не контракт, не продаю им душу.

14

Так, стало быть, всё это забирать!
Но от кого я вдруг разбогатею?
О, что б сказала ты, кого назвать
При этих грешных помыслах не смею?
Ты, дней моих минувших благодать,
Тень, пред которой я благоговею,
Хотя бы ты мой разум озарила!
Но ты давно, безгрешная, почил.

15

«Вам нужно посоветоваться? что ж,
И это можно. Мы на всё артисты.
Нам к ней нельзя, наш брат туда не вхож;
Там страшно, – ведь и мы не атеисты;
Зато живых мы ставим не во грош.
Вы, например, кажись, не больно чисты.
Мы вам покажем то, что видим сами,
Хоть с ужасом, духовными очами».

16

«Вон, вон отсюда!» – крикнул старший. Вдруг
Исчезли все, юркнув в одно мгновенье,
И до меня донесся светлый звук,
Как утреннего жаворонка пенье,
Да шорох шелка. Ты ли это, друг?
Постой, прости невольное смущенье!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Всё это сон, какой-то бред напрасный.
Так, так, я сплю и вижу сон прекрасный!
17

О нет, не сон и не обман пустой!
Ты воскресила сердца злую муку.
Как ты бледна, как лик печален твой!
И мне она, подняв тихонько руку,
«Утишь порыв души твоей больной», –
Сказала кротко. Сладостному звуку
Ее речей внимая с умилением,
Пред светлым весь я трепетал виденьем.
18

Мой путь окончен. Ты еще живешь,
Еще любви в груди твоей так много,
Но если смело, честно ты пойдешь,
Еще светла перед тобой дорога.
Тоской о прошлом только ты убьешь
Те силы, что даны тебе от бога.
Бесплотный дух, к земному не ревнуй,
Не для себя уже тебя люблю я.
19

Ты помнишь ли на юге тень ветвей
И свет пруда, подобный блеску стали,
Беседку, стол, скамью в конце аллеи?..
Цветущих лип вершины трепетали,
Ты мне читал «Онегина». Смелей
Дышала грудь твоя, глаза блистали.
Полудитя, сестра моя влетела,
Как бабочка, и рядом с нами села.
20

«А счастье было, – говорил поэт, –
Возможно так и близко». Ты ответил
Ему едва заметным вздохом. Нет!
Нет, никогда твой взор так не был светел.
И по щеке у Вари свежий след
Слезы прошел. Но ты – ты не заметил..
Да! счастья было в этот миг так много,
Что страшно больше и просить у бога.
21

С какой тоской боролась жизнь моя
Со дня разлуки – от тебя не скрою.
Перед кончиной лишь узнала я,
Как нежно ты любим моей сестрою.
В безвестной грусти слезы затая,
Она томится робкою душою.
Но час настал. Ее ты скоро встретишь –
И в этот раз, поверь, уже заметишь.
22

А этого, – и нежный звук речей,
Я слышу, перешел в оттенок строгий, –
Хоть собственную душу пожалеи
И грешного сокровища не трогай,
Уйди от них – и не забудь: смелей
Ступай вперед открытою дорогой.
Прощай, прощай! – И вкруг моей постели
Опять толпой запрыгали, запели.
23

Проворно каждый подбежит и мне
Трескучих звезд в лицо пригоршню бросит.
Как мелкий иней светятся оне,
Колеблются – и ветер их разносит.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Но бросят горсть – и я опять в огне,
И нет конца, никто их не упросит.
Шумят, хохочут, едкой злобы полны,
И зашатались сами, словно волны.
24

Вот приутихли. Но во мглу понес
Челнок меня, и стала мучить качка.
И вижу я: с любовью лижет нос
Мне белая какая-то собачка.
Уж тут не помню. Утро занялось,
И говорят, что у меня горячка
Была дней шесть. Оправившись помалу,
Я съехал – и чертям оставил залу.
1856

Две липки
И.С. Тургеневу

1

Близ рощи, на пригорке серый дом,
В полуверсте от речки судоходной,
Стоит лет сорок. Нынче пустырем
Он стал смотреть, угрюмый и негодный.
Срубили рощу на дрова кругом,
Не находя ее статьей доходной;
По трубам галки, ласточки в окошках,
И лопухи на английских дорожках.
2

Семь крыш, одна причудливей другой,
Вам говорят про барские затеи.
Дом этот прежде флигель был простой:
Понадобились залы, галереи,
И в девичью стал нужен вход другой, –
Не обошлось и без оранжереи:
Однако вкус был, на манер столичный,
Во всём фасаде сохранен отличный.
3

Помещик Русов не любил дремать.
Служил в гусарах, ротмистра дождался,
Женился по любви лет в сорок пять
И всей душой к хозяйству привязался:
Стал горы рыть, пошел пруды копать,
На мельницы, на риги разорялся;
Всем уяснил значение капусты, –
У самого ж карманы стали пусты.
4

В полях с утра до вечера верхом.
Никто не смел в лесу сорвать ореха.
Сам полевым он хвастался конем.
Уже, бывало, не пройдет ореха:
На рыхлой пашне ткнется, и хлыстом
Не перегонишь – и пошла потеха:
«Чей это клин?» Приводят на расправу
Виновного и угостят на славу.
5

А всё ты мил мне, старый, ветхий дом,
С твоею кровлей, странной, кособокой.
Так иногда над полусгнившим пнем
Припоминал я осенью глубокой
Весенний вечер, прожитой вдвоем
Под грустный вопль кукушки одинокой,
Припоминал несбыточные грезы –

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
и на глазах навертывались слезы.

6

Почти три года с той поры прошло,
Как Русов наш женился на Наташе.
Не знаю, что с ума ее свело
В восемнадцать лет. Тут дело уж не наше.
Ее невольно к Русову влекло;
Для ней он был умнее всех и краше.
Ей Ваня дорог с головы до пяток, –
А Ване скоро на шестой десяток.

7

Как Русов горд и свеж! Считать лета –
Ребячество смешное, даже детство.
В мужчине воля – лучшая черта,
У избранных семейное наследство.
«Да, Русовы – счастливая чета» –
Так в первый год решило всё соседство.
Стал изредка он дома как-то скучен, –
Но сплин с семейным бытом неразлучен.

8

Тот понял жизнь с превратной стороны
И собственное горе приумножит,
Кто требует всей жизни от жены,
А сам ничем пожертвовать не может.
Мы, без любви, любовью стеснены;
Чужой порыв холодного тревожит.
Всё станет жертвой: слышать друга, видеть, –
И сердце начинает ненавидеть.

9

Наташа смутным чувством поняла,
Что мужнин глаз судья ей беспристрастный.
У старика отца она была
В дому хозяйкой полной, самовластной.
Как май тиха, как птичка весела,
Она отца душой любила страстной.
Больной старик не мог быть равнодушен
И, как дитя, во всём ей был послушен.

10

В одном лишь с ней он мнений разных был
И утверждал, что Русов ей не пара.
Как он сердился, как ее молил
Не выходить за бойкого гусара!
Ей он, конечно, этот шаг простил
Но сам, бедняк, не перенес удара
И скоро умер. Горькая утрата!
Но Натали послало небо брата.

11

Он годом старше был. Они росли,
Учились вместе и сходились нравом.
Чем больше развивалась Натали,
Тем меньше предавался брат забавам.
К сестре все чувства юношу влекли.
Он, видимо, гордился нежным правом,
Когда другие ловят взгляд сестрицы,
Ей целовать и брови, и ресницы.

12

Грешно сказать, что с самых первых лет
Замужества Наташа тосковала
Иль Русов с нею холоден был, – нет
Он о жене заботился сначала,
Сам ей убрал уютный кабинет,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
С улыбкой слушал, как она мечтала
В дому порядком заменить избыток, –
И жемчугу ей подарил пять ниток.
13

В душе Наташи крылись семена
Стремлений светлой, избранной природы.
Быть может, их взлелеяла б она
На доброй почве счастья и свободы.
Дочь нежная и страстная жена
Была сидеть готова с мужем годы
Глаз на глаз, лишь бы то, что он хоть мало
Привык ценить, любимца окружало.
14

Придет ли к ней, бывало, он сердит,
Иль резкостью бедняжку озадачит, –
Наташа всё, что в сердце закипит,
С болезненно-отрадным чувством спрячет,
Как будто, улыбаяся, смолчит,
А утро всё одна потом проплачет;
Но в час обеда и глаза не красны,
И локоны душисты и прекрасны.
15

Прошло три года. Птичке молодой
Несносна стала золотая клетка.
Чем менее бывает прав иной,
Тем он охотней в жертву целит метко.
Так Русов, насмехаясь над женой,
Давал понять, что ты-де вот поэтка.
Замашку эту видеть было в муже
Всего на свете для Наташи хуже.
16

Но время шло. Был чудный вешний день –
Один из тех, что в сердце льют тревогу, –
Балкон раскрыт, и сладостная лень
Наташей овладела понемногу.
Вдруг зазвенело в роще, и, как тень,
Седая пыль шибнула на дорогу.
Вот ближе, ближе, под крыльцо.. «Ах! Саша!» –
И брата с воплем обняла Наташа.
17

Как передать бессвязный разговор,
Живой восторг того или другого?
Что скажет звук, движенье или взор,
Упрямое не перескажет слово.
Но вот и Русов сам спешит во двор,
Объехавши посева ярового.
Он, видимо, рад жениному брату, –
Хитрить некстати старому солдату.
18

Дня через два по новым колеям
Жизнь Русовых тихонько покатилась.
Наташа светлым чувствам и мечтам
При брате предаваться не стыдилась.
Внимательней к жене стал Русов сам,
Как будто ревность в нем зашевелилась;
Сговорчив, мил, в лице ни тени скуки –
И всё целует у Наташи руки.
19

Как упивались маем брат с сестрой,
Когда леса слегка позеленели
И стал туман качаться над рекой,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

А соловьи в черемухе запели!
Всю ночь, бывало, по тропе лесной
Вдвоем проходят безо всякой цели.
К обеду вновь и планы, и рассказы,
И ландышей на столике две вазы.
20

Спешат зарею резеду полить,
Дорожку дальше вывести за куртиной,
Иль две-три клумбы новых очертить,
Пока не кликнет голос соловьиный.
Еще с приезда Саша посадить
Успел две липки под окном гостиной;
Ему сама Наташа помогала
И молодые корни поливала.
21

Как странен Русов! Точно сам не свой,
Как будто чем-то сдержанным томится:
Уступчив, шутит ласково с женой
И с братом мил, – но вдруг проговорится,
С улыбкой суд произнося такой:
«Нет, господа! цветник ваш не годится:
Всё это выйдет даже слишком бедно.
Но что ж? Напрасно, да зато безвредно.»
22

Проговорит – и видно по всему,
Что человек вполне собой доволен
И собственному явно рад уму,
Хоть ум его, разливом желчи болен,
Относит ко внушенью своему
Такой порыв, в котором он не волен.
Поняв намек подобный, брат с сострою
Внимательнее смотрят за собою.
23

Настало лето. Грустно сознавать,
Как быстро миновалось это лето.
Быть может, в жизни уж ничем опять
Не будет сердце нежно так согрето!
Весной придется брата провожать, –
Когда-то вновь увидишься и где-то?
Пришла зима, и с ней катанья, чтенья,
А Русов стал щедрей на поученья.
24

Бывало, вешних золотых лучей
Наташа втайне ждет и не дождется.
«Да скоро ль этот снег сойдет с полей?
Когда у нас Святая-то придется?»
Спешит окошко выставить скорей,
Увидит свежий дерн – и улыбнется;
Теперь, как взглянет за окно порою,
Совсем к канве прикиннет голову.
25

А всё пришла тяжелая пора.
В далекий путь уже собрался Саша.
«Бог даст, опять увидимся, сестра!
Судьба, быть может, улыбнется наша;
А так я не поеду со двора...
Ну, полно плакать, добрая Наташа!
Я от тебя дождусь-таки улыбки,
Смотри, как наши распустились липки.»
26

и брат уехал. Сколько было слез,

Когда четверка унесла коляску!
Казалось, брат с собою всё увез:
Домашний мир, веселие и ласку.
Ходить стал Русов, раздувая нос,
Молчал с женой, слугам давал острастку
И, чтоб, пожалуй, не покончить драмой,
Пускал в Наташу злою эпиграммой.
27

Прогнать стараясь нестерпимый сплин,
Хозяйничать Наташа стала тупо
И сто упреков слушать в день один:
То Русов скажет, что нельзя есть супа,
То он не Ротшильд, то не мещанин,
То слишком расточительно, то скупое.
«Да кто велел? – слуге он повторяет. –
Кто?» – «Барыня-с». – И он при ней вздыхает.
28

А между тем всё время шло да шло,
И будущность отрады не сулила.
И говорить и вспомнить тяжело,
Что бедная жена переносила.
И ни к чему страданье не вело:
Наперекор уму она любила.
Любовью можно всё исправить в муже,
А тут, что год, что новый день, то хуже.
29

Как разгадать? Что делать? Чем помочь?
Но в этот год само пришло спасенье.
Бог сжалился: послал Наташе дочь.
Какой восторг! Какое утешенье!
Мать от малютки не отходит прочь,
И караулит каждое движенье,
Шьет, крошечной любитесь одеждой,
И выхитрила дочь назвать Надеждой.
30

Спешит супруга чаем напоить
И, как-нибудь расчеты дня уладя,
Уйдет к себе малютку тормошить
Иль сладко плачет, на ребенка глядя:
«Скажи: ты будешь ли меня любить,
Моя красотка, тихий ангел, Надя?
Нет, не меня, – промолвит вдруг уныло, –
Люби отца, как я его любила».
31

Хлопочет Русов больше с каждым днем,
Прошенья пишет, счета да заметки.
В чужом имени стал опекуном:
Осталась вдова да малолетки.
День целый ездит по полям верхом
Или живет неделю у соседки.
Соседка – друг Наташи, без сомненья,
И в именины шлет к ней поздравленья.
32

В дому угрюм, в гостях умен и мил,
По мненью всех был Русов муж прекрасный,
Жалели только, что себя сгубил
Женитьбой он неровной и напрасной.
Меж тем Наташа выбилась из сил
И ревностью измучилась ужасной.
Болезни быстро развились зачатки:
Мигрень, тоска, истерики припадки.
33

Седеть стал Русов, хоть еще далек
От дряхлости. Пошло хозяйство худо.
Он говорил, что всё, что мог, извлек,
Да помощи не видит ниоткуда.
А Наденьке пошел седьмой годок,
И девочка – без прибавленья – чудо.
Ее сама Наташа учит в детской
По азбуке французской и немецкой.
34

Шесть лет – еще велики ли года?
Не много мать изведала отрады!
К иному как привяжется беда,
Так от нее не жди себе пощады.
Стал Русов после долгого труда
Кидать на дочь задумчивые взгляды.
«Ты рада ль, Надя, что пришел папаша?»
«Как дочь он любит!» – думает Наташа.
35

«Пора бы нам подумать и о ней.
Я сам учить ее никак не стану,
Ты всё больна, а брать учителей
Хотя б желал, да мне не по карману.
И не согласен я никак детей
Доверить незнакомому болвану.
Я лучше Надю – вот мое решенье –
В казенное пристрою заведение.»
36

Ни слезы, ни мольбы не помогли.
Весною дочь в карету посадили
И по дороге к роще повезли.
Глаза Наташи Надю проводили.
Просилась мать до станции: нашли,
Что будет вредно ей, и не пустили.
Наташа долго на крыльце стояла,
Потом пошла, шатаясь, и упала.
37

Прошло еще лет восемь. Стар и хил
Стал Русов в это время очевидно,
А хлопотать по-прежнему любил,
И за обедом кушал он завидно.
Но по хозяйству с костью ходил,
Хоть говорил шутя, что это стыдно.
Быть может, и дворовые стыдились,
Что, барина завидя, сторонились.
38

Наташа стала до того слаба,
Что целый день почти уже лежала.
Довольно длилась трудная борьба,
Довольно мук бедняжка испытала.
Теперь во всём покорная раба,
Наташа мужу и не возражала.
Он к ней войдет, присядет у постели –
И дома не бывает три недели.
39

Был летний вечер и такая тишь,
Что, распахнув окно, Наташа села.
Над цветником носился черный стриж,
И поздняя пчела вокруг ветки пела.
«Как хорошо! О Господи! услышь
Мои мольбы: я только бы хотела
Увидеть Надю и проститься с нею.

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Другого счастья и просить не смею.»
40

Задумалась Наташа под окном;
За щею румяный день уходит.
Верхушки лип в сияньи золотом,
И Русова с любимцев глаз не сводит.
Но вот садовник прямо с топором
И лестницей к одной из них подходит.
«Что это ты, Степан?» – «Да уезжали,
Так эту вот срубить мне приказали.»
41

«кто приказал?» – «Известно, барин сам, –
Ответил ей Степан, не скрыв улыбки, –
А потрафлять должны мы господам.»
– «Да быть не может! Нет ли тут ошибки?»
– «Помилуйте-с! Докладываю вам,
Изволили сказать: „У этой липки
Ты от земли сруби на два аршина.“
Ослушаться нельзя нам господина».
42

Под сук подставив лестницу в упор,
Полез Степан и плюнул в горсть сначала.
Стал мерно в ствол, звеня, стучать топор,
И стройная верхушка задрожала.
Ушла Наташа прочь, потупя взор,
И как упала липка, не слыхала.
Поутру рядом с липою густою
Стоял обрубок, залитый смолою.
43

И Русова немало удивил
Такой исход приказа господина.
Степана он позвал и разбранил:
«Ведь я тебе, безмозглая осина,
Довольно ясно, кажется, твердил,
Чтоб снизу сучья снять на два аршина!
Но дерево ведь дело наживное:
Одно пропало – посажу другое.»
44

И точно, первой раннею весной,
Чтоб не смущаться глупою ошибкой,
На дрогах он велел со всем, с землей,
Привезть какой-то ствол с макушкой гибкой.
А вслед за тем, увидевшись с женой,
Сказал: «Теперь опять ты будешь с липкой.»
– «Благодарю. Но вот моя примета:
Ты – липка та, здоровая, я – эта...»
45

И не могли больную убедить
Ничем, что это предрассудок странный.
За жизнью липки молодой следить
Она в тревоге стала постоянной.
Хотелось ли самой, бедняжке, жить,
Иль с дочерью увидеться желанной, –
Но каждый раз, когда на липку взглянет,
Ей кажется, что с ней она увянет.
46

Иные странно действуют слова:
Услышим их – и сердце вдруг сожмется.
Еще хирела липка года два;
Придет весна – и почка вся нальется,
А там и лист, но так, едва-едва

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
На солнышке и сбоку развернется...
Еще весны отрадная улыбка, –
Но в этот раз не распустилась липка.
47

А в сером доме, в зале, под парчой,
Закрыв глаза, в гробу спала Наташа,
И Русов сам, с поникшей головой,
Твердил, что воля божья, а не наша.
Он говорил, что в жизни ни одной
Еще усопшей не запомнит краше.
Казалось, точно, что она простила
Всем в мире, всем, – и, кроткая, почила.
48

В ограде церкви, с северных дверей,
Там, где к земле склонилась грустно ива,
Лежит плита и золотом на ней –
«Покойся, друг» – написано красиво.
Холм ниже всех ввалился, и дружной
Растет на нем засевающая крапива.
Когда, крестясь, валит народ к кладбищу,
Никто нейдет к Наташину жилищу.
49

А серый дом, угрюмый и пустой,
Стоит давно с безмолвием гробницы.
Он только оживляется весной,
Когда в него таскают гнезда птицы.
Балкон скривился, тонкою травой
Заметно прорастают половицы.
Ступени шатки, и перила зыбки,
И нет ни новой, нет ни старой липки.
1856

Сабина
Над миром царствовал Нерон,
И шумный двор его шептался,
Когда в раздумье мрачном он
В своем дворце уединялся.
Там сочинял ли он стихи,
Иль новых ужасов затеи –
Но мерно слышались шаги
Его вдоль узкой галереи.
Как перед бурей, затихал
В подобный час дворец просторный,
И каждый молча ожидал
Судьбы, склоняя взор покорный.
Шумел лишь Рим. – В пяти шагах
Граждане в праздничной одежде,
Позабывая вещей страх,
Кричат пронзительней, чем прежде.
Всё льстит их взорам и ушам,
Всё пища для страстей мгновенных:
Там торжество и новый храм,
Здесь суд царей поработанных.
Народ шумит. Давно привык
Он к торжеству своей гордыни,
Он всем народам шлет владык
И в Рим увозит их святыни.
Как прежде, пленные цари
Влачат по форуму оковы,
И рядом стали алтари
И Озириса и Еговы.
Минутным жаром увлечен
Всегда кипучий дух народа:
Сегодня бог ему Нерон,
А завтра бог ему свобода.

Он так же рвался и кричал
Иль так же отступал, немея,
Когда у статуи Помпея
Брут окровавил свой кинжал.

1

Давно собрали виноград,
Серей туман на Апеннинах,
И в Рим, пестрея на долинах,
Тибура жители спешат.
Лишь юный Мунд не едет в Рим,
Его столица не пленяет,
И он на всё друзьям своим
Одним молчаньем отвечает.
Как быстро лето перед ним
Крылатые промчали Оры,
Каким сияньем голубым
Всё время покрывались горы,
Как сельский быт он полюбил,
Забыв о купленном веселье,
И в этом замкнутом ущелье
Элизий полный находил!
По целым он сидел ночам,
Кидая взоры за ограду,
Пока заря свою лампаду
Взнесет к тибурским высотам
И, как алтарь любви живой,
За дымом скроется долина.
Быть может, снова в садик свой
Пройдет надменная Сабина.
Не подымая глаз своих,
Пройдет в величии суровом,
Но он любви крылатым словом
Ее смутит хотя на миг,
Иль без свидетелей опять
Ее принудит он ответить,
Чтоб только взор блестящий встретить
Или насмешку услышать.
Он знал давно, что ничему
Не внемлет строгая Сабина,
Что равнодушие к нему
Хранит супруга Сатурнина.
Недавно прибыл Сатурнин
Из знойной Сирии с женою.
Там долго, полный властелин,
Богатой правил он страну.
Сабина, властью красоты
И саном мужниным хранима,
Смотреть привыкла с высоты
На юных ветреников Рима.
Коней, гетер, ночных пиров
Она в душе им не прощала
И втайне на одних богов
Порывы сердца обращала.
Как чист молитвы фимиам!
Как гасит он огонь преступный!
Сабина покидала храм,
Подобно Гере недоступной.
Когда же Мунд, пробравшись в сад,
Ее смущал любви приветом,
Живой упрек и гордый взгляд
Бывали дерзкому ответом.
Но в Мунде блеск ее очей
Лишь распалая любви желанья:
Он тосковал, не спал ночей
И жаждал нового свиданья.
Сегодня Мунд стоит один,
Глядя в раздумье на долину;
Вчера уехал Сатурнин

И в Рим увез свою Сабину.
«Что делать? – часто Мунд твердит. –
Бесплодно дни промчались лета!»
– «Что делать?» – эхо говорит
Сто раз – и не дает ответа.
А там, врываясь в недра скал,
Как бы живой упрек бессилью,
Кипучий Анио роптал
И рассыпался тонкой пылью,
Да, разгоняя горный дым,
Как и вчера, перед разлукой,
И ныне Феб золотолукой
Три кинул радуги над ним.

2

Сабина в Риме. Но и там
живет по-прежнему Сабина:
В доме лелеет Сатурнина
И в храмах жертвует богам.
Молиться чуждым, как своим,
Обучена чужой страной,
Она и в Риме жертвы им
Несет с покорною душою.
И в деле веры и добра,
Послушна сладостным влеченьям,
Она проводит вечера,
Жрецов внимая порученьям.
Но чаще всех с недавних пор
К ней жрец Анубиса приходит,
Заводит жаркий разговор
И зорких глаз с нее не сводит.
Награду темную сулит
И сердца слушает тревогу,
Влечет к таинственному богу –
И наконец ей говорит:
«Недаром ты у алтарей
С мольбами жертвы приносила,
Сабина, верой ты своей
И жизнью небу угодила!
Твои молитвы сочтены;
Но никогда непосвященный
Не приподымет пелены,
На лик Изиды опущенной.
Мужайся: шаг еще, и ты
Войдешь в блаженные чертоги,
Где блеском вечной красоты
Сияют праведные боги.
Тебя я в тайну посвящу, –
Но, вечной истины ревнитель,
Я сам, Анубиса служитель,
О ней поведать трепещу.
Богам от юности служил
Я и молился ежечасно,
Но никогда так громогласно
Со мною бог не говорил.
Вчера стою у алтаря –
И вдруг оракул мне вещает,
Что, страстью пламенной горя,
Тебя Анубис избирает.
Всю ночь очей я не смыкал,
Молясь в смятении великом,
И полог брачный разостлал
Перед Анубисовым ликом.
А ныне сам почтить готов
Тебя коленопреклоненьем:
Внимать велению богов
Нам подобает со смиреньем.
Сегодня с вечера луна
Не озирает стогнов Рима.

Ты, как богиня убрана,
Ко храму приходи незрима.
Служанок бойся пробудить,
Пусть дремлет муж твой утомленный,
Чтобы не мог непосвященный
Тебя и взором осквернить.
Тебя я на ступенях жду;
Иди, давай мне руку смело...
Придешь ли, новая Семела,
Во храм Анубиса?» – «Приду».

3

Давно звездами ночь блеснит,
Смолкает шумная столица,
Порой лишь громко колесница
Веселых юношей промчит.
Одна под сению ночной
Сабина бережно ступает,
За нею сладкою струей
Сирийский народ благоухает.
Как долго прождала она,
Чтоб сон нисшел на Сатурнина!
Пора! сейчас блеснет луна
Над темной грудой Эсквилина!
Нет, этой позднею порой
Никто не мог ее заметить, –
Лишь только б оргии ночной
Да ярких факелов не встретить!
Какой-то дух ее несет
Неотразимо и упрямо
Всё дальше. – Вот она у храма, –
И жрец ей руку подает.
«Молчи, мне всё поведал бог:
Ты опоздала поневоле.
Вступи одна через порог,
Анубис ждет – не медли боле».
Как мавзолей, безмолвен храм,
Лишь ходит облаком куренье,
И ног ее прикосновенье
Звучит по мраморным плитам.
Кумиров глаз не различает.
Повсюду мрак. Едва-едва
Небес полных синева
Средину храма озаряет.
О, ночь блаженства и тревог!
Сомненьем слабым дух мятется:
Какое тело примет бог,
В какой он образ облечется?
Но вот луна лучом своим
Посеребрила изваянья,
Сильней заволновался дым
И облака благоуханья.
Шаги! так точно! – различил
Их слух Сабины беспокойный, –
И кто-то трепетный и стройный
Ее в объятья заключил.
Благоуханьем окружен,
Незримый, сердцу он дороже.
О, что за чудный, страстный сон –
И храм, и дым, и это ложе!
Как будто нет уже земли, –
Она исчезла, закрываясь,
И, в лунном свете развиваясь,
Их в небе тучи понесли.
Сильнее свет дрожит в очах,
Сильнее аромат разлился,
И лик Анубиса в лучах
Улыбкой Мунда озарился.

* * *

Угрюм, безмолвен Сатурнин,
Он промолчал перед законом;
Но не поведал ли один
Он грустной тайны пред Нероном?
Старик, испытанный в боях,
Как мальчик, не был малодушен,
Но храм Анубиса во прах
По воле цезаря разрушен.
Толпа ругалась над жрецом,
Он брошен львам на растерзанье,
И долго, долго Мунд потом
Вдали влачил свое изгнанье.
1858

Студент
Посвящается С.П. Х-о

1

Гляжу на вас я, умница моя,
Как на своем болезненном вы ложе
Откинулись, раздумие тая,
А против вас, со сказочником схоже,
И бормочу и вспоминаю я
О временах, как был я молод тоже,
Когда не так казалась жизнь пуста, –
И просятся октавы на уста.

2

Я был студентом. Жили мы вдвоем
С товарищем московским в антресоле
Родителей его. Их старый дом
Стоял близ сада, на Девичьем поле.
Нас старики любили и во всём
Предоставляли жить по нашей воле –
Лишь наверху; когда ж сходили вниз,
Быть скромными – таков наш был девиз.

3

Нельзя сказать, чтоб тяжкие грехи
Нас удручали. Он долбил тетрадки
Да Гегеля читал; а я стихи
Кропал; стихи не выходили гладки.
Но, боже мой, как много чепухи
Болтали мы; как нам казались сладки
Поэты, нас затронувшие, все:
И Лермонтов, и Байрон, и Мюссе.

4

И был ли я рассеян от природы,
Или застенчив, не могу сказать,
Но к женщинам не льнул я в эти годы,
Его ж и Гегель сам не мог унять;
Чуть женщины лишь не совсем уроды, –
Глядишь, влюблен, уже влюблен опять.
На лекции идем – бранюсь я вволю,
А он вприпрыжку по пустому полю.

5

По праздникам езжали к старикам
Различные почтительные лица
Из сослуживцев старых и их дам,
Бывала также томная девица
Из институтских – по ее словам,
Был Ламартин всех ярче, как денница, –
Две девочки – и ту, что побледней,
Звала хозяйка крестницей своей.

6

Свершали годы свой обычный круг,
Гамлет-Мочалов сотрясал нас бурно,
На фортепьянах игрывал мой друг,
Певала Лиза – и подчас недурно –
И уходила под вечер. – Но вдруг
Судьбы встряхнулась роковая урна.
«Вы слышали? А я от них самих.
Ведь к Лизаньке присватался жених!»
7

«Не говорят худого про него.
С имением, хоть небольшого чину;
У генерала служит своего,
Ведет себя как должно дворянину:
Ни гадких карт, ни прочего чего.
Серебряную подарю корзину
я ей свою большую. – Что ж мне дать?
я крестная, а не родная мать».
8

Жених! жених! Коляска под крыльцом.
Отец и дочка входят с офицером. –
Не вышел ростом, не красив лицом,
Но мог бы быть товарищам примером:
Весь раздушон, хохол торчит вихром,
Торчат усы изысканным манером,
И воротник как жар, и белый кант,
И сахара белее аксельбант.
9

«Вот, Лизанька, бог дал и женишка!
А вы ее, мой милый, берегите:
Ребенок ведь! Немножечко дика,
Неопытна, – на нас уж не взыщите».
А мне ее отец: «Вы старика
утешьте, вы и ей не откажите:
Мы с Лизюю решились вас просить
С крестовым братом шаферами быть.»
10

«Ты, Лизанька, уж попроси сама,
Вы, кажется, друг другу не чужие,
Старинной дружбой связаны дома,
А с крестным братом даже и родные».
– «Я вас прошу». – «Ах, боже, дела тьма.
Пора и дальше, люди молодые,
И к тетушке мне нужно вас завести. –
Так по рукам?» – «Благодарю за честь».
11

Горит огнями весь иконостас
Хрустальное блестит паникадило,
И дьякона за хором слышен бас...
Она стоит и веки опустила,
Но так бледна, что поражает глаз;
Испугана ль она, иль загрустила?
Мы стали цепью все, чтобы народ
На наших дам не налезал вперед.
12

«Где ж мой платок? – старик воскликнул наш. –
Дай мне хоть свой; отдам тебе на бале.
Что возишься! Да скоро ли подашь?
Ну, дайте вы, хоть вы бы отыскали».
– «Да не найду». – «Вот завели cache-cache!»
– «И у меня! И у меня украли!»
– «Обчистили? Народец-то каков!»

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Вся наша цепь без носовых платков.
13

Стою да мельком на нее взгляну.
Знать, от свечей ей томно – от угара.
И жалко-жалко мне ее одну,
Но жалко тож индейского фуляра. –
«А не такую бы ему жену, –
Пожалуй, что она ему не пара».
Вот повели их кругом наконец,
И я топчусь, держа над ней венец.
14

Всё кончено. Пустеет божий храм. –
Подробностей уж не припомню дале,
Но помню, что с товарищем я там,
У них в дому, на свадебном их бале.
Стою в гостиной полусветлой сам,
А музыка гремит и танцы в зале.
Не знаю, что сказать, а предо мной
Давнишняя подруга молодой.
15

«Пойдемте вальс! Вы не хотите? Нет?
Но вы должны, – ведь я вознегодую..
Вы сердитесь за давешний ответ?»
– «Я не сержусь; я просто не танцую».
– «Ну, дайте ж руку! ссориться не след.
Та к сердцу ближе. Руку ту – другую».
И без перчатки стала хлопотать,
Чтобы с моей руки перчатку снять.
16

Но тут товарищ мой влетает в дверь:
«Вот где они! Куда запропастились!
Вас кавалер, как разъяренный зверь,
Повсюду ищет. – Вы б поторопились.
Да ты-то что? Не кисни хоть теперь,
Ступай за мной; там словно взбеленились».
– «Нет, уж уволь. Тебе оно под стать,
Ты по полю давно привык плясать».
17

Вот грянула мазурка. – Я гляжу,
Как королева средневековая,
Вся в бархате, туда, где я сижу,
Сама идет поспешно молодая
И говорит: «Пойдемте, я прошу
Вас на мазурку». Голову склоняя,
Я подал руку. Входим, – стульев шум,
И музыка гремит свое рум-рум.
18

«Вы, кажется, не в духе?» – «Я? Ничуть,
Напротив, я повеселиться рада
В последний раз. – И молодая грудь
Дохнула жарко. – Мне движенья надо:
Без устали помчимся! отдохнуть
Успею после, там, в гортани ада».
– «Да что вы говорите?» – «Верьте мне,
Я не в бреду и я в своем уме.»
19

«А хоть в бреду, безгрешен этот бред!
Несчастью не я теперь виною,
И говорить о нем уже не след, –
Умру и тайны этой не открою.
Тут маменька виновница всех бед:

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Распорядиться ей хотелось мною.
Я поддалась, всю жизнь свою сгубя. –
Я влюблена давно!» – «В кого?» – «В тебя!»
20

И мы неслись под пламенные звуки,
И – боже мой – как дивно хороша
Она была! и крепко наши руки
Сжимались, – и навстречу к ней душа
Моя неслась в томленьи новой муки.
«И я тебя люблю! – едва дыша,
я повторял. – Что нам людская злоба!
Взгляни в глаза мне; твой, – я твой до гроба!»
21

что было дальше, трудно говорить
И совестно. Пришлось нам поневоле
С товарищем усерднее ходить
В дом, где бывали редко мы дотолё.
Тот всё вином старался угостить;
Пьешь, и душа сжимается от боли,
Да к всеобщей спешишь, чтоб как-нибудь
Хоть издали разок еще взглянуть.
22

О сладкий, нам знакомый шорох платья
Любимой женщины, о, как ты мил!
Где б мог ему подобие прибрать я
Из радостей земных? Весь сердца пыл
К нему летит, раскинувши объятья,
я в нем расцвет какой-то находил.
Но в двадцать лет – как несказанно дорог
Красноречивый, легкий этот шорох!
23

Любить всегда отрадно, но писать –
Такая страсть у любящих к чему же?
Ведь это прямо дело выдавать,
И ничего не выдумаешь хуже.
Казалось бы, ну как не помышлять
О брате, об отце или о муже?
В затмении влюбленные умы –
И ревностно писали тоже мы.
24

я помню живо: в самый Новый год
Она мне пишет: «Я одна скучаю.
Муж едет в клуб; я выйду у ворот,
Одетая крестьянкою, и к чаю
Приду к тебе. Коль спросит ваш народ,
Вели сказать, что из родного краю
Зашла к тебе кормилицына дочь.
Укутаюсь – и не заметят в ночь».
25

С товарищем переглянулись мы.
Хотя не очень прытки были сами,
Но видим ясно: этой кутерьмы
и бабушка не разведет бобами.
Практические подлинно умы!
Нашли исход: рядиться мужиками!
Голубушка! Я звать ее не мог:
я не себя – ее я поберег.
26

А время шло. Кто любит так, не знает,
Чего он ждет, чем мысль его кипит.
Спросите вы у дома, что пылает:

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Чего он ждет? Не ждет он, а горит,
И темный дым весь искрами мелькает
Над ним, а он весь пышет и стоит.
Надолго ли огни и искры эти?
Надолго ли? – Надолго ль всё на свете?
27

Однажды мы сидели наверху
С товарищем, витая в думах нежных.
Вдруг горничная. – Весь платок в снегу,
Лицо у ней бледнее хлопьев снежных.
«Да что ты?» – «Всё пропало! Быть греху;
Все письма отыскал он в нотах прежних,
Да как пошел, – в столах, в шкапах, в трюмо
И в туфлях даже, глядь, – сидит письмо.»
28

«Под крик его и гам тут горьких слез
Из девичьей я слышала немало.
Не треснул ли ее проклятый пес!
Он сам ушел. В испуге написала
Вам тут она. – Не помню, как донес
Меня господь. Ответ я обещала.
Прочтите же; а я пока пойду
И за калиткой стану – подожду».
29

читаю: «Всё проведаль этот зверь.
С тобою он стреляться, верно, станет;
И если ты убьешь его теперь –
Тогда, тогда и счастье настанет.
Я верую, ты тоже сердцем верь,
Оно меня, я знаю, не обманет.
Я убегу в деревню за тобой,
И там твоею стану я женой.»
30

«А послезавтра в восемь приходи
На монастырь и стань там у забора
И на калитку с улицы гляди –
Хоть на часок уйду из-под надзора, –
Стой там в тени и терпеливо жди.
Как восемь станет бить, приду я скоро.
Недаром злые видела я сны!
Но верь ты мне, мы будем спасены».
31

Без опыта, без денег и без сил,
У чьей груди я мог искать спасенья?
Серебряный я кубок свой схватил,
Что подарила мать мне в день рожденья,
И пенковую трубку, что хранил
В чехле, как редкость, полную значенья,
Был и бинокль туда же приобщен
И с репетиром золотой Нортон.
32

Тебе в могилу тихую привет,
Мой старый друг, я, старец, посылаю.
Ты был у нас деканом много лет,
К тебе, бывало, еду и читаю
Я грешные стихи, пускаясь в свет,
И за полночь мы за стаканом чаю
Сидим, вникаем в римского певца..
Тебя любил и чтил я как отца!
33

Зачем всю дрянь к наставнику я вез?

Но лишь вошел, он крикнул мне: «Что с вами?»
Я объяснил как мог, повеся нос,
И вдруг, как мальчик, залился слезами.
Меня он обнял и почти донес
До кресла. Сам он с влажными глазами
И с кроткой речью, полною любви,
Стал унимать рыдания мои.
34

«Спасти ее!» – я только мог твердить.
«Спасти-то нужно вас, – расстроить эту
Безумную попытку. Заложить
Немедленно я прикажу карету...
Инспектора вас в карцер посадить
Я попрошу на месяц по секрету.
Когда своей не жаль вам головы,
То хоть ее-то не губите вы».
35

Давно стою, волнуясь, на часах,
И смотрит ярко месяц с тверди синей,
Спит монастырский двор в его лучах,
С церковных крыш блестит колючий иней.
Удастся ли ей вырваться-то? Ах!
И олуха такого быть рабыней!
На колокольне ровно восемь бьет;
Вот заскрипел слегка снежок... Идет!
36

Откинула покров она с чела,
И месяц светом лик ей обдал чистый.
Уже моих колен ее пола
Касается своей волной пушистой,
И на плечо ко мне она легла,
И разом круг объял меня душистый:
И молодость, и дрожь, и красота,
И в поцелуе замерли уста.
37

И я ворвался в этот мир цветов,
Волшебный мир живых благоуханий,
Горячих слез и уст, речей без слов,
Мир счастья и пылких упований,
Где как во сне таинственный покров
От нас скрывает всю юдоль терзаний.
Нельзя душой и блекнуть и цвести, –
Я в этот миг не мог сказать «прости».
38

А вам не жаль? Чего? – спросить бы надо:
Что был я глуп, или что стал умней?
Какая же за это мне награда?
Бывало, точно, и не спишь ночей,
Но сладок был и самый кубок яда;
Зато теперь чем дальше, тем горчей:
Всё те же рельсы и машина та же,
И мчит тебя, как чемодан в багаже.
39

Дня через два хозяйка за столом
Вдруг говорит: «А наши молодые
Уехали – и старики вдвоем
Остались. Он сказал, что там большие
В деревне хлопоты у них. Кругом
Падеж скота, и есть дела другие.
А вы чем сыты, молодой народ,
Что капельки вы не берете в рот?»
40

Затем, – затем настал конец. А вы
Простите, если сказка надоела.
Я скоро сам уехал из Москвы,
И мне писали: Лиза овдовела.
Поздней искал я милостей вдовы,
Но свидетелься она не захотела.
Болтали – там... какой-то генерал...
А может быть, кто говорил – соврал.
1884

Стихотворные переводы
С китайского
Тень
Башня лежит,
Все уступы сочтешь.
Только ту башню
Ничем не сметешь.
Солнце ее
Не успеет угнать, –
Смотришь, луна
Положила опять.
1856

Из Саади
«Обремененный славой мира...»
Обремененный славой мира,
Сравнийся с смоквою полей;
Она тем ниже гнется долу,
Чем смокв обильнее на ней.
(1847)

Подражание восточным стихотворцам
Вселенной целой потеряв владенье,
Ты не крушись о том: оно ничто.
Стяжав вселенной целой поклоненье,
Не радуйся ему: оно ничто.
Минутно наслажденье и мученье,
Пройди ты мимо мира: он ничто.
(1865)

Из Гафиза
«Звезда полуночи дугой золотою скатилась...»
Звезда полуночи дугой золотою скатилась,
На лоно земное с его суетою скатилась.
Цветы там она увидала и травы долины
И радостной их и живой пестротой пленилась.
Она услышала звонки говорливые стада
И мелких серебряных звуков игрою пленилась.
Коня увидала она, проскакавшего в поле,
И лошади статной летучей красою пленилась.
И мирными кровами хижин она и деревьев,
И даже убогой гнилушкой лесною пленилась.
И, всё полюбя, уж на небо она не просилась –
И рада была, что ночью порою скатилась.
(1859)

«О, если бы озером был я ночным...»
О, если бы озером был я ночным,
А ты луною, по нем плывущей!
О, если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей!
О, если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой, на нем растущей!
О, если бы сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!
(1859)

«Мы, Шемзеддин, со чадами своими...»
Мы, Шемзеддин, со чадами своими,
Мы, шейх Гафиз и все его монахи, –
Особенный и странный мы народ.
Удручены и вечных жалоб полны,
Без устали ярмо свое влача,
Роняя перлы из очей горячих, –
Мы веселы и ясны, как свеча.
Подобно ей мы таем, исчезаем,
И, как она, улыбкой счастья светим.
Пронизаны кинжалами ресниц
Жестоких, вечно требующих крови,
Мы только в этих муках и живем,
В греховном мире вечно утопая,
С раскаяньем нисколько не знакомы,
А между тем, свободные от злого,
Мы вечно дети света, а не тьмы –
И тем толпе вполне непостижимы.
Она людей трех видов только знает;
Ханжу, во-первых, варвара тупого,
фанатика, с его душою мрачной,
А во-вторых – развратника без сердца,
Ничтожного, сухого эгоиста,
И, наконец, – обычной колеей
Бредущего; но для людей, как мы,
Ей не найти понятия и названья.
(1859)

«Если вдруг, без видимых причин...»
Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрузу один.
Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть без кручин,
Не давай мне горьких пить лекарств:
Не терплю я этих чертовщин.
Принеси ты чашу мне вина,
С нею лютню, флейту, тамбурин.
Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.
Если ж я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шемзеддин.
(1859)

«Я был пустынною страной...»
Я был пустынною страной;
Огонь мистический спалил
Моей души погибший дол;
Песок пустыни огневой,
Я там взвивался и пылил,
И, ветром уносимый,
Я в небеса ушел.
Хвала творцу: во мне он
Унял убийственный огонь,
Он дождик мне послал сырой, –
И, кротко охлажденный,
Я прежний отыскал покой;
Бог дал мне быть веселой,
Цветущею землей.
(1859)

«О, как подобен я – смотри...»
О, как подобен я – смотри –
Свече, мерцающей в потьмах,
Но ты – в сияющих лучах
Восход зари.
Лишь ты сияй, лишь ты гори!
Хотя по первому лучу
Твой яркий свет зальет свечу,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Но умолять тебя хочу:
Лишь ты гори,
Чтоб я угас в твоих лучах!
(1859)

«Дано тебе и мне...»
Дано тебе и мне
Созвездием любовным
Украшить небеса:
Ты в них луною пышной,
Красавицей надменной,
А плачущей Плеядой
При ней мои глаза.
(1859)

«Десять языков лилеи...»
Десять языков лилеи
Жаждут песни соловья,
И с немеющих выходит
Ароматная струя.
(1859)

«Ветер нежный, окрыленный...»
Ветер нежный, окрыленный,
Благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный
Той одной, что знаешь ты.
Расскажи ей, что со света
Унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет
Тех наград, что знаешь ты.
Потому что под запретом
Видеть райские цветы
Тяжело – и сердце гложет
Та печаль, что знаешь ты.
И на что цветы Эдема,
Если в душу пролиты
Ароматы той долины,
Тех цветов, что знаешь ты?
Не орлом я быть желаю
И парить на высоты;
Соловей Гафиз ту розу
Будет петь, что знаешь ты.
(1859)

«Падет ли взор твой гордый...»
Падет ли взор твой гордый
На голову во прахе
Трактирного порога,
Не тронь ее, молю я:
То голова Гафиза,
Что над собой не властен.
Не наноси ты словом
Ему или зазорным
Насилием обид.
Не знающее меры,
Всё существо в нем словно
Лишь из трактирной пыли
Всемилосердный создал:
Он знает, что творит.
Обдумай только это –
И кротким снисхожденьем
Твою исполнит душу
Тогда бедняги-старца,
Упавшего постыдно,
Неблагородный вид.
(1859)

«Книгу мудрую берешь ты...»
Книгу мудрую берешь ты, –
Свой бокал берет Гафиз;
К совершенству всё идешь ты, –
К бездне зол идет Гафиз.
В рабстве тягостном живешь ты
Терпеливою овцой, –
Как пустынный лев в неволе,
Все оковы рвет Гафиз.
С тайной гордостью ведешь ты
Список мнимо добрых дел, –
Новый грех ежеминутно
На себя кладет Гафиз.
Многих избранных блюдешь ты
Поучением своим, –
К безрассудствам безрассудных,
Веселясь, зовет Гафиз.
Меч убийственный куешь ты
Покачать еретиков, –
Светлый стих свой, драгоценный,
Золотой, кует Гафиз.
К небу ясному встаешь ты
Дымом тяжким и густым, –
Горной речки блеск и свежесть
В глубь долин несет Гафиз.
Всё скажу одним я словом:
Вечно, бедный человек,
Горечь каждому даешь ты, –
Сладость всем дает Гафиз.
(1859)

«Ты в мозгу моем убогом...»
Ты в мозгу моем убогом
Не ищи советов умных:
Только лютней он веселых,
Только флейт он полон шумных.
(1859)

«Пусть, насколько хватит сил...»
Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет!
Пусть зелоты на тебя
Выступят в поход!
Ты не бойся их, Гафиз:
Вечно милосерд,
Сам Аллах противу них
Твердый твой оплот.
Зельзебилами твою
Жажду утолит,
Сварит солнце для тебя
Райских этих вод.
Чтобы горести твои
Усладить вполне,
Он бескрылого не раз
Ангела пришлет.
Мало этого: он сам,
В благости своей,
Поэтический венец
На тебя кладет.
И не Греция одна,
Даже и Китай
Песни вечные твои
С завистью поет.
Будут некогда толпой
Гроб твой навещать;
Всякий умница тебя
С честью помянет.
И когда умрешь ты, – твой

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Просветленный лик
Солнце, блеском окружа,
В небо понесет.
(1859)

«В царство розы и вина приди...»
В царство розы и вина приди,
В эту рошу, в царство сна – приди.
Утиши ты песнь тоски моей –
Камням эта песня слышна – приди.
Кротко слез моих уйми ручей –
Ими грудь моя полна – приди.
Дай испить мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна – приди.
Чтоб любовь до тла моих костей
Не сожгла – она сильна – приди.
Но дождись, чтоб вечер стал темней;
Но тихонько и одна – приди.
(1859)

«Веселись, о сердце-птичка...»
Веселись, о сердце-птичка,
Пой, довольное судьбиной,
Что тебя пленила роза,
Воцарившись над долиной.
Уж теперь тебе не биться
В грубой сети птицелова,
И тебя не тронут когти,
Не укусит зуб змеиный.
Правда, что занозы розы
Глубоко в тебя вонзились
И истечь горячей кровью
Ты должна перед кончиной.
Но зато твоей кончине
Нет подобной ни единой:
Ты умрешь прекрасной смертью,
Благородной, соловьиной.
(1859)

«Предав себя судьбам на произвол...»
Предав себя судьбам на произвол,
Моя душа жила голубкой мирной;
Но твой, о солнце, пламень к ней дошел,
Испепелил ее твой огонь всемирный.
И вот – смотри, что пепел проивел:
Свободных крыл гордясь стезей обширной,
Божественного гения орел
Дышать взлетает радостью эфирной.
(1859)

«Грозные тени ночей...»
Грозные тени ночей,
Ужасы волн и смерчей, –
Кто на покойной земле,
Даже при полном желаньи,
Вас понимать в состояньи?
Тот лишь один вас поймет,
Кто под дыханием бурь
В неизмеримом плывет
От берегов растояньи.
(1859)

«Ах, как сладко, сладко дышит...»
Ах, как сладко, сладко дышит
Аромат твоих кудрей!
Но еще дышал бы слаще
Аромат души твоей.
(1859)

«В доброй вести, нежный друг, не откажи...»
В доброй вести, нежный друг, не откажи,
При звездах прийти на луг – не откажи.
И в бальзаме, кроткий врач души моей,
Чтоб унять мой злой недуг, – не откажи.
В леденцах румяных уст, чтобы мой взор
За слезами не потух, – не откажи.
В пище тем устам, что юности твоей
Воспевают гимны вслух, – не откажи.
И во всём, на что завистливо в ночи
Смотрит неба звездный круг, – не откажи.
В том, чему отдавшись раз, хотя на миг,
Веки счастья помнит дух, – не откажи.
В том, что властно укротить еще одно
Пред могилою испуг, – не откажи.
(1859)

«Ежели осень наносит...»
Ежели осень наносит
Злые морозы, – не сетуй ты:
Снова над миром проснутся
Вешние грозы, – не сетуй ты.
Ежели мертвой листвою
Всюду твой взор оскорбляется,
Знай, что из смерти живые
Выглянут розы, – не сетуй ты.
Если тернистой пустыней
Путь твой до Кабы потянется,
Ни на колючий кустарник,
Ни на занозы не сетуй ты.
Если Юсуф одинокий
Плачет, отторжен от родины,
Знай, что заблещут звездами
Жаркие слезы, – не сетуй ты.
Всё переходчиво в мире,
Жребий и твой переменится;
Только не бойся судьбины
Злобной угрозы, – не сетуй ты.
(1859)

«Гиацинт своих кудрей...»
Гиацинт своих кудрей
За колечком вил колечко,
Но шепнул ему зефир
О твоих кудрях словечко.
(1859)

«Твой вечно, неизменно...»
Твой вечно, неизменно,
Пока дышать я буду;
Усну ль я под землей –
Взлечу к твоей одежде
Я пылью гробовой.
(1859)

«О помыслах Гафиза...»
О помыслах Гафиза
Лишь он один да бог на свете знает.
Ему он только сердце
Греховное и пылкое вверяет.
И не одним прощеньем
Всемилосердый благ, – он благ молчаньем...
Ни ангелам, ни людям
Об этом он словечка не роняет.
(1859)

«Сошло дыханье свыше...»

Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
«Гафиз, зачем мечтаешь,
Что сам творишь ты песнь свою?
С предвечного начала
На лилиях и розах
Узор ее волшебный
Стоит начертанный в раю!»
(1859)

«Уж если всё от века решено...»
Уж если всё от века решено, –
Так что ж мне делать?
Назначено мне полюбить вино, –
Так что ж мне делать?
Указан птице лес, пустыня льву,
Трактир Гафизу.
Так мудростью верховной суждено, –
Так что ж мне делать?
(1860?)

«Не будь, о богослов, так строг!..»
Не будь, о богослов, так строг!
Не дуйся, моралист, на всех!
Блаженства всюду ищем мы, –
А это уж никак не грех!
Нас, как израильских сынов,
Пустынный истомил побег,
И мы у неба просим яств,
А это уж никак не грех!
К чему нам райской тубы сень
И Гавриил на небесах?
Дверей трактира ищем мы,
А это уж никак не грех!
Да, нам старик-трактирщик – друг,
Мы сознаемся в том при всех, –
Притворства избегаем мы,
А это уж никак не грех!
Людскую кровь не станем лить
Мы для воинственных потех;
Льем виноградную мы кровь,
А это уж никак не грех!
Мы разверзаем клад души,
Чтобы для сладостных утех
Все перлы сердца раскидать,
А это уж никак не грех!
Мы славим милую в стихах,
И нас, быть может, ждет успех, –
Пленительным пленен поэт,
А это уж никак не грех!
Ты, как осел или верблюд,
Кряхтя, тащи тяжелый мех, –
Мы всё, что давит, с плеч долой,
А это уж никак не грех!
(1859)

«Гафиз убит. А что его убило...»
Гафиз убит. А что его убило, –
Свой черный глаз, дитя, бы ты спросила.
Жестокий негр! как он разит стрелами!
Куда ни бросит их – везде могила.
Ах, если есть душа у райской птицы,
Не по тебе ль ее трепещут крыла?
Нет, не пугай меня рассудком строгим,
Тут ничего его не сможет сила.
Любовь свободна. В мире нет преграды,
Которая бы путь ей заступила.
О состраданье! голос сердца нежный!

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Хотя бы ты на помощь поспешило.
Знать, из особой вышло ты стихии, –
Гафиза песнь тебя не победила!
(1860)(?)

Из Анакреона
«Сядь, Вафилл, в тени отрадной...»
Сядь, Вафилл, в тени отрадной,
Здесь, под деревом красивым;
Посмотри: до тонкой ветки
Каждый нежный лист трепещет;
Мимо с сладостным журчаньем
Пробирается источник;
Кто такое ложе лени,
Увидавши, проминует?
(1847)

Из Гете
Самообольщение
Соседкин занавес в окне
Волнуется опять.
Знать, хочет заглянуть ко мне
И дома ль я – узнать.
И точно ль гнев ревнивый свой,
Что целый день таю,
Я оскорбленную душой
Навеки сохраняю?
Но нет! ребенок милый мой
Не думает о том, –
Я вижу, ветер заревой
Играет полотном.
(1857)

На озере
И силу в грудь, и свежесть в кровь
Дыханьем вольным лью.
Как сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!
Волна ладью в размер весла
Качает и несет,
И вышних гор сырая мгла
Навстречу нам плывет.
Взор мой, взор, зачем склоняться?
Или сны златые снятся?
Прочь ты сон, хоть золотой, –
Здесь любовь и жизнь со мной!
На волнах сверкают
Тысячи звезд сотрясенных,
В дымном небе тают
Призраки гор отдаленных.
Ветерок струится
Над равниною вод,
И в залив глядится
Дозревающий плод.
(1859)

Новая любовь – новая жизнь
Сердце, сердце, что такое?
Что смутило жизнь твою?
Что-то странное, чужое;
Я тебя не узнаю!
Всё прошло, что ты любило,
Всё, о чем ты так грустило,
Труд и отдых – всё прошло, –
До чего уже дошло!
Иль тебя цветком росистым
Эта девственность чела,
Взором кротким, нежно-чистым

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Своевольно увлекла?
Вдруг хочу от ней укрыться,
Встрепенуться, удалиться,
Но мой путь еще скорей
Вновь, увы, приводит к ней!
И меня на нити тонкой,
Безнаказанно шутя,
Своенравною ручонкой
Держит девочка-дитя;
Красоты волшебной сила
Круг заветный очертила.
Что за странность – как во сне!
О любовь, дай волю мне!
(1862)

Прекрасная ночь
Вот с избушкой я прощаюсь,
Где любовь моя живет,
И бесшумно пробираюсь
Под лесной полночный свод.
Лунный луч, дробясь, мерцает
Меж дубами по кустам,
И береза воссылает
К небу сладкий фимиам.
Как живительна прохлада
Этой ночи здесь, в тиши!
Как целебна тут отрада
Человеческой души!
Эта ночь томит, врачуя,
Но и тысяч равных ей
Не сменяю на одну я
Милой девушки моей.
(Февраль 1878)

Ночная песня путника
Ты, что с неба и вполне
Все страданья укрощаешь
И несчастного вдвойне
Вдвое счастьем наполняешь, –
Ах, к чему вся скорбь и радость!
Истомил меня мой путь!
Мира сладость,
Низойди в больную грудь!
(Февраль 1878)

Границы человечества
Когда стародавний
Святой отец
Рукой спокойной
Из туч гремящих
Молнии сеет
В алчную землю, –
Край его ризы
Нижний целую
С трепетом детским
В верной груди.
Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет.
Если подыметса он и коснется
Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры;
Если ж стоит он
Костью дебелой
На крепкозданной,

Прочной земле,
То не сравняться
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.
Чем отличаются
Боги от смертных?
Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подьмет,
Волна поглощает,
И тонем мы.
Жизнь нашу объемлет
Кольцо небольшое,
И ряд поколений
Связует надежно
Их собственной жизни
Цепь без конца.
(1877)

Рыбак
Неслась волна, росла волна,
Рыбак над ней сидел,
С душой, холодною до дна,
На уду он глядел.
И как сидит он, как он ждет,
Разверзлась вдруг волна,
И поднялась из шума вод
Вся влажная жена.
Она поет, она зовет:
«Зачем народ ты мой
Людским умом и злом людским
Манишь в смертельный зной?
Ах, если б знал, как рыбкам весть
Отрадно жизнь на дне,
Ты сам спустился бы, как есть,
И был здоров вдвойне.
Иль солнце красное с луной
Над морем не встают
И лики их, дыша волной,
Не вдвое краше тут?
Иль не влечет небес тайник,
Блеск голубой красы,
Не манит собственный твой лик
К нам, в вечный мир росы?»
Шумит волна, катит волна
К ногам из берегов,
И стала в нем душа полна,
Как бы под страстный зов.
Она поет, она зовет, –
Знать, час его настал:
Влекла ль она, склонялся ль он, –
Но с той поры пропал.
(6 сентября 1885)

Зимняя поездка на Гарц
С коршуном сходно,
Что, на тяжелых утренних тучах
Тихим крылом почивая,
Ищет добычи, пари,
Песня моя.
Ибо бог
Каждому путь его
Предначертал,
Коим счастливец
К радостной цели
Быстро бежит;

Тот же, чье сердце
Сжато несчастьем,
Тщетно противится
Тесным пределам
Кованой нити,
Что всё ж горькие ножницы
Только однажды прервут.
В чаще суровой
Прячется дикий зверь,
И с воробьями
Давно богачи
В топи свои опустились.
За колесницей легко
Следовать пышной фортуны,
Как безмятежным придворным
По дороге исправленной
Вслед за въездом владыки.
Но кто там в стороне?
Путь его тонет в кустах,
Сзади его
Ветви смыкаются вновь,
Снова трава восстает,
Пустыня его поглощает.
Кто ж уврачуе того,
Ядом кому стал бальзам,
Кто из избытка любви
Выпил ненависть к ближним?
Презренный, став презирающим,
Тайно достоинство он
Только изводит свое
В самолюбивом стремленьи.
Коль на псалтири твоей
Есть, отец милосердья,
Звук, его уху доступный,
Сердце его утоли!
Взор раскрой отуманенный
На миллионы ключей
Рядом с томящимся жаждой
Тут же в пустыне.
Ты, посылающий радости
Каждому полною мерой,
Благослови и ловцов,
Братьев на поиск зверей;
Со своеволием юным,
Жаждой убийства,
Поздних мстителей буйства,
Тщетно с которым уж годы
Бьется с дубиной крестьянин.
Но увей одинокого
Тучей своей золотой,
Зеленью зимней венчай ты
До возрождения роз
Влажные кудри певца,
О любовь, твоего же!
Ты мерцающим факелом
Светишь ему
Ночью через броды,
По бездонным дорогам,
По пустынным полям;
Тысячецветной зарей
В сердце смеешься ему;
Едкою бурей своей
Ты возносишь его;
Зимние прядают воды
С гор в песнопенья к нему;
И алтарем благодарности нежной
Грозной вершины встает перед ним
Снегом покрытое темя,

что хороводами духов
Чутко венчали народы.
Ты с неприступною грудью
Смотришь таинственно явно
Над изумленной землей
И взираешь из облак
На страны и богатства,
Что из жил твоих братий
Рядом с собою ты льешь.
(1885)

Из Шиллера
Вечер
Бог лучезарный, спустись! жаждут долины
Вновь освежиться росой, люди томятся,
Медлят усталые кони, –
Спустись в золотой колеснице!
Кто, посмотри, там манит из светлого моря
Милой улыбкой тебя! узнало ли сердце?
Кони помчались быстрее:
Манит Фетида тебя.
Быстро в объятия к ней, вожжи покинув,
Спрянул возничий; Эрот держит за уздцы;
Будто вкопаны, кони
Пьют прохладную влагу.
Ночь по своду небес, прохладю вея,
Легкой стопою идет с подругой-любовью.
Люди, покойтесь, любите:
Феб влюбленный почил.
1840

Дифирамб
Боги всегда к нам
На землю приходят
Дружной толпой.
Только что Бахус ко мне принесется,
Тотчас крылатый Амур улыбнется
И прилетит Аполлон золотой.
Стремятся, несутся
Жильцы небо-края,
Бессмертных приемлет
Обитель земная.
Скажите, чем примет
Убогий сын Геи
Хор неземной?
О, дайте вы, боги, мне жизнь неземную!
Скажите, что, смертный, вам в дар принесу я?
Возьмите меня на Олимп за собой.
В чертоге Зевеса
Лишь царствует радость...
Налейте же в кубок
Мне нектара сладость!
«Подай ему кубок!
Полон поэту,
Геба, налей,
Росою небесной смочи ему очи,
Чтоб они вечной не видели ночи,
Чтоб он был равен нам славой своей.»
Небесная влага,
Напенься, белеет,
И грудь не мятется,
И око светлеет.
1840

К цветам
Дети солнечного восхода,
Пестрых пажитей цветы,
Вас взлелеяла природа

В честь любви и красоты.
Ваши яркие уборы
Под перстом прзрачным Флоры
Так нарядно хороши;
Но, любимцы неги вешней,
Плачьте: прелесть жизни внешней
Не вжохнула в вас души.
Вслед за жаворонком нежно
Соловьи о вас грустят,
На листьях у вас небрежно
Колыхаясь сильфы спят,
Ваши пышные короны
Превратила дочь Дионы
В брачный полог мотыльков.
Плачьте, плачьте, дети света!
В вас тоска понятна эта –
Вам неведома любовь.
Но томление разлуки
Выношу я, не скорбя;
Друг мой Нанни, эти руки
Вьют подарок для тебя!
Жизнь и душу, страсть и речи,
Сердца нежные предтечи,
Вам теперь передаю, –
И сильнейший меж богами
Здесь под скромными листьями
Скрыл божественность свою.
1854

Боги Греции
Как еще вы правили вселенной
И забав на легких помочах
Свой народ водили вожделенный,
Чада сказок в творческих ночах,
Ах, пока служили вам открыто,
Был и смысл иной у бытия,
Как венчали храм твой, Афродита,
Лик твой, Амагузия!
Как еще покров свой вдохновенье
Налагало правде на чело,
Жизнь полней текла чрез всё творенье;
Что и жить не может, всё жило.
Целый мир возвышен был убором,
Чтоб прижать к груди любой предмет;
Открывало посвященным взорам
Всё богов заветный след.
Где теперь, как нам твердят сторицей,
Пишет шар, вращаясь без души,
Правил там златою колесницей
Гелиос в торжественной тиши.
Здесь на высях жили ореады,
Без дриад – ни рощи, ни лесов,
И из урны радостной наяды
Пена прядала ручьев.
Этот лавр стыдливость девы прячет,
Дочь Тантала в камне том молчит,
В тростнике вот здесь Сиринкса плачет,
Филомела в рощи той грустит.
В тот поток как много слез, Церера,
Ты о Персефоне пролила,
А с того холма вотще Цитера
Друга нежного звала.
К порожденным от Девкалиона
Нисходил весь сонм небесный сам:
Посох взяв, пришел твой сын, Латона,
К Пирриным прекрасным дочерям.
Между смертным, богом и героем
Сам Эрот союзы закреплял,

Смертный рядом с богом и героем
В Амагунте умолял.
Строгий чин с печальным воздержаньем
Были чужды жертвенному дню,
Счастье было общим достояньем,
И счастливец к вам вступал в родню.
Было лишь прекрасное священо,
Наслажденья не стыдился бог,
Коль улыбку скромную камены
Иль хариты вызвать мог.
Светлый храм не ведал стен несносных,
В славу вам герой искал меты
На Истмийских играх венценосных,
И гремели колесниц четы.
Хороводы в пляске безупречной
Вкруг вились уборных алтарей.
На висках у вас венок цветочный,
Под венцами шелк кудрей.
Тирсоносцев радостных эвоя
Там, где тигров пышно запрягли,
Возвещало о младом герое,
И сатир и фавн, шатаясь, шли.
Пред царем неистово менады
Прославлять летят его вино,
И зовут его живые взгляды
Осушать у кружки дно.
Не костяк ужасный в час томлений
Подступал к одру, а уносил
Поцелуй последний вздох, и гений,
Наклоняя, факел свой гасил.
Даже в Орке судией правдивым
Восседал с весами смертной ввук;
Внес фракиец песнью сиротливой
До Иринний грустный звук.
В Елисей, к ликующему кругу
Песнь слетала землю помянуть,
Обретала верность вновь подругу,
И возница находил свой путь.
Для Линоса лира вновь отрада,
Пред Алцестой дорогой Адмет,
Узнает Орест опять Пилада,
Стрелы друга Филоктет.
Ждал борец высокого удела
На тяжелом доблестном пути;
Совершитель дел великих смело
До богов высоких мог дойти.
Сами боги, преклонясь, смолкают
Пред зовущим к жизни мертвецов,
И над кормчим светочи мерцают
Олимпийских близнецов.
Светлый мир, о где ты? как чудесен
Был природы радостный расцвет!
Ах, в стране одной волшебных песен
Не утрачен сказочный свой след!
Загрустя, повымерли долины,
Взор нигде не встретит божества, –
Ах, от той живительной картины
Только тень видна едва!
Всех цветов душистых строй великой
Злым дыханьем севера снесен,
Чтоб один возвысился владыкой,
Мир богов на гибель осужден.
Я ищу по небу, грусти полный,
Но тебя, Селена, нет как нет!
Оглашаю рощи, кличу в волны, –
Безответен мой привет.
Без признанья радость расточая,
Не провидя блеска своего,

Над собой вождя не сознавая,
Не деля восторга моего,
Без любви к виновнику творенья,
Как часы, неживлен и сир,
Рабски лишь закону тяготенья,
Обезбожен, служит мир.
Чтоб плодом назавтра разрешиться,
Рыть могилу нынче суждено;
Сам собой в ущерб и в ширь крутится
Месяц всё на то ж веретено;
Прваздно в мир искусства скрылись боги,
Бесполезны для вселенной той,
Что, у них не требуя подмоги,
Связь нашла в себе самой.
Да, они укрылись в область сказки,
Унося туда же за собой
Всё величье, всю красу, все краски,
А у нас остался звук пустой.
И взамен веков и поколений
Им вершины Пинда лишь на часть;
Чтоб бессмертным жить средь песнопений,
Надо в жизни этой пасть.
(февраль 1878)

Из Кернера
Москва
Как высоки церквей златые главы,
Как царственно дворцы твои сияют!
Со всех сторон глаза мои встречают
И гордый блеск, и памятники славы.
Но час твой бил, о город величавый!
Твои граждане руку поднимают,
Трещит огонь, и факелы пылают,
И ты стоишь в горячей ризе лавы!
О, пусть тебя поносит исступленье:
Ломитесь башни, рушьтеся палаты!
То русский феникс, пламенем объятый,
Горит векам... Но близко искупленье;
Уже под клик и общие восторги
Копье побед поднял святой Георгий.
1843

Из Уланда
Бертран де Борн
На утесе том дымится
Аутафорт, сложен во прах,
И пред ставкой королевской
Властелин его в цепях.
«Ты ли, что мечом и песней
Поднял бунт на всех концах,
Что к отцу в непослушанье
У детей вселил в сердцах?
Тот ли здесь, что выхвалялся,
Не стыдяся никого,
Что ему и половины,
Хватит духа своего?
Если мало половины,
Призови его всего
Замок твой отстроить снова,
Снять оковы с самого».
«Мой король и повелитель,
Пред тобой Бертран де Борн,
Что возжег единой песнью
Перигорд и Вентадорн,
Что у мощного владыки
Был в глазу колючий терн,
Тот, из-за кого гнев отчий
Короля пылал как горн.

Дочь твоя сидела в зале
С ней был герцог обручен,
И гонец мой спел ей песню,
Мною песне обучен,
Спел, как сердце в ней гордилось,
Что певец в нее влюблен,
И убор невесты пышный
Весь слезами стал смочен.
В бой твой лучший сын воспрянул,
Кинув долю без забот,
Как моих воинских песен
Гром донес к нему народ.
На коня он сел поспешно,
Сам я знамя нес вперед.
Тут стрелою он пронзенный
У Монфортских пал ворот!
На руках моих он, бедный,
Окровавленный лежал,
Не от боли, – от проклятья
Он отцовского дрожал.
Вдаль к тебе он тщетно руку
На прощанье простирал,
Но твоей не повстречавши,
Он мою еще пожал.
Тут, как Аутафорт мой, горе
Надломило силача:
Ни вполне, ни вполовину,
Ни струны и ни меча.
Лишь расслабленного духом
Ты сразил меня сплеча;
Для одной лишь песни скорби
Он поднялся сгоряча».
И король челом поникнул:
«Сына мне ты возмутил,
Сердце дочери пленил ты –
И мое ты победил.
Дай же руку, друг сыновний,
За него тебя простил!
Прочь оковы! – Твоего же
Духа вздох я ощутил».
1882

Из Рюккерта
«Если ты меня разлюбишь...»
Если ты меня разлюбишь,
Не могу я разлюбить;
Хоть другого ты полюбишь,
Буду всё тебя любить;
Не в моей лишь будет власти,
За взаимность вашей страсти,
И его мне полюбить.
(1856?)

«Пусть бы люди про меня забыли...»
Пусть бы люди про меня забыли,
Как про них забыл я совершенно,
Чтоб с тобой мы так же мирно жили,
Как желаю я им жить блаженно.
Пусть бы им мы так же были нужны,
Как нам ими нужно заниматься,
Хоть, как мы, они бы жили дружно,
Иль дрались, коль есть охота драться.
(1865?)

«Как мне решить, о друг прелестный...»
Как мне решить, о друг прелестный,
Кто властью больше: я иль ты?
Свободных песен круг небесный

Не больше царства красоты.
Два рая: ты – в моем царица,
А мне – в твоём царить дано.
Один другому лишь граница,
И оба вместе лишь одно.
Там, где любовь твоя невластна,
Восходит песни блеск моей;
Куда душа ни взглянет страстно,
Разверсто небо перед ней.
(1865?)

«У моей возлюбленной есть украшеньё...»
У моей возлюбленной есть украшеньё,
В нём она блаженна в каждое мгновенье,
Всем другим на зависть, мне на загляденье.
У моей возлюбленной есть украшеньё,
В нём связали страсть моя и вдохновенье
С золотом и самоцветные каменья.
У моей возлюбленной есть украшеньё,
В нём она должна, её такое мненье,
И восторг встречать и даже огорченье.
У моей возлюбленной есть украшеньё,
В нём она предстать желает в погребенье
Так же, как была в нём в обрученье.
(1865?)

«И улыбки, и угрозы...»
И улыбки, и угрозы
Мне твои – всё образ розы;
Улыбнешься ли сквозь слезы,
Ранний цвет я вижу розы,
А пойдут твои угрозы,
Вспомню розы я занозы;
И улыбки, и угрозы
Мне твои – всё образ розы.
(1865?)

«Не хочу морозной я...»
Не хочу морозной я
Вечности,
А хочу бесслезной я
Младости,
С огненным желанием,
Полной упованием
Радости.
Не лавровой веткою
Я пленён,
Миртовой беседкою
Окружен;
Пусть бы ненавистную
Ветку кипарисную
Ждал мой сон.
(1865?)

Из Мерике
«Будь, Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою...»
Будь, Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою.
Нежен ты прежде всего, но и торжествен вполне.
Ежели граций ты шлешь в золотые чертоги богатых,
Босы они, без даров, снова приходят к тебе.
Праздно сидят они снова в убогом доме поэта,
Грустно склоняя чело к сгибу остывших колен.
Или мне деву яви, когда в исступлении страсти,
Юноши видя обман, ищет Гекату она.
Или воспой молодого Геракла, которому служит
Люлькою кованный щит, где он и змеем задушил.
Звучен триумф твой! Сама тебя Каллиопа венчает;
Пастырь же скромный, затем снова берешь ты свирель.

«Как красив на утренней заре...»
Как красив на утренней заре
Птичий след по снегу на горе!
Но красивей милая рука
Мне чертит письмо издалека.
В небеса высок у цапли взлет:
Ни стрела, ни пуля не доймет;
Во сто раз и выше, и быстрее
Мысль летит к избраннице своей.
(9 августа 1888)

Покинутая девушка
Чуть петухи кричат
Станут зарю,
У очага стоять
Мне над золою.
Брызжут с огней моих
Искры, – неволью
Я загляжусь на них...
Станет так больно...
Вот срель мечты моей
Помысл явился,
Что эту ночь, злодей,
Ты мне приснился, –
Слезы текут ручьем...
Вот показался
День за минувшим днем...
Хоть бы кончался!
(13 августа 1888)

Из Гейне
«Из слез моих много родится...»
Из слез моих много родится
Роскошных и пестрых цветов,
И вздохи мои обратятся
В полуночный хор соловьев.
Дитя, если ты меня любишь,
Цветы все тебе подарю,
И песнь соловьиная встретит
Под милым окошком зарю.
1841

«Лилею, розой, голубкой, денницей...»
Лилею, розой, голубкой, денницей
Когда-то и я восторгался сторицей.
Теперь я забыл их, пленяся одною
Младую, родною, живую душою.
Она, всей любви и желаний царица,
Мне роза, лилея, голубка, денница.
(1857?)

«Ланитой к ланите моей прикоснись...»
Ланитой к ланите моей прикоснись, –
Тогда наши слезы сольются,
И сердцем теснее мне к сердцу прижмись, –
Огнем они общим зажгутся.
И если в тот пламень прольются рекой
Те общие слезы мученья, –
Я, крепко тебя охвативши рукой,
Умру от тоски наслажденья.
1842

«Дитя, мои песни далеко...»
Дитя, мои песни далеко
На крыльях тебя унесут,
К долинам Гангесова тока:

Я знаю там лучший приют.
Там, светом луны обливаясь,
В саду всё зардевшись цветет,
И лотоса цвет, преклоняясь,
Сестрицу заветную ждет.
Смясь, незабудкины глазки
На дальние звезды глядят,
И розы душистые сказки
Друг другу в ушко говорят.
Припрянув, внимания полны,
Там смиренно газели стоят,
А там, в отдалении, волны
Священного тока шумят.
И там мы под пальмою молодою,
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснем – и с тобою
Увидим блаженные сны.
1842

«Как из пены вод рожденная...»
Как из пены вод рожденная,
Друг мой прелести полна:
Ведь, другому обрученная,
Ты пред ним сиять должна.
Сердце, ты, многострадальное,
На измену не ропщи,
И безумие печальное
Ты оправдывать ищи.
1857

«Я не ропщу, пусть сердце и в огне...»
Я не ропщу, пусть сердце и в огне;
Навек погибшая, роптать – не мне;
Как ни сияй в алмазах для очей,
А ни луча во мгле души твоей.
Я это знал. Ведь ты же снилась мне;
Я видел ночь души твоей на дне,
И видел змей в груди твоей больной,
И видел, как несчастна ты, друг мой.
1857

«Да, ты несчастна – и мой гнев угас...»
Да, ты несчастна – и мой гнев угас.
Мой друг, обоим нам судьба – страдать.
Пока больное сердце бьется в нас,
Мой друг, обоим нам судьба – страдать.
Пусть явный вызов на устах твоих,
И взор горит, насмешки не тая,
Пусть гордо грудь трепещет в этот миг, –
Ты всё несчастна, как несчастен я.
Улыбка горем озарится вдруг,
Огонь очей слеза зальет опять,
В груди надменной – язва тайных мук,
Мой друг, обоим нам судьба – страдать.
1857

«На севере дуб одинокий...»
На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным, и лдяным ковром.
Во сне ему видится пальма,
В далекой восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале.
1841

«Слышу ли песенки звуки...»

Слышу ли песенки звуки,
Той, что певала она, –
Снова томительной муки
Грудь, как бывало, полна.
Так и потянет невольно
В горы да к темным лесам, –
Всё, что и горько, и больно,
Может быть, выплачу там.
1857

«Мой друг, мы с тобою сидели...»
Мой друг, мы с тобою сидели
Доверчиво в легком челне.
Тиха была ночь, и хотели
Мы морю отдаться вполне.
И остров видений прекрасный
Дрожал, озаренный луной.
Звучал там напев сладкогласный,
Туман колыхался ночной.
Там слышались нежные звуки,
Туман колыхался как хор, –
А мы, преисполнены муки,
Неслись на безбрежный простор.
1857

«Твои пылают щечки...»
Твои пылают щечки
Румянцем вешних роз,
А в крошечном сердечке
По-прежнему мороз.
Изменится всё это,
Увидишь ты сама:
На сердце будет лето
И на щеках зима.
1847

«Я плакал во сне; мне приснилось...»
Я плакал во сне; мне приснилось,
Что друг мой во гробе лежит, –
И я проснулся – и долго
Катилися слезы с ланит.
Я плакал во сне; мне приснилось,
Что ты расстанешься со мной, –
И я проснулся – и долго
Катилися слезы рекой.
Я плакал во сне; мне приснилось,
Что ты меня любишь опять, –
И я проснулся – и долго
Не в силах я слез был унять.
1847

«Когда на дороге, случайно...»
Когда на дороге, случайно,
Мне встретилась милой родня, –
И мать, и отец, и сестрица
Любезно узнали меня.
Спросили меня о здоровье,
Прибавивши сами потом,
Что мало во мне перемены, –
Одно, что я бледен лицом.
О тетках, золовках и разных
Докучных расспрашивал я,
О маленькой также собачке
С приветливым лаем ея.
Спросил, между прочим, о милой:
Как с мужем она прожила?
И мне отвечали лбезно,
Что только на днях родила.

И я их любезно поздравил
И нежно шептал им в ответ,
Прозя передать подравленья
И тысячу раз мой привет.
Сестрица примолвила громко:
«С собачкой случилась беда:
Как стала большою, взбесилась, –
Утоплена в Рейне тогда.»
В малютке есть с милою сходство:
Улыбку ее узнаю, –
И те же глаза, что сгубили
И юность, и душу мою.
1857

«С порога рыбачьей избушки...»
С порога рыбачьей избушки
Мы видели море вдали;
Вечерний туман отделялся
Приметно от волн и земли.
Один за другим зажигались
Огни на большом маяке,
И лишний один разглядели
Еще мы корабль вдалеке.
Шла речь о крушеньях и бурях,
О том, что матросу беда, –
Что он между небом и бездной,
Надеждой и страхом всегда.
Про Север и Юг толковали,
Какие по тем берегам
Особые есть населенья,
Какие обычаи там.
В цветах берега у Гангеса,
Леса-исполины растут,
И стройные, кроткие люди
Там лотос, склоняясь, чтут.
В Лапландии грязные люди,
Курносый, невзрачный народ:
К огню подберется, да, рыбу
Готовя, пищит и орет.
Дослушали девочки жадно,
Никто ни полслова потом;
Корабль в отдалении скрылся,
Давно потемнедо кругом.
1857

«Красавица-рыбачка...»
Красавица-рыбачка,
Причалъ свою ладью,
Пойди исядь со мною,
Дай руку мне свою.
Доверчиво головкой
На грудь склонись ко мне;
Ведь ты ж себя вверяешь
Беспечно глубине.
С приливом и отливом,
Что море, грудь моя,
И много чудных перлов
Во глубине ея.
1841

«Нисходят во гроб поколенья...»
Нисходят во гроб поколенья,
Идут и проходят года,
И только одна в моем сердце
Любовь не пройдет никогда.
Хоть раз бы еще на колени
Упасть мне и встретить твой взор,
И только сказать, умирая:

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
«Madame, je vous adore!»
1857

«Они любили друг друга...»
Они любили друг друга,
Но каждый упорно молчал;
Смотрели врагами, но каждый
В томленьи любви изнывал.
Они расстались – и только
Встречались в виденьи ночном;
Давно они умерли оба –
И сами не знали о том.
1857

«Когда я про горе свое говорил...»
Когда я про горе свое говорил,
То каждый зевал да молчанье хранил;
Когда же в стихи я его нарядил,
То много великих похвал заслужил.
1857

«Как луна, светя во мраке...»
Как луна, светя во мраке,
Прорезает пар густой,
Так из темных лет всплывает
Ясный образ предо мной.
Все на палубе сидели,
Гордо Рейн судно качал,
Поздний луч младую зелень
Берегов озолочал.
И у ног прекрасной дамы
Я задумчиво сидел;
Бледный лик ее на солнце
Ярким пламенем горел.
Струн томленье, хоров пенье,
Жизнь как праздник хороша! –
Небо тихо голубело,
Расширялася душа.
Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо нас
И светились мне навстречу
В паре ясных женских глаз.
1847

«Во сне я милую видел:...»
Во сне я милую видел:
Во взоре забота, испуг.
Когда-то цветущее тело
Извел, обессилил недуг.
Ребенка несла, а другого
Вела злополучная мать.
Во взоре, походке и платье
Нельзя нищеты не признать.
Шатаясь, брела она к рынку,
И тут я ее повстречал.
Она посмотрела, – и тихо
И горестно я ей сказал:
«Пойдем ко мне в дом. Невозможно
И бледной и хворой бродить:
Я стану усердной работой
Тебя и кормить и поить.
Детей твоих стану лелеять,
Всю нежность на них обратя,
Но прежде всего – на тебя-то,
Бедняжка, больное дитя!
Тебе никогда не напомним
Ничем о любви я своей
И если умрешь ты – я буду

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Рыдать на могиле твоей».
1857

«Как цвет, ты чиста и прекрасна...»
Как цвет, ты чиста и прекрасна,
Нежна, как цветок по весне;
Взгляну на тебя – и тревога
Прокрадется в сердце ко мне.
И кажется, будто б я руки
Тебе на чело возложил,
Молясь, чтобы бог тебя нежной,
Прекрасной и чистой хранил.
1843

«Хотел я с тобою остаться...»
Хотел я с тобою остаться,
Забиться, моя красота;
Но было нам должно расстаться,
Ты чем-то была занята.
Тебе я сказал, что связала
Нам души незримая связь,
Но ты от души хохотала,
И ты мне присела, смеясь.
Страданья прибавить сумела
Ты чувствам влюбленным моим
И даже польстить не хотела
Прощальным лобзаньем своим.
Не думай, что я застрелюся,
Как мне и ни горек отказ;
Всё это, мой друг, признаюся,
Со мною бывало не раз.
1847

«Ах, опять всё те же глазки...»
Ах, опять всё те же глазки,
Что так нежно улыбались,
И опять всё те же губки,
Что так сладко целовались!
Этот голос, мне когда-то
Дорогой, не изменился;
Только сам уже не тот я,
Измененным воротился.
Вновь меня объемят страстно
Бледно-розовые руки,
Но лежу у ней на сердце,
Полон холода и скуки.
1847

«По бульварам Саламанки...»
По бульварам Саламанки
Воздух благорастворенный.
Там, в прохладный летний вечер,
Я гуляю с милой донной.
Я рукой нетерпеливой
Обнял стройное созданье
И блаженным пальцем слышу
Гордой груди колыханье.
Но по липам слышен шорох,
Полный чем-то невеселым,
И ручей в низу плотины
Злобно грезит сном тяжелым.
Ах, сеньора, чует сердце:
Скоро буду я в изгнаньи;
По бульварам Саламанки
Не ходить нам на гуляньи.
1847

Горная идиллия

На горе стоит избушка,
Где живет старик седой;
Там сосна шумит ветвями,
Светит месяц золотой.
Посреди избушки кресло;
Все в резьбе его края.
Кто на них сидит, тот счастлив,
И счастливец этот – я.
На скамье сидит малютка,
Подпершись под локоток.
Глазки – звезды голубые,
Ротик – розовый цветок.
И малютка эти звезды
Кротко на меня взвела
И лилейный пальчик хитро
К розе рта приподняла.
Нет, никто нас не увидит,
Мать так пристально прядет,
И отец под звуки цитры
Песнь старинную поет.
И малютка шепчет тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайн немаловажных
От нее разведал я.
«Но как тетушка скончалась,
И ходить нельзя уж нам
На стрелковый праздник в Гослар;
Хорошо бывает там.
Здесь, напротив, так пустынно
Гор холодных вышины,
И зимой мы совершенно
Будто в снег погребены.
Я же робкая такая,
Как ребенку, страшно мне;
Знаю, ночью злые духи
Бродят в нашей стороне.»
Вдруг малютка приумолкла,
Как бы слов страшась своих,
И ручонками прикрыла
Звезды глазок голубых.
Пуще ветр шумит сосною
Прялка воет и ревет,
И под звонкий голос цитры
Песнь старинная поет:
«Не страшись, моя малютка,
Покушений власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы над тобой!»
1847

«Желтеет древесная зелень...»
Желтеет древесная зелень,
Дрожа, опадают листья..
Ах, всё увядает, всё меркнет
Все неги, весь блеск красоты.
И солнце вершины лесные
Тоскливым лучом обдает:
Знать, в нем уходящее лето
Лобзанье прощальное шлет.
А я – я хотел бы заплакать,
Так грудь истомилась тоской..
Напомнила эта картина
Мне наше прощанье с тобой.
Я знал, расставаясь, что вскоре
Ты станешь жилицей небес.
Я был – уходящее лето,
А ты – умирающий лес.
1847

Посейдон

Солнце лучами играло
Над морем, катящим далеко валы;
На рейде блистал в отдаленьи корабль,
Который в отчизну меня поджидал;
Только попутного не было ветра,
И я спокойно сидел на белом песке
Пустынного берега.
Песнь Одиссея читал я – старую,
Вечно юную песнь. Из ее
Морем шумящих страниц предо мной
Радостно жизнь подымалась
Дыханьем богов
И светлой весной человека,
И небом цветущим Эллады.
Благородное сердце мое с участием следило
За сыном Лаэрта в путях многотрудных его;
Садилось с ним в печальном раздумье
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут,
Лгать и удачно ему убежать помогало
Из объятия нимф и пещер исполинов,
За ним в киммерийскую ночь, и в ненастье,
И в кораблекрушение неслоь,
И с ним несказанное горе терпело.
Вздыхнувши, сказал я: «Злой Посейдон,
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь
Не вернуть в отчизну!»
Едва я окончил, –
Запенилось море,
И бог морской из белеющих волн
Главу, осокою венчанную, поднял,
Сказавши в насмешку:
«Что ты боишься, поэттик?
Я нимало не стану тревожить
Твой бедный кораблик,
Не стану в раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой.
Ведь ты, поэттик, меня никогда не сердил:
Ни башенки ты не разрушил у стен
Священного града Приама,
Ни волоса ты не спалил на глазу
Полифема, любезного сына,
И тебе не давала советов ни в чем
Богиня ума – Паллада Афина.»
Так воззвал Посейдон
И в море опять погрузился,
И над грубою остротой моряка
Под водой засмеялись
Амфитрита, женщина-рыба,
И глупые дочери Нерея.
1842

Эпилог

Будто на ниве колосья
Зреют, колеблясь, в душе человека
Помыслы;
Но между них прорываются ярко
Помыслы нежно-любовные, словно
Алые да голубые цветы.
Алые да голубые цветы!
Брезгают вами жнецы, как травой бесполезной,
Нагло затем вас молотят дубины,
Даже бездомный прохожий
Вдоволь насытит и взоры и сердце,
Да, покачав головой,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
Даст вам название плевел прекрасных.

Но молодая крестьянка
Вас на венок
Ищет заботливо,
Ваши убрать золотистые кудри,
И в этом уборе спешит в хоровод,
Где дудки да песни отрадно манят,
Иль под развесистый вяз,
Где голос любезного слаще манит
Дудок и песен.
(1857?)

«Ты вся в жемчугах и в алмазах...»
Ты вся в жемчугах и в алмазах,
Вся жизнь для тебя – благодать,
И очи твои так прелестны, –
Чего ж тебе, друг мой, желать?
К твоим очам прелестным
Я создал целую рать
Бессмертием дышащих песен,
Чего ж тебе, друг мой, желать?
Очам твоим прелестным
Дано меня было терзать,
И ты меня ими сгубила, –
Чего ж тебе, друг мой, желать?
(12 апреля 1874)

«Дитя, мы детьми еще были...»
Дитя, мы детьми еще были,
Веселю парой детей;
Мы лазили вместе в курятник,
К соломе, и прятались в ней.
Поем петухами, бывало,
И только что люди идут, –
Кукуреку! – им сдаётся,
Что то петухи так поют.
На нашем дворе ухитрились
Мы ящики пышно убрать.
В них жили мы вместе, стараясь
Достойно гостей принимать.
Соседская старая кошка
Нередко бывала у нас;
Мы кланялись ей, приседая,
Твердя комплименты подчас.
Спешили ее о здоровье
С любезным участием спросить,
С тех пор приходилось всё то же
Не раз старой кошке твердить.
Мы чинно сидели, толкуя,
Как старые люди, тогда
И так сожалели, что лучше
Всё в наши бывало года.
Что веры с любовью и дружбой
Не знает теперешний свет,
Что кофе так дорог ужасно,
А денег почти что и нет.
Промчались детские игры,
И всё пронеслось им вослед –
И вера с любовью и дружбой,
И деньги, и время, и свет.
1857? 1882

«Не глумись над чертом, смертный...»
Не глумись над чертом, смертный,
Краток жизни путь у нас,
И проклятие навеки –
Не пустой народный глас.
Расплатись с долгами, смертный,
Долог жизни путь у нас,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
И занять тебе придется,
Как ты дельвал не раз.
(2 июня 1888)

«Трубят голубые гусары...»
Трубят голубые гусары,
Верхом из ворот выходя,
А с розовым вновь я букетом
К тебе, дорогое дитя.
Вот дикое было хозяйство!
Военщина, земский погром...
И даже немало постою
Бывало в сердечке твоём.
(29 декабря 1890)

«Уж вечер надвинуться хочет...»
Уж вечер надвинуться хочет,
Туман над волнами растёт,
Таинственно море рокошет
И что-то, белеясь, встает.
Из волн поднимается фея
И села со мной у зыбей.
Вздвигаются груди, белея
Под легким покровом у ней.
Она обняла, охватила,
Больнее мне всё и больней.
«Меня ты не в меру сдавила,
Прекрасная фея морей!»
– «Тебя я руками сжимаю,
Насильно в объятиях жму,
Тобой я согреться желаю
В вечернюю хладную мглу».
Луна всё взирает бледнее
С заоблачной выси своей.
«Твой взор всё мутней и влажнее,
Прекрасная фея морей!»
– «Мой взор не влажнее нисколько,
Он мутен, как будто в слезах, –
Когда я из волн выступала,
Осталась капля в глазах.»
Вскричались чайки нежданно,
Прибой всколыхался сильней.
«Стучит твоё сердце так странно,
Прекрасная фея морей!»
– «Стучит моё сердце так странно,
Так дико мятущь я душой,
Затем, что люблю несказанно
Тебя, милый облик людской.»
(1890)

«В молодые тоже годы...»
В молодые тоже годы
Знал я тяжкие невзгоды,
Как пылал не раз.
Но дровам цена безмерна,
И огонь потухнет, верно,
Ма foі! и в добрый час.
Вспомни это, друг прекрасный,
Устыдись слезы напрасной
И нелепого огня.
Если жизнь ты сохранила,
То забудь, что ты любила,
Ма foі! обняв меня.
(14 апреля 1891)

Гренадеры
Во Францию два гренадера пошли, –
В России в плену они были;

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

Но только немецкой достигли земли,
Как головы тут же склонили.
Печальная весть раздалась в ушах,
Что нет уже Франции боле.
Разбита великая армия в прах
И сам император в неволе.
Тогда гренадеры заплакали вдруг,
Так тяжело то слышать им было,
И молвил один: «О, как больно мне, друг,
Как старая рана заныла.»
Другой ему молвил: «Конец, знать, всему,
С тобой бы я умер с печали,
Но ждут там жена и ребята в дому,
Они без меня бы пропали.»
– «Не до детей мне, не до жены,
Душа моя выше стремится;
Пусть по миру ходят, когда голодны, –
В плену император томится!
Исполни ты просьбу, собрат дорогой:
Когда здесь глаза я закрою,
Во Францию труп мой возьми ты с собой,
Французской зарой там землю.
Почетный мой крест ты на сердце мое
Вложи из-под огненной ленты,
И в руку мою ты подай мне ружье,
И шпагу мне тоже надень ты.
Так буду лежать я во гробе своем:
Как бы на часах и в молчаньи,
Покуда заслышу я пушечный гром,
И топот, и конское ржанье.
На гроб император наедет на мой,
Мечи зазвенят отовсюду,
И, встав из могилы в красе боевой,
Спасать императора буду».
(31 мая 1891)

Из Мура
«Прощай, Тереза! Печальные тучи...»
Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что томным покровом луну облекли,
Еще помешают улыбке летучей,
Когда твой любовник уж будет вдали.
Как этитучи, я долгою тенью
Мрачил твоё сердце и жил без забот.
Сошлись мы – как верила ты наслажденью,
Как верила счастью, – о боже!.. И вот,
Теперь свободна ты, диво соданныя, –
Скорее тяжёлый свой сон разгоняй;
Смотри, и луны уж прошло обаянье,
И тучи минуют, – Тереза, прощай!
1847

Из Байрона
«О, солнце глаз бессонных – звездный луч...»
О, солнце глаз бессонных – звездный луч,
Как слезно ты дрожишь меж дальних туч!
Сопутник мглы, блестящий страж ночной,
Как по былом тоска сходна с тобой!
Так светит нам блаженство дальних лет:
Горит, а всё не греет этот свет;
Подруга дум воздушная видна,
Но далеко, – ясна, но холодна.
1844

Из Шенье
Подражание XVI Идиллии Биона
Прекрасная звезда Венеры светлоокой!
Пока свое чело за рощею далекой

Диана нежная скрывает, освети
Кустарник тот и холм для моего пути.
Я оставляю кров не для ночных хищений,
На путников в душе не крою покушений.
Нет, я люблю и жду возмездия забот
От нимфы молодой, красы между красот, –
Как в мириаде звезд, Дианой предводимой,
Краса ночных небес, горит твой луч любимый.
1847

Лида

«Ланиты у меня на солнце загорели,
И ноги белые от терний покраснели.
День целый я прошла долиною; влекли
Меня со всех сторон бляения вдали.
Бегу, – но, верно, ты скрываешься, враждую;
Всё пастухи не те! О, где же, где найду я
Тебя, красавец мой? Скажи, поведай мне,
Где ты пасешь стада? В которой стороне?
О нежный отрок, ты краснеешь предо мною!
Взгляни, как я бледна, – истомлена тобою:
Люблю твое чело невинное и нрав.
Пойдем. – Не всё ж искать ребяческих забав.
О нежный отрок мой, узнай, как я страдаю:
Хочу забыть тебя – и всё не забываю.
Прекрасное дитя, к тебе влекут мечты:
Как дева робкая, склоняешь взоры ты.
Грудь белая твоя, полуприкрыта тканью,
Еще не отдалась любовному желанью.
Пойдем. Узнаешь всё. Тебя я научу.
С душою девственной беседовать хочу.
Пока, преодолев невольное смущенье,
Как я, познаешь ты и взохи и томленье,
А детских щек твоих вот этот пышный цвет –
Единственно моих лобзаний будет след.
О, если б наконец ты раннею зарею
Пришел на грудь ко мне прикинуть головою!
Я, сон лелея твой, боялась бы дохнуть,
Чтоб не будить тебя, дышала бы чуть-чуть,
И, складки тонкого раскинув покрывала,
Я б от ланит твоих горячих отгоняла
И дерзких комаров и беспокойных пчел».

..... * * * * *

И нимфа, отрока сыскав, стоит, вздыхает,
Трепещет и его с собою увлекает.
Садится на траву. Ей уступает он,
И горд, и втайне рад, и явно пристыжен.
Уж прикоснулася неверными перстами
Она к нему. Одна рука ее кудрями
Играет отрока, другая же рука
Ласкает шелк ланит младенческих слегка.
«Дитя, – зовет она, – приди на зов мой страстный,
Прекрасен, юн, ко мне, и юной, и прекрасной,
Ко мне, прелестный друг, ты на колени сядь.
Скажи, как много лет успел ты сосчитать?
Бывал ли первым ты борцом между друзьями?
Им нынче, говорят, скользящими руками,
Счастливицам, жать пришлось тебя к груди своей.
И на тебе сиял струящийся елей.
Ты потупляешь взор? О, как должна гордиться
Та, у которой мог, красавец, ты родиться!
Богиней рожден ты, верно. Что с тобой?
Ты весь дрожишь. Дитя, коснись вот здесь рукой:
Грудь у меня пышней, чем у тебя, скруглилась.
Но это – знаешь ли? – быть может, опустилась
Одежда женская перед тобой хоть раз? –
Но это не одно различие у нас.
Ты улыбаешься, краснея? Как сияет

Огонь твоих очей! Как твой румянец тает!
Не Гиацинт ли ты, любимый сын небес?
Иль тот, за кем орла ниспосылал Зевес?
Иль тот, кто, зарожден богинь пленять собою,
Из лона Мирры шел, одетого корою?
Дитя, кто б ни был ты, хочу тебя обнять!
Дитя, люби меня! Как часто отвергать
Умела юношей я пыл неукротимый;
Но ты, ты будь моим, хочу я быть любимой!

..... * * * * *
И возвестит векам мой камень гробовой,
Что Гименеем был развязан пояс мой».
(Конец 1857 или начало 1858)

«Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...»
Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру,
Встал на дыбы и, лоб склоня, грозит сатиру.
Сатир, поняв его недружелюбный вид,
Сильнее уперся разрезами копыт, –
И вот навстречу лбу несется лоб наклонный,
Удар – и грянул лес, и дрогнул воздух сонный.
(Конец 1857 или начало 1858)

Из Беранже
Последняя песня
О Франция, мой час настал, я умираю,
Возлюбленная мать, прощай! Покину свет, –
Но имя я твое последним повторяю.
Любил ли кто тебя сильнее меня? О нет!
Я пел тебя, еще читать не наученный,
И в час, как смерть удар готова нанести,
Еще поет тебя мой голос утомленный.
Почти любовь мою одной слезой... Прости!
Когда цари пришли и гордой колесницей
Тебя растоптанной оставили в пыли,
Я кровь твою унять умел их багрянницей
И слезы у меня целебные текли.
Бог посетил тебя грозною благотворной;
Благословениям грядущего внимай:
Осеменила имир ты мыслью плодотворной,
И равенство пожнет ее плоды. Прощай!
Я вижу, что лежу полуживой в гробнице,
О, защити же всех, кто мною был любим!
Вот, Франция, твой долг смиренной голубице,
Не прикасавшейся к золотым полям твоим.
Но, чтоб ты слышала, как я к тебе взываю,
В тот час, как бог меня в иной приемлет край,
Свой камень гробовой с усилием подымаю...
Рука изнемогла, он падает... Прощай!
(1857)

Из Мицкевича
Дозор
От садового входа впопыхах воевода
В дом вбежал, – еле дух переводит;
Дернул занавес, – что же? глядь на женино ложе –
Задрожал, – никого не находит.
Он поник головою и дрожащей рукой
Сивый ус покрутил он угрюмо;
Взором ложе окинул, рукава в тыл закинул,
И позвал казака он Наума.
«Гей, ты, хамово племя! Отчего в это время
У ворот ни собаки, ни дворни?
Снимешь сумку барсучью и винтовку гайдучью
Да с крюка карабин мой проворней.»
Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Где беседка стоит садовая.
На скамейке из дерна что-то бело и черно:

То сидела жена молодая.
Белой ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою от колен пред собою
Плечи юноши прочь отклоняла.
Тот, к ногам преклоненный, говорит ей, смущенный,
«Так конец и любви, и надежде!
Так за эти объятья, за твои рукожатья
Заплатил воевода уж прежде!
Сколько лет я вздыхаю, той же страстью сгораю, –
И удел мой страдать бесконечно!
Не любил, не страдал он, лишь казной побряцал он, –
И ты всё ему предала вечно.
Он – что ночь – властелином, на пуху лебедином
Старый лоб к этим персям склоняет
И с ланит воспаленных и с кудрей благовонных
Мне запретную сладость впивает.
Я ж, коня оседлавши, чуть луну увидавши,
Тороплюся по хладу ненастья,
Чтоб встретаться стенаньем и прощаться желаньем
Доброй ночи и долгого счастья.»
Не пленивши ей слуха, верно, шепчет ей в ухо
Он иные мольбы и заклятья,
Что она без движенья и полна упоенья
Пала к милому тихо в объятья.
С казаком воевода ладят с первого взвода
И патроны из сумки достали,
И скусили зубами, и в стволы шомполами
Порох с пулями плотно загнали.
«Пан, – казак замечает, – бес какой-то мешает:
Не бывать в этом выстреле толку.
Я, курок нажимавши, сыпал мимо, дрожавши,
И слеза покатилась на полку.»
– «Ты, гайдук, стал калякать? научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмелюсь!
Всыпь на полку, да живо! сдерни ногтем огниво,
И той женщине в лоб ты прицелься.
Выше, врапрраво, до разу, моего жди приказу!
Молодца-то при первом наводе...»
Но казак не дождался, громко выстрел раздался
И прямехонько в лоб – воеводе.
(1846)

«Всплываю на простор сухого океана...»
Всплываю на простор сухого океана,
И в зелени мой воз ныряет, как ладья,
Среди зеленых трав и меж цветов скользья,
Минуя острова кораллов из бурьяна.
Уж сумрак – ни тропы не видно, ни кургана;
Не озарит ли путь звезда, мне свет лия?
Вдали там облако, зарницу ль вижу я?
То светит Днестр: взошла лампада Аккермана.
Как тихо! – Постоим. – Я слышу, стадо мчится:
То журавли; зрачком их сокол не найдет.
Я слышу, мотылек на травке шевелится
И грудью скользкой уж по зелени ползет.
Такая тишь, что мог бы в слухе отразиться
И зов с Литвы. Но нет, – никто не позовет!
(1854)

«О милая дева, к чему нам, к чему говорить?...»
О милая дева, к чему нам, к чему говорить?
Зачем, при желании чувством с тобой поделиться,
Не в силах я прямо душой в твою душу пролиться?
Зачем это чувство я должен на звуки дробить?
Пока они в слух твой и в сердце твое проникают, –
На воздухе вянут, в устах у меня застывают.
Люблю, ах, люблю! – я взываю сто раз день и ночь,

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru

А ты же смеешься и гневна бываешь порою,
Зачем я не в силах горячей любви превозмочь
Иль выразить, высказать, в песни излить пред тобою.
Но, как в летаргии, не вижу возможности я
Подняться из гроба и признак подать бытия.
Давно утрудил я уста бесполезным стараньем,
Теперь я с твоими устами хочу их спясть
И лишь объясняться с тобою сердец трепетаньем,
Да лишь в поцелуях и вздохах любовь выражать.
И так говорил бы с тобою часы, дни и годы,
До смерти природы и после кончины природы.
(Декабрь 1840)

Песни кавказских горцев

«Станет насыпь могилы моей просыхать...»
Станет насыпь могилы моей просыхать, –
И забудешь меня ты, родимая мать.
Как заглушит трава всё кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец.
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.
(29 октября 1875)

«Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой...»
Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой;
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца;
Свое тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.
(29 октября 1875)

«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво...»
«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Из-под снега травка проросла красиво.
Влезь-ко, мать, на крышу, глянь-ко на восток:
Из-под льда ущелья вешний вон цветок».
– «Не пробиться травке из-под груди снежной,
Изо льда ущелья цвет не виден нежный;
Никакого дива: влюблена то ты,
Так тебе на снеге чудятся цветы.»
(29 октября 1875)

Перевод французского стихотворения Ф.И. Тютчева

«О, как люблю я возвращаться...»
О, как люблю я возвращаться
К истоку первых твоих дней
И, внемля сердцем, восторгаться
Всё той же прелестью речей.
Как много свежести и тайны
На тех встречаю берегах!
Что за рассвет необычайный
Сквозил в тех дымных облаках!
В каких цветах был луг прибрежный,
Ручья как чисто было дно!
Как много дум с улыбкой нежной
Лазурью той отражено!
О детстве, понятном так мало,
Чуть поминала ты порой, –
Казалось мне, что оевало
Меня незримою весной!
(14 марта 1892)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://fetathanasius.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
Страница 277

Полное собрание стихотворений. Афанасий Афанасьевич Фет fetathanasius.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!